

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Филологический факультет

Кафедра русского языка как иностранного и методики его преподавания

Красюкова Юлия Андреевна

**Лексико-семантическое поле «душа» (на материале романа
Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»)**

Выпускная квалификационная работа

магистра лингвистики

Научный руководитель: д.ф.н., доцент Беневоленская Н.П.

Рецензент: к.ф.н., доцент Власова А.О.

САНКТ – ПЕТЕРБУРГ

2017

Содержание

Введение	4
Глава I Лексико-семантическое поле	9
§ 1. Лексическая система языка и её структура.....	9
§ 2. Слово и лексическое значение.....	13
§ 3. Лексико-семантический вариант.....	14
§ 4. Понятие лексико-семантического поля.....	16
§ 5. Типы лексико-семантических полей и взаимоотношений их элементов.....	24
§ 6. Принцип организации семантических отношений внутри лексико-семантического поля.....	29
§ 7. Понятия центра и периферии лексико-семантического поля.....	34
§ 8. Лексическое значение слова <i>душа</i>	34
§ 9 Существительное <i>душа</i> : одушевлённое или неодушевлённое?.....	38
Выводы по первой главе	39
Глава II Лексико-семантическое поле <i>душа</i> (на материале романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»)	41
§ 1. Концепт <i>душа</i>	41
§ 2. Опорное миниполе ЛСП <i>душа</i>	45
§ 3. Миниполе основных содержательных планов ЛСП <i>душа</i>	55
§ 4. Дискурсивное миниполе центральных персонажей романа «Братья Карамазовы» ЛСП <i>душа</i>	69

§ 5. Авторские синтагмы с компонентом <i>душа</i> в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы».....	72
§ 6. Ядерные элементы ЛСП <i>душа</i>	74
Выводы по второй главе.....	75
Заключение	79
Список использованной литературы	83
Приложение 1.....	89
Приложение 2.....	145

Введение

Н.А. Бердяев писал: «Творчество Достоевского полно не только откровений о человеческой природе вообще, но и особых откровений о природе русского человека, о русской душе» (Бердяев, 1918: 60). Исследование текстов Ф.М. Достоевского на предмет выявления смысловых компонентов понятия *душа* может иметь лингвокультурологическое значение, а материал, полученный в результате исследования, использован в практических целях преподавания РКИ.

Наше исследование проводилось в русле лингвистического анализа творческого наследия Ф.М. Достоевского, сложившегося в отечественной науке в последние годы: работа С.Б Пухачёва над кинестическим аспектом романа «Братья Карамазовы», изучение проблемы духовного возрождения человека в романе «Братья Карамазовы» Чжан Бяньгэ, исследование концептосферы романа «Братья Карамазовы» О.А. Бодаревской, исследование ономастики романов «Братья Карамазовы» и «Подросток» С.А. Скуридиной; выявление отражения русской ментальности в идеостиле Ф.М. Достоевского на материале «великого Пятикнижия» О.А. Боковой, которая обозначила наиболее важные признаки концептов любовь, судьба, свобода, воля, совесть, тоска.

У Ф.М. Достоевского человек представлен в его сложности: противостояние и борьба разворачиваются в пространстве души человека, и душа, таким образом, оказывается одним из смысловых центров и

пространств романа. Вопрос о сущности души, как нам кажется, — один из важнейших в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Лексическое многообразие употребляемых в тексте романа атрибутивных и глагольных синтагм заставляет задуматься о многообразии семантических компонентов понятия *душа*.

Но не только для автора «Братьев Карамазовых» душа является важным понятием, особенную значимость оно имеет для понимания самой русской ментальности.

Данные Частотного словаря современного русского языка / О.Н. Ляшевская, С.А. Шаров. — М : Азбуковник, 2009 свидетельствуют о 356 словоупотреблениях на 1 млн. Это количество сопоставимо с количественными характеристиками таких слов как *начало* (361), *свет* (359), *путь* (357). Культурно-национальная специфика понятия *душа* обусловлена культурно-национальным опытом, а также традициями, которые имеют своим основанием религиозно-философское осмысление бытия. Безусловно, большое значение состоит в художественно-образном преломлении представления о душе в индивидуальном сознании писателей. Особенности функционирования лексико-семантического поля (ЛСП) *душа*, являющегося проекцией понятия *душа*, содержание которого определяется мировоззрением автора романа «Братья Карамазовы», мы и намерены исследовать.

Актуальность исследования определяется смысловой неисчерпаемостью представлений о душе и традиционной для русского языка и русской культуры сосредоточенностью на таинственных проявлениях той части личности человека, которую в русском языке принято называть *душой*. Само определение *души* весьма размыто, несмотря на то, что в каждом толковом словаре имеется одноимённая дефиниция.

Объектом исследования является лексико-семантическое поле *душа* как компонент духовно-интеллектуально-эмоционального дискурса романа.

Предметом исследования являются языковое выражение содержания понятия *душа*, единиц входящих в состав этого поля на материале романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы».

Целью диссертационного исследования стало проведение анализа языковых единиц, входящих в состав выделенного нами ЛСП *душа*, и функционирования этих единиц, оттенки значения, семантика.

Для достижения цели исследования были поставлены следующие **задачи**:

1) уточнить содержание исходных понятий исследования: лексико-семантическое поле, лексема, понятие, ядро, центр и периферия лексико-семантического поля, лексико-семантическое значение, лексико-семантический вариант;

2) провести анализ семантических микрополей с ядром *душа*, возникающих в дискурсе каждого из главных действующих лиц, среди которых Карамазов-отец и рождённые от него дети;

3) на основе проведённого анализа определить границы и содержание дискурсивного поля *душа* каждого из вышеуказанных героев;

4) разработать собственную модель исследования лексико-семантического поля *душа*;

5) проанализировать функциональную и семантическую специфику лексико-семантического поля *душа* в тексте романа Достоевского «Братья Карамазовы»;

6) сделать выводы о составе, характере и особенностях функционирования языковых единиц, входящих в состав ЛСП *душа*.

Научная новизна работы заключается в том, что проведён лексико-семантический анализ такого феномена русской культуры, как *душа* на материале романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы».

Методы исследования:

- 1) сплошной метод (из словаря языка Достоевского);
- 2) описательный метод;

- 3) сопоставительный метод;
- 4) метод компонентного анализа;
- 5) приёмы стилистической и частотно-статистической характеристики.

Материал исследования — данные словарей: конкордансы из Словаря языка Достоевского в 4 т. / гл. ред. Ю.Н. Караулов. — СПб., 2015 и контексты из текста романа «Братья Карамазовы», данные Толкового словаря живого великорусского языка Владимира Даля / под. ред. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ, 4-е изд. — СПб.—М., 1912, Энциклопедического словаря Т. 21 / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. — СПб.: Типо-литография И.А. Ефрона, Прачешный пер., №6, 1893, Большого академического словаря русского языка 5 т. — СПб., 2006, а также текст романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы».

Теоретическая база для проведения исследования: труды исследователей: Филина Ф.П., Новикова Л.А., Шмелёва Д.Н., Ахмановой О.С., Вердиевой З.Н., Покровского М.М., Щура Г.С., Ипсена Г., Трира Й., Уфимцевой А.А., Кронгауза М.А., Кобозевой И.М., Арнольд И.В., Кузнецова А.М., Васильева Л.М., Караулова Ю.Н., Телия В.Н., Виноградова В.В., Шанского Н.М. и др.).

Практическая значимость заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы в практике преподавания РКИ, в частности в аспектах чтения, разговора, лингвострановедения, лингвокультурологии и др., в составлении учебных пособий для изучающих русский язык как неродной, лекционных и семинарских курсов по лексикологии, лингвокультурологии и др.

На защиту выносятся положения:

1. ЛСП *душа* в романе Достоевского «Братья Карамазовы» — сложное дискурсивное образование, состоящее из нескольких микрополей, имеющих эмоционально-интеллектуальное осмысление, привязанное к образам каждого говорящего. Лексема

душа вступает в синтагматические и парадигматические связи и может быть рассмотрена в аксиологическом аспекте.

2. ЛСП *душа* в романе Достоевского является частью макрополя *душа* с подвижными семантическими границами, что характерно для русской лингвокультуры как в XIX, XX, так и в XXI веке. Таким образом, ЛСП *душа* русского языка обладает теми же характеристиками, что и ЛСП *душа* в романе Достоевского «Братья Карамазовы», в связи с чем наделено некоторыми признаками процессуальности.

Глава I. Лексико-семантическое поле

§ 1. Лексическая система языка и её структура

Язык — сложная система, слова в которой «цементируются грамматическими и лексико-семантическими отношениями, без чего немислимы связная речь, общение между людьми, познание и перестройка мира» (Филин, 1982: 218).

Язык — сплочённая система, единое целое, элементы которого тесно связаны друг с другом и состоят в определённых отношениях. Язык рассматривается наукой как знаковая система, любой элемент которой противопоставлен другим подобным элементам, занимает в системе вполне определённое место, характеризуясь свойственной именно ему значимостью. Именно это делает его удобным для анализа и описания. Охарактеризовать систему можно через её структуру, которая определяется как совокупность отношений между её элементами. Совокупность элементов языка и структура их взаимоотношений составляют определённую систему, а сами системы разных уровней языка при взаимодействии друг с другом образуют общую систему языка (Новиков, 1982: 60).

Система — это единство взаимосвязанных и взаимозависимых частей, однородных по своему составу. Систему образуют, во-первых, множество элементов: предметов и понятий, во-вторых, отношения, существующие

между ними. Включение в систему или устранение из неё какого-либо элемента нарушают её естественное функционирование — система может продолжить работать, но уже не так эффективно, как прежде, а может полностью разрушиться. Системы различны между собой способностью пополнять свой состав новыми элементами, сложностью строения или степенью организованности содержащихся в ней элементов.

Лексическая система языка очень сложна по своей организации и структуре, это объясняется разнообразием присущих языку функций и многообразием обслуживаемых языком сфер коммуникации, речевых ситуаций, классов общества.

Внеязыковая действительность оказывает непосредственное воздействие на лексику, что обуславливает определённость её принадлежности к открытой и незамкнутой системе. Основная особенность открытых систем — их взаимодействие с внешней средой, характер которого определяет их собственную сущность (Шмелёв, 1973: 19).

Другая особенность открытых систем — их подвижность. Эта особенность определяет не только процессы, связанные с происхождением семантических сдвигов внутри групп слов, а также появление неологизмов, но и значительно более глубинные процессы. В результате происхождения всех этих процессов словарный состав языка непрерывно изменяется, а значит, в каждый момент существования языка нельзя определить его лексический фонд с достаточной точностью.

Ещё одна значимая особенность лексики — семантическая неопределённость. Лексические значения, в отличие от системы грамматических значений, не образуют регулярных рядов, более того, во внушительном числе случаев охарактеризовать лексическое значение слова с полной определённостью невозможно: один из элементов значения может оказаться приписан слову безусловно (Шмелёв, 1973: 21). Данные

особенности лексики не оставляют сомнений в том факте, что установление связей здесь определённо сложнее, чем в фонологии или грамматике.

В классическом определении лексико-семантической системы, сформулированном В.В. Виноградовым, делается акцент на то, что «слова и их значения... не могут не быть объединены в стройную систему» и выделяются важные черты последней: «Лексико-семантическая система <...> включает в себя 1) слова и выражения; 2) словообразовательные и грамматические категории, в зависимости от которых стоят семантические группировки, смысловые отношения слов, их сочетаемость.

Все элементы лексико-семантической системы внутри спаяны, соотносительны и взаимопризнаны, все слова и их значения находятся во взаимосвязи и взаимодействии. Во всех частях и звеньях лексики наличествуют внутренние закономерные связи» (Виноградов, 1959: 4).

Важно обратить внимание на то, что в некоторых случаях обнаружение системных связей на лексическом уровне является довольно затруднительным — это объясняется подвижностью, незамкнутостью, открытостью лексического состава. Эти свойства лексико-семантической системы присущи также семантическим полям.

По мнению Л.А. Новикова, системность лексики проявляется в «...принципиальности возможности последовательного описания словаря путём распределения слов-понятий, точнее лексико-семантических вариантов, по семантическим (понятийным) полям» (Новиков, 1973: 8).

§ 1.1. Понятие душа

По сложившейся традиции такая сущность, как душа, мыслится и как идеальная, и как материальная, и как идеально-материальная. Возможно, именно эта неопределённость парадоксально делает представления о душе актуальным объектом для лингвистического исследования. Понятие *душа*

способно порождать микро- и макро- лексико-семантические поля как в дискурсе обычного носителя русского языка, так и в идиостиле русских писателей XIX века. По опыту коллег, с представлением о русской душе у иностранных студентов в частности ассоциируется творчество Достоевского, даже если они его не читали.

Объём понятия *душа* с трудом поддаётся оценке, при этом по традиции *душа* — лексема, которая порождает индивидуальное ЛСП в сознании обычного носителя языка и таких писателей как Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов.

§ 1.1.1. Синтагма

Единицей анализа в нашей работе выступает синтагма, которая определяется в Лингвистическом энциклопедическом словаре / под ред. В. Н. Ярцевой. — М : Большая Рос. энцикл., 2002 (*в дальнейшем* — Словарь под ред. Ярцевой) как «интонационно-смысловое единство, которое выражает в данном контексте и в данной ситуации одно понятие и может состоять из одного слова, группы слов и целого предложения» (Лингвистический, 2002: 447).

Большое значение в нашей работе имеют также такие понятия как текст, контекст, дискурс, в определении которых мы следуем за Словарём под ред. Ярцевой.

§ 1.1.2. Текст

«Текст — объединённая смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» (Лингвистический, 2002: 507).

§ 1.1.3. Контекст

«Контекст — фрагмент текста, включающий избранную для анализа единицу, необходимый и достаточный для определения значения этой единицы и являющийся непротиворечивым по отношению к общему смыслу данного текста» (Лингвистический, 2002: 238).

§ 1.1.4. Дискурс

«Дискурс — связный текст в совокупности с экстралингвистическими: прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами» (Лингвистический, 2002: 136-137).

Для построения ЛСП *душа* на материале романа «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского нам потребуется:

провести анализ функциональных и ценностно-оценочных признаков, а также анализ лексических значений слов, входящих в состав синтагмы, репрезентирующей слово *душа*;

выявить общие свойства и особые признаки лексемы *душа*, входящей в выделенные нами синтагмы, а также категориальные и оценочные признаки;

выявить наличие и характер парадигматических связей внутри ЛСП *душа*;

исследовать микрополя каждого из выделенных героев, включающие синтагмы, рассматриваемые с учётом ситуации общения, определяемой местом, временем, участниками и темой диалога/полилога, а также причинно-следственные отношения, возникающие в сознании героя между тем, что он понимает под словом *душа*, и тем, что он о ней говорит.

§ 2. Слово и лексическое значение

Ф.П. Филин говорит о многообразии значений, которые могут создаваться различными сочетаниями слов; взаимодействуя в речи, слова

раскрываются в новые смыслы, не заложенные в них по отдельности. Приведём пример из романа «Братья Карамазовы»: *(вы) одною с ними душой-с* (Братья, 2015: 645). Данная синтагма содержит четыре слова, каждое из которых, если взять его в отдельности от остальных, имеет строго определённое значение: *одною* — единственное число, выраженное лексически; *с ними* — объединение нескольких лиц в группу; *душой* — личностная сущность человека (Словарь, 2005: 244), уникальные по своей природе; только соединённые между собой эти слова создают в сознании читателя общее понимание сходства между собой характеров упоминаемых персонажей. Универсальную связь слов между собой Филин называет контекстуальной.

Филин также говорит о связи, между значениями одного и того же слова при полисемии: их значения могут иметь как общий семантический элемент: *дом* — 1. *Жилое здание*; 2. *Квартира*; 3. *Учреждение* (ТСРЯ, 2016: 270), так и разделяться на исходные и переносные: *мыло* — 1. *Твёрдый кусок или густая масса из жиров и щелочей, растворяющихся в воде, употребляется для мытья*; 2. *Пот у лошади, проступающий в виде белой пены* (Там же: 562) (Филин, 1982: 219).

Виноградов связывает переход от номинативной функции слова к его семантическим формам с коммуникативной функцией речи, а «слово, рассматриваемое в контексте языка, то есть взятое во всей совокупности своих форм и значений» обозначает как *лексему*. Он говорит, что слово со всеми своими существующими и возможными значениями хранится в сознании носителя языка и независимо от того, в каком значении оно употребляется в конкретном случае, каждый из совокупности его смыслов в любой момент готов показаться на поверхность. Значение слова определяется контекстом, в котором оно употреблено, а значит, сколько обособленных контекстов возможно для данного слова, столько и значений оно может

иметь, при этом само слово не перестанет быть единым (Виноградов, 1986: 21).

§ 3. Лексико-семантический вариант

Основной единицей в лексической семантике Новиков называет слово, а элементарной единицей — лексико-семантический вариант слова (ЛСВ). Под ЛСВ понимается минимальный элемент лексико-семантической системы, отражающий в мыслительных и коммуникативных процессах определённые «сегменты действительности», «слово-понятие» (по Л.В. Щербе) (Новиков, 1982: 111).

Сам термин «ЛСВ» ввёл в научный обиход А.И. Смирницкий. ЛСВ, различаясь своими лексическими значениями, образуют структуру одного слова, например *задумать*: 1) *решить*, 2) *мысленно*; *вырыть*: 1) *рыть*, 2) *извлечь*; *мизерный*: 1) *маленький*, 2) *незначительный* (ТСРЯ, 2016: 315, 187, 537).

ЛСВ представляет собой совокупность всех грамматических форм данного слова, сводящихся к одному из его значений (стол — предмет мебели).

Слово, как основная единица лексико-семантической системы, в отличие от ЛСВ — это совокупность всех его грамматических форм во всех существующих значениях. В тех случаях, когда слово однозначно, оно фактически содержательно совпадает с ЛСВ, хотя рангом слово, как единица выше, чем ЛСВ (*Миг* — *мгновение*, *короткий промежуток времени*). Из выше сказанного Новиков делает вывод, что слово в одном из возможных его определений — это «совокупность формально тождественных и внутренне взаимосвязанных ЛСВ, т.е. конкретных, непосредственно воспринимаемых реализаций его в тексте», включая все грамматические формы данных ЛСВ (Новиков, 1982: 113).

ЛСВ, с точки зрения Новикова, представлено означающим и означаемым. Означаемое, как правило, представлено рядом грамматических форм, соотнесённых с конкретным лексическим значением. Н.И. Толстой предложил следующую терминологию: «В плане выражения слово — лексема, в плане содержания — семема. Под лексемой, таким образом, нужно понимать лишь звуковую оболочку слова, под семемой — его содержание» (Толстой, 1963: 30). Из этого следует, что ЛСВ представляет собой некое единство лексемы и семемы, а слово — единство тождественных лексем с соответствующими взаимосвязанными семемами (Новиков, 1982: 115).

Для П.Н. Денисова ЛСВ — это элементы лексико-семантического уровня, репрезентирующие его лексическое значение в системе языка. Проявляется лексико-семантический уровень, по Денисову, тройко: 1) в противопоставлении лексематическому уровню в сводном толковом словаре общелитературного языка; 2) в противопоставлении аллолексическому уровню в терминологических словарях, описанию в которых подлечит функциональная разновидность литературного языка; 3) противопоставление сходит на нет на уровне текста, когда дело касается словоформ и особое внимание уделяется явлениям реализации определённых значений слов, влиянию контекста, словоупотреблению, окказиональным переосмыслениям, ситуации и т. п. (Денисов, 1993: 58).

Денисов также говорит о валентности слова как о способности вступать в определённую синтаксическую связь с одним и более словами. Число валентностей слова может быть разным и находится в различном соотношении с числом его ЛСВ. Ответы на вопросы, касающиеся валентностей, их обязательности и факультативности, их варьируемости для различных ЛСВ одного и того же слова, можно найти в «Словаре сочетаемости слов русского языка».

§ 4. Понятие лексико-семантического поля

Лексико-семантическое поле — это сложная система, важнейшими свойствами которой можно назвать наличие центра и периферии, иерархический принцип построения поля, отсутствие чётких границ, незамкнутость, взаимодействие с другими полями, способность членов поля притягивать к себе другие элементы или быть притянутыми элементами других групп, наличие лакун, асимметричность построения, специфичность в разных языках, самостоятельность в лексико-семантической системе (Вердиева, 1986: 4; Щур, 1974: 159).

Возможность объединения множества частных систем слов и представления лексики в таком виде была обозначена в лингвистических трудах рубежа XIX—XX вв., например, М.М. Покровский (1896 г.) писал о том, что сами слова и их значения существуют не отдельно друг от друга, соединяются в нашем сознании, независимо от нашей воли на то, в различные группы, причём основанием для их объединения служит сходство или полная противоположность по основному значению. «Понятно уже a priori, что такие слова имеют сходные или параллельные семасиологические изменения и в своей истории влияют одно на другое, понятно также, что эти слова употребляются в сходных синтаксических сочетаниях <...> и могут иметь свои собственные формальные особенности» (Покровский, 1959: 82-83).

Потребность в выделении семантических полей появилась при создании идеографических словарей, или тезаурусов. Сам термин «семантическое поле» вошёл в научный дискурс и стал активно употребляться после выхода работ Г. Ипсена и Й. Трира. У последнего идея поля появилась в 1923 году. Концепция Трира основывается на положении о том, что язык — это самостоятельная замкнутая система, которая определяет сущность всех своих основных частей. Мир, существующий в сознании носителей языка в виде системы понятий, членится этим языком. Данная система является содержательной стороной языка и участвует в его членении.

Каждому подобному полю понятийной сферы в языке соответствует лексическое поле, которое состоит из совокупности отдельных слов. В качестве примера подобного поля в работах Трира предложена понятийная сфера интеллекта, включающая слова со значением «рассудок», «ум», «мудрость» (Щур, 1974: 23).

Лексические поля очерчивают границы понятийных полей, полностью покрывая соответствующие им объёму пространства. Состав лексического поля, выступающего в роли самостоятельной единицы и занимающего положение промежуточного элемента между всей языковой системой и отдельным словом, определяет принадлежность слов к тому или иному полю, то есть способность слов выражать определённый круг понятий. Самостоятельность такой единицы, как поле, по мнению Трира, заключается в том, что взятые отдельно от поля слова не являются полноценными носителями смысла. Каждое из них имеет смысл по той причине, что его имеют смежные с ним слова, так же входящие в данное поле. Поэтому слушающий в состоянии понять значение отдельного слова в том случае, если в его сознании содержится всё поле словесных знаков. Другими словами, слову присуще значение только внутри лексического поля и благодаря этому полю. По словам Трира, «отдельно взятое слово приобретает определённость при опоре на численный состав и расположение значений, которые противостоят ему в общем поле, и корректность понимания отдельно взятого слова находится в зависимости от психического присутствия данного общего поля и от его специфической, уникальной структуры. Чтобы понимание состоялось, количественный состав и правильное расположение языковых знаков данного понятийного поля имплицитно должны присутствовать у слушателя» (Цит. по Нильсен, 2001: 30-31).

В то же время, когда какое-либо понятие меняет своё значение или выпадает из поля, все отношения между понятиями данного поля перестраиваются, а следовательно содержание значений понятий данного

поля меняется, это может повлечь за собой даже отмирание некоторых из них или возникновение новых. Словарный состав языка, по Триру, распадается на семантические поля, совокупность которых и составляет лексико-семантическую систему языка. Между собой семантические поля связаны через иерархию подчинения (наиболее широкие или узкие поля). Многозначные слова оказываются в составе нескольких полей одновременно. Структура каждого поля с течением времени меняется, в след за этим меняется и лексическая система языка в целом (Филин, 1982: 228-229).

По мнению Филина, методологические основы теории Трира неприемлемы. Филин понимает семантические поля Трира как системы интеллектуальных единиц, не соотносящиеся с реальным миром, и присваивает его теории статус идеалистического учения, не соответствующего действительности. Помимо этого, по словам Филина, Трир ставит системные отношения выше языковой субстанции, которая, согласно реальному состоянию языка, порождает их. Кроме того исследователь нападает на «высокую степень абстракции», которой характеризуется теория Трира, согласно которой значение слова существует только благодаря конкретному месту, которое оно занимает в семантическом поле, а поле, в свою очередь, определяется лексическим содержанием входящих в него слов. «Заколдованный круг» Трира высокой степенью абстракции по мнению Филина отрывается «от реальной языковой почвы» (Филин, 1982: 230).

С точки зрения Уфимцевой, Й. Трир ошибался в определении основных свойств семантического поля:

1. Постоянные и конкретные границы семантических полей, которые строго определены.

2. Присвоение слову лексического значения исключительно через понятийное поле, не заостряя внимания на предметной и понятийной соотнесённости слова.

3. Чёткое соответствие между полями словесных знаков и понятийными полями.

4. Характер непрерывности словесных полей в отношении того, как ими покрываются понятийные поля (Уфимцева, 1986: 137).

Альтернативой понятийному подходу к обозначению границ семантического поля послужило лингвистическое направление, которое было основано на использовании связей, присутствующих между значениями отдельных слов, каждое из которых рассматривается как основная и самостоятельная единица языка. Лексический состав языка по-разному изучается представителями собственно лингвистического подхода, они могут использовать различные методики, но все так или иначе сходятся на изучении слова или словосочетания, группы слов, но не понятий, исследуют типы семантических связей слов в языке. Однако говорить о каком-либо едином научном направлении в формировании теории семантических полей пока не приходится.

Наиболее выдающимися сторонниками лингвистического подхода, заложившими своими исследованиями некие основы разработки концепции семантического поля, считаются Ипсен и Порциг, рассматривающие словарный состав языка через деление на лексико-грамматические и лексико-синтаксические группы слов, Ройнинг, применивший методику самостоятельного исследования семантических систем для разных языков, Рудскогер, сводивший понятие «поле» к значению, содержанию понятия полисемантического слова (Цит. по Нильсен, 2001: 31-32).

Данный подход получил широкое распространение и дальнейшую разработку в трудах отечественных лингвистов, трактующих различные комплексы семантически содержательных единиц как семантико-синтаксические поля (Филичева, 1971; Золотова, 1982).

Заслуживая И. Трира считают разведение понятий «понятийное» и «лексическое» поле и введение этих терминов. Но сам И. Трир обосновывал свой подход практическими соображениями. Он ставил перед собой вопрос: что может служить основой для выделения определённой группы слов из всего лексикона. В качестве критерия он использовал общее значение у данной группы слов.

Понятие семантического поля получило распространение после выхода в свет работы Г. Ипсена, где оно было дефинировано как совокупность слов, обладающих общим значением. Однако сам полевой подход, в основе которого находится исследование групп слов, близких по значению, с точки зрения И. Трира и Е.А. Найды, восходит к самим В. Гумбольдту и Г. Остгофу, которые использовали в своих работах термин «система», а не «поле» (Щур, 1974: 23).

Термин «лексико-семантическое поле» дефинируется учёными по-разному. Приведём несколько определений и постараемся выявить основные черты, присущие этому понятию.

«Семантический полем называется множество слов, объединённых общностью содержания, или, говоря более конкретно, имеющих общую нетривиальную часть в толковании» (Кронгауз, 2005: 130).

«Поле в лингвистике представляется как совокупность слов различных частей речи, объединённых общностью выражения одного понятия. Именно понятие служит основой интеграции слов в поле» (Вердиева, 1986: 4).

«Семантическое (словесное) поле представляет собой в структурном плане лексическую парадигму, которая возникает, при сегментации лексико-семантического континуума на различные отрезки, соответствующие отдельным словам языка». Данные слова противостоят друг другу на основе элементарных смысловых различительных признаков (Косериу, 1969: 95).

По мнению Лерера, «семантическое поле представляет собой группу слов, близко соотносимых по значению и подпадающих под определение общего термина». Основная цель анализа таких полей заключается в выявлении всех слов, входящих в данное поле и отношений таких слов друг к другу, а также к общему термину (Цит. по Кузнецов, 1980: 74).

«Лингвистическое поле — это совокупность слов, которые, будучи связанными друг с другом определёнными взаимоотношениями, образуют иерархическое структурное единство» (Там же).

Трир находил зависимость правильности понимания отдельного слова от метафизического присутствия общего поля, к которому данное слово принадлежит, от специфической структуры, численности состава и расположения противостоящих слову значений-элементов данного поля. Для осуществления этого понимания необходимо имплицитное наличие у слушателя состава и расположения языковых знаков данного поля (Там же).

И.В. Арнольд определяет поле следующим образом: «...его (поле) можно понимать как множество слов, покрывающих определённую область человеческого опыта и, следовательно, связанных по значению. Множество это создаётся указанием общего свойства его компонентов» (Арнольд, 1984: 3).

По мнению И.М. Кобозевой, «семантическое поле представляет собой совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединённых общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное и функциональное сходство обозначаемых явлений» (Кобозева, 2000: 99).

В нашей работе термин «*лексико-семантическое поле*» мы используем, опираясь на подход к данному понятию И.В. Арнольд, для которой поле — множество слов, покрывающих определённую область человеческого опыта и, следовательно, связанных по значению. Множество это создаётся

указанием общего свойства его компонентов. Это общее свойство устанавливается с помощью компонентного анализа. Отдельный лексико-семантический вариант может в семантическом аспекте тоже рассматриваться как множество — множество семантических компонентов или сем и отношений между ними (Арнольд, 1984: 3-11).

Упорядоченность, взаимоопределяемость — свойства ЛСП, которые гарантируют его выделяемость и целостность (Кривченко, 1973). Семантическое поле, с точки зрения Ахмановой, соответствует «частичке действительности», выделенной в человеческом опыте и имеющей соответствие в конкретном языке в микросистеме большей или меньшей автономности (Ахманова, 1966, 334).

Основные труды данной области исследований (Адмони, 1964; Бондарко, 1971; Гулыга, Шендельс 1969, 1972, 1983; Кузнецов, 1980; Стернин, 1985) позволяют выявить наиболее значимые положения полевой концепции языка:

1. Поле включает совокупность элементов, которые связаны между собой системными отношениями.
2. Элементы поля имеют определённую семантическую общность и общность выполняемых в языке функций.
3. Поле объединяет как однородные, так и разнородные элементы.
4. Составные части поля — микрополя, в одном поле должно быть не меньше двух микрополей.
5. Микрополя поля организованы вертикально и горизонтально. Вертикальная организация отвечает за структуру микрополей, а горизонтальная — за их взаимоотношения.
6. Элементы в составе поля подразделяются на ядерные и периферийные. Ядро образуется вокруг компонента-доминанты.

7. Ядерные элементы наиболее центральны, они используются систематически, наиболее частотны по сравнению с другими элементами и являются обязательными для состава данного поля.

8. Функции, существующие внутри поля, распределяются следующим образом: часть функций выполняется ядром, часть — периферией.

9. Границу между ядром и периферией нельзя назвать чёткой и конкретной, она размыта.

10. Отдельные элементы поля могут принадлежать и к ядру одного поля, и к периферии другого(их) поля(ей).

11. Закон полевой организации системы языка предполагает частичное наложение различных полей друг на друга, в следствии чего образуются зоны постепенных переходов между двумя и более полями.

Критерием взаимосвязи лексических единиц, а также включения их в ту или иную группу могут выступать «семантический признак», по наиболее общему определению, «лексические значения в целом», по терминологии Н.Г. Долгих (Долгих, 1973), «смысловый признак», по мнению Л.М. Васильева (Васильев, 1971), а кроме того различные значения того или иного слова, варианты или компоненты его значения и др. Подобным общим элементом может также оказаться понятие, ситуация, тема.

Установить интегрирующий компонент, по которому слова объединяются в поле, позволяет компонентный анализ. Слова объединяются в поле независимо от их частей речи. Элементами лексико-семантических полей являются не слова в их словарном значении, а их лексико-семантический вариант, поскольку внутри изначальной семантической структуры слова интегральный признак поля в некоторых вариантах слова может отсутствовать.

Таким образом, в нашей работе под лексико-семантическим полем понимается совокупность лексических единиц, которые объединены общностью содержания и общностью формальных показателей и отражают понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений.

Лексико-семантическое поле *душа* в данном случае — это семантически соотнесённая группа единиц, представляющих собой синтагмы с компонентом *душа*, характеризующие данное понятие с разных сторон и связанные между собой системными семантическими отношениями. Это поле сравнительно автономно, интуитивно понятно относительно языка и обладает для него психологической реальностью. Следовательно, изучаемый нами комплекс синтагм может быть обозначен как лексико-семантическое поле.

§ 5. Типы лексико-семантических полей и взаимоотношений их элементов

А.А. Уфимцева предлагает выделить следующие типы полей:

1) концептуальные (понятийные) поля, охватывающие область понятийного содержания, определённого логикой предметного мира, а так же логикой человеческого мышления;

2) семантические поля — содержание конкретного языка с учётом его национального и культурного своеобразия, лексико-семантические парадигмы (группировки);

3) ассоциативные поля — поля, разнообразные по отношению связи слов по смыслу; варьируются от одной языковой общности к другой, от индивида к индивиду.

В результате использования и восприятия языка эти три различных вида полей «взаимодействуют то как содержание и форма его выражения, то как

причина и её следствие, то как инвариантное (общее) и варьирующееся (индивидуальное) и т. п.» (Уфимцева, 1988: 138).

С точки зрения Ю.Н. Караулова, «ассоциативное поле, будучи онтологически отражением структур мысли, может рассматриваться как характеристика индивидуума, среднего носителя языка, воспринимающего действительность. Понятийное же *поле* тяготеет к тому, чтобы быть непосредственным отражением, характеристикой самой действительности. Семантическое поле, в нашем понимании, стремится соединить обе указанные характеристики» (Караулов, 1976: 176).

Г.С. Щур в своих исследованиях даёт другую классификацию типов лингвистических полей. Они у него подразделяются на парадигматические, функционально-семантические, грамматические, синтаксические и ассоциативные.

Парадигматические поля могут быть двух основных типов:

1) лексические поля — их ядром является слово;

2) понятийные поля — слова в них объединены тем, что в их смысловом основании присутствует одно общее понятие, так называемые элементарные поля, или несколько близких друг к другу по значению понятий — комплексные поля. Лексические поля в свою очередь делятся на морфологические, синтагматические и ассоциативные (Щур, 1974: 35-36).

В морфологических полях слова, которые имеют центральное, близкое для всех элементов значение, группируются вокруг ядра. К ним относятся: омографы, омофоны, паронимы, слова, образованные посредством одинаковых префиксов или суффиксов, а также слова, имеющие одинаковые по форме окончания, слова, производные от одного корня (Щур, 1974: 35-36).

Синтагматические поля отличаются свойственной им ассоциативной связью слов с центральным членом, ассоциации могут быть основаны на

семантическом или формальном сходстве, а также на обоих сходствах одновременно (Щур, 1974: 35-41).

Связь слов в ассоциативных полях существует на основе лексических ассоциаций, которые классифицируются тем или иным способом и обусловлены некими экстралингвистическими факторами (Там же: 80-94).

Васильев делит семантические поля на прагматические, синтагматические и смешанные: «Все типы семантических полей являются по своей структуре или прагматическими, или синтагматическими, или смешанными (комплексными). Парадигматические поля — это различные типы парадигм с каким-либо общим семантическим стержнем (категориальным значением). Синтагматические поля реализуются в различных типах конкретных семантических синтагм, а смешанные поля — в различных типах абстрактных семантических полей» (Васильев, 1990: 135-136).

Васильев разводит понятия семантического класса слов и семантического поля, в семантические классы также входят поля парадигматического типа. Они представляют собой группировки, члены которых связаны между собой общим смыслом. К ним учёный относит лексико-грамматические разряды, лексико-семантические группы, объединения слов: синонимические и антонимические. Лексико-семантические, синонимические и антонимические объединения слов называют лексико-семантическими парадигмами.

В качестве примера семантического поля парадигматического типа приведём некоторую синонимическую группу, например прилагательных оценочного характера: *добрый, отзывчивый, самоотверженный, сердобольный*. Антонимичной данной группе будет являться группа *злой, корыстный, жестокий*. Семантическое поле прилагательных оценочного

характера больше по объёму и включает в себя обилие различных синонимических и соответствующих им антонимических групп.

Все элементы данного семантического поля объединяет интегральный семантический признак «моральная оценка», но их значение не тождественно. Единицы обозначенного семантического поля различаются дифференциальными признаками, например «жертвование своими интересами» (*самоотверженный*), «безжалостность» (*жестокий*). Помимо этого, они различаются узуальными, стилистическими, коннотативными и деривационными компонентами значения. Например, прилагательное *сердобольный*, кроме семы «добрый», имеет также дополнительную характеристику разговорного стиля.

Слова, входящие в состав отдельного семантического поля, связаны между собой системными отношениями, и, следовательно, все элементы поля противопоставлены друг другу. Семантическое поле относительно автономно. Поля взаимодействуют между собой в пределах всей семантической системы, между ними нет чёткой границы. Семантические поля могут пересекаться друг с другом, а также одно из них может являться частью другого. Значение каждого слова наиболее полно раскрывается только тогда, когда известны значения других слов-элементов того же поля, таким образом, семантическое поле характеризуется взаимоопределяемостью и взаимозависимостью лексических единиц.

Например, синонимический ряд со значением «уверять-убеждать»: *уговаривать-агитировать-упрашивать...* Значение каждого слова этого ряда определяется наиболее полно при опоре на значения других слов. Например, слово *умолять*, является близким синонимом слову *уговаривать* и несёт в себе дополнительную коннотацию действия — «убеждать мольбами», *подговаривать* имеет дополнительную окраску «тайно». При этом все слова данного ряда содержат значение, восходящее к общему гиперониму *убеждать*.

Отдельно взятая языковая единица может содержать несколько значений и, соответственно, может относиться к разным семантическим полям. Например, глагол *нести* может входить в семантическое поле движения в значении «взяв в руки или нагрузив на себя, перемещать, доставлять куда-нибудь» и одновременно в поле отношения в значениях «быть опорой чему-нибудь», «мчать, увлекать за собой», «причинять собой», а так же в поле ощущения в значении «страдать от чего-нибудь, терпеть» (ТСРЯ, 2016: 625).

По мнению Вердиевой, лексико-семантическая группа — это лексико-семантическая парадигма: «Парадигму нужно видеть там, где достаточно чётко выражены варианты некоего инварианта» (Березин, Головин, 1979: 208). Лексико-семантическая группа в форме парадигматического объединения лексических единиц допускается как совокупность единиц одной и той же части речи. Семантика единиц, по Вердиевой, является определяющей для семантики их отношений, то есть «определяет, как внутрипарадигматические, так и межпарадигматические связи» (Вердиева, 1986: 5).

Структура и объём лексико-семантических парадигм определяется наличием интегральных и дифференциальных признаков в структурах значения составляющих единиц. Эти признаки являются основой в описании семантического поля (Кронгауз, 2005: 132). Семантический признак, являющийся базовым для семантического поля, можно рассматривать и как некоторую категорию понятийной сферы, категорию, которая так или иначе соотносится с окружающей человека действительностью (с его опытом), то есть семантическое поле воспринимается самими носителями языка как некое самостоятельное целое, подкреплённое человеческим опытом, а значит, психологически реальное.

На практике семантическому полю задают интегральный семантический признак, который считается основным, так как он и определяет «костяк» семантического поля. В состав поля включаются все слова, обладающие

данным смыслом. Однако исследователь может прибегать к всевозможным ограничениям. Дифференциальные признаки — это значения, присущие лишь части слов, именно посредством их выделения и сравнения выявляются различия в значениях слов данного семантического поля.

Интегральный семантический признак, на основе которого объединены элементы определённого семантического поля, для прочих семантических полей того же языка может являться дифференциальным. Например, группа глаголов семантического поля движения включает в себя группу глаголов семантического поля наземного передвижения наряду с такими лексемами, как ползти, бежать и др. Интегральным семантическим признаком для данного поля является признак «передвижение», а «скорость перемещения в пространстве» — большая, малая и др. — является дифференциальным признаком.

§ 6. Принцип организации семантических отношений внутри лексико-семантического поля

На практике, упоминая ЛСП, имеют в виду не одну только совокупность слов, но и семантические связи между ними. Если для того чтобы сформировать наиболее точное представление о значении слова, необходимо его истолковать, то для представления тонкостей семантических взаимоотношений внутри поля, требуется их описать (Кронгауз, 2005: 130).

Системный принцип организации языка распространяется на всю его структуру и, в частности, на лексические единицы, которые вступают между собой в синтагматические и парадигматические отношения. Рассмотрение парадигматических отношений между словами тесно связано с основной проблемой лексической семантики — проблемой описания лексических значений. Именно лексическое значение слова и его описание лежат в основе исследования отношения между словами в рамках отдельных относительно замкнутых групп.

Лексика, в соответствии с системным признаком организации языка, представляет собой многообразие взаимозависимых частных систем, обозначаемых семантическими полями или классами, слова (их значения) внутри которых взаимно противопоставлены. Связи противопоставления между значениями слов различны по степени общности. Существуют широкие связи между словами, а также связи, специфические для какой-то конкретной понятийной области. Одним из наиболее общих, основных типов связей внутри семантического поля считается группа синонимических корреляций, подразумевающая отношения полного или частичного совпадения значений слов. Слова, имеющие между собой связь подобного типа, определяются Кобозевой как синонимы (Кобозева, 2000: 99-101).

§ 6.1. Синонимия.

Синонимия — одна из лексико-семантических категорий, определяющих выделение лексико-семантических групп (ЛСГ). На основании этих категорий посредством некоторого абстрагирования, с опорой на общее лексическое значение, происходит взаимоопределение значений лексических единиц, составляющих ЛСГ.

В качестве определяющих компонентов ЛСГ используются конкретные лексико-семантические категории, а именно обобщённые значения, которые характеризуются определённой структурой и функциями в тексте: синонимия, антонимия, гипонимия, конверсия, а также полисемия.

Лингвистический энциклопедический словарь даёт такое определение синонимии — «тип семантических отношений языковых единиц, заключающийся в полном или частичном совпадении их значений» (ЛЭС, 2002: 446).

Шмелёв даёт синонимам следующее определение: «слова, несовпадающими семантическими признаками которых являются только те признаки, которые могут устойчиво нейтрализоваться в определённых

позициях. Чем больше таких позиций, тем выше степень синонимичности соответствующих слов, тем чаще осуществляется их взаимозаменяемость» (Шмелёв, 1973: 130).

По мнению Кобозевой, синонимия — это группа корреляций, специфических для какой-либо одной понятийной области, включающая в себя отношения частичного или полного совпадения словесных означаемых, а слова, связанные между собой данным типом корреляции, Кобозева называет синонимами (Кобозева, 2000: 100).

Ю.Д. Апресян в процессе анализа различных подходов к определению синонимов, приходит к выводу, что синонимы можно определять в исключительно семантических терминах. Также он предлагает основные критерии синонимии для каждого из подходов к данной проблеме, один из которых — критерий взаимозаменяемости (Апресян, 1974).

Семантическая близость синонимов, с точки зрения Л.А. Новикова, проявляется как правило в тождестве, совпадении части их смыслового содержания: конкретных семем (лексико-семантических вариантов) либо части сем, включённых в такие семемы. В этом отношении синонимия — тождественность, но совпадают не слова, а отдельные элементы их смысловой структуры. Синонимы эквивалентны семантически, в пределах их общего содержания, пересечения их смыслового объёма (Новиков, 1982: 224).

§ 6.2. Антонимия.

Противоположностью синонимии выступает антонимия. Предложим несколько определений этого явления.

«Антонимия — тип семантических отношений лексических единиц, имеющих противоположные значения» (ЛЭС, 2002: 35).

Как указывает Шмелёв, антонимия — это один из видов противопоставления слов. Антонимичны, в частности, могут быть слова,

противопоставленные по основному и самому существенному для их определения семантическому признаку, которые к тому же располагаются на крайних точках рассматриваемой лексико-семантической парадигмы (Шмелёв, 1973: 131).

Кобозева понимает под антонимией группу корреляций, которые связывают слова, выражающие тем или иным образом противоположные друг другу понятия (Кобозева, 2000: 104).

Антонимия определяется Л.А. Новиковым как смысловая противоположность, зафиксированная нормами словоупотребления. Данная противоположность выступает в качестве различия внутри одного и того же предмета (отношения, свойства, качества, движения), полярные определения такого предмета крайне противопоставлены в своём проявлении: *большой* — *малый*, *высокий* — *низкий* (Новиков, 1982: 243).

Можно сделать вывод, что в современной семантике антонимия понимается широко, понятие не ограничивается сферой качественных слов, а подразумевает некоторую систему семантически противопоставленных слов и самой их противоположности.

Наличие крайнего отрицания в определении одного из членов антонимичной пары через другой член, по мнению Новикова, является общим признаком антонимии, затрагивающим все её разновидности. Данное обстоятельство позволяет определить понятие антонимии как отношение крайнего отрицания, существующего между двумя лексическими единицами и выражающегося в наличии противоположных сем (Новиков, 1982: 246).

Одной из основных семантических корреляций, наравне с синонимией и антонимией, является гипонимия. Отношения данного типа затрагивают в своих работах такие учёные, как М.А. Кронгауз, Л.А. Новиков, А. Вежбицкая, Р.М. Фрумкина, Е.Л. Гинсбург.

§ 6.3 Гипонимия.

Гипонимия, по определению Лингвистического энциклопедического словаря, — это «одно из основных парадигматических отношений в семантическом поле — иерархическая организация его элементов, основанная на родо-видовых отношениях» (ЛЭС, 2002: 104).

В нашей работе в определении гипонимии мы следуем за М.А. Кронгаузом и дефинируем этот вид корреляции как отношения между понятиями — частным и общим. Изучение гипонимии неразрывно связано с разнообразными теоретическими конструктами. Описание гипонимии сопряжено с классификацией соответствующих объектов. «Гипонимическая иерархия лексем по существу представляет собой категоризацию фрагмента мира. Таким образом, гипонимия в языке отражает иерархическую структуру объектов, характерную для конкретной картины мира» (Кронгауз, 2005: 147-148).

И.М. Кобозева определяет гипонимические корреляции как отношения, связывающие слово, которое обозначает родовое понятие, со словами, которые обозначают частные варианты этого понятия (Кобозева, 2000: 101). Гипонимия можно охарактеризовать как отношения, основывающиеся на логико-семантической субординации, частных оппозициях единиц, включённой дистрибуции, совместимости подчинённых понятий (Новиков, 1982: 241): лексема *диван* выступает в роли гипонима по отношению к лексеме *мебель* и наоборот *мебель* является гиперонимом к *дивану*.

Гипонимия, несомненно, является одним из главных парадигматических видов отношений, с опорой на которые определённым образом структурирован словарный состав языка. Данный вид отношений — самый общий и универсальный при проведении анализа и построении семантических полей (а именно иерархической системы классов единиц) в лексике (Новиков, 1982: 241).

§ 6.4 Парадигматические отношения.

Понятие лексической парадигмы трактуется словарём под ред. В.Н. Ярцевой как «объединение грамматически однородных слов, имеющих семантическую общность» (ЛЭС, 2002: 558), где также указано, что значения слов одной лексической парадигмы включают в себя не только общие семантические черты, но и дифференцирующие признаки. В нашем случае лексические парадигматические отношения характеризуются в первую очередь связанностью отдельных значений многозначного слова и его лексико-семантических вариантов.

§ 7. Понятия центра и периферии семантического поля

Слова в пределах семантического поля обладают различным статусом. Одни воплощают базовые противопоставления, через них выявляются наиболее существенные дифференциальные признаки. Такие слова образуют ядро (каркас) семантического поля. Посредством других слов проявляются периферийные дифференциальные признаки поля.

Соотношение центра и периферии в каждом семантическом поле будет отличаться в зависимости от его состава и сложности компонентной структуры.

Кузнецов предлагает несколько критериев разделения слов на центральные и периферийные:

1. Центральные слова отличаются достаточной простотой своего морфологического состава.
2. Они, как правило, обладают широкой сочетаемостью.
3. Центральные слова лексико-семантических полей насыщены психологической значимостью для носителей языка.

4. Слова, недавно заимствованные из других языков, скорее всего, не будут относиться к центральным.

5. Значение одного из центральных терминов не может быть уже любого другого понятия, включённого в данное поле, кроме ядра — темы данного семантического поля (Кузнецов, 1980: 77).

Периферийные слова, соответственно, имеют более сложный морфологический состав, более ограничены в сочетаемости, реже употребляются информантами, чаще бывают заимствованными и занимают наиболее низкие ступени в иерархической структуре поля.

§ 8. Лексическое значение слова душа

Как мы уже сказали, рассмотрение парадигматических отношений между словами тесно связано с основной проблемой лексической семантики — проблемой описания лексических значений. Именно лексическое значение слова и его описание лежат в основе исследования отношения между словами в рамках отдельных относительно замкнутых групп. Для того чтобы составить общее представление о значении слова *душа*, зафиксированном словарях, рассмотрим несколько наиболее авторитетных источников.

Для начала обратимся к Толковому словарю живого великорусского языка Владимира Даля / четвертое исправленное и значительно дополненное издание под редакцией проф. И.А Бодуэна-де-Куртенэ. Т. 1. — Издание Т-ВА М.О. Вольф. — СПб-М. — 1912 (в дальнейшем — Словарь Даля), поскольку значения, приведённые в этом источнике, наиболее актуальны для времени написания романа «Братья Карамазовы». Данный словарь даёт нам определение, в котором на первый план выведена именно сущность души, её место и значение в структуре человеческого облика: «бессмертное духовное существо, одарённое разумом и волею; в общем значении человек, с духом и телом; в более тесном: человек без плоти, бестелесный, по смерти своей; в

смысле же теснейшем: жизненное существо человека, воображаемое отдельно от тела и духа»(Толковый, 1912: 519). Здесь мы наблюдаем некоторую парадигму значений, включаемых в понятие *душа*, которая полнее раскрывает его содержание. Многообразие значений, присущих одному и тому же понятию, свидетельствует о пестроте и разнообразии слов, которые включает присущее ему лексико-семантическое поле, ширину, глубину, неизведанность последнего.

Энциклопедический словарь. Т. 21 / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. — СПб.: Типолитография И.А. Ефрона, Прачешный пер., №6, 1893 (*в дальнейшем* — Словарь Брокгауза и Ефрона) даёт следующее определение слову *душа*: «верование или убеждение, что наша мысль, чувство, воля, жизнь обуславливается чем-то отличным от нашего тела, хотя и связанным с ним или имеющим в нём местопребывание, свойственно, по-видимому, всему человечеству и может быть констатировано на самых низких ступенях культуры, у самых первобытных племён» (Энциклопедия, 1893: 277). В данном определении наиболее интересным моментом является трактовка души как верования, то есть не как составляющего компонента человеческой сущности, а как некоего убеждения, которое можно разделять или не разделять. Это толкование представляется нам необычным, оригинальный взгляд на душу выводит его из ряда прочих словарных определений, что всё же в некоторой степени отдаляет его от ответа на конкретный вопрос: что такое душа?

Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова — М., Государственный институт «Советская энциклопедия». — 1935 (*в дальнейшем* — Словарь Ожегова) даёт следующую парадигму определений: «1. В религиозных и идеалистических представлениях — нематериальное начало жизни, противопоставляемое телу; бесплотное существо, остающееся после смерти человека. 2. В старой психологии — совокупность психических явлений, переживаний, основа психической

жизни человека. 3. Внутренний, психический мир человека. 4. Свойство характера, основные черты личности, а также человек с теми или иными свойствами» (Толковый, 1935: 215). Таким образом, в Словаре Ожегова, в отличие от Словаря Даля, христианское значение *души* уже не принимается как непререкаемое, а поясняется характером представлений: «религиозных и идеалистических» — хотя и остаётся первым, основным.

Схожее со Словарём Ожегова определение душе даёт Философский энциклопедический словарь / С.С. Аверинцев, 2-е изд. — М.: «Советская энциклопедия», 1989: «понятие, выражающее исторически изменявшиеся воззрения на психику и внутренний мир человека; в религии и идеалистической философии и психологии — понятие об особой нематериальной субстанции, независимой от тела (Философский, 1989: 186). Понятие *душа* здесь соединяет в себе два значения: первое — характерное для советской материалистической идеологии, и второе — религиозное.

В Большом академическом словаре русского языка Т. 5. — СПб: Изд-во «Наука», 2006 *душа* трактуется как «внутренний мир человека, его чувства, переживания, настроения» (Большой 2006: 317). С нашей точки зрения, данное определение несколько размыто и неконкретно, что подтверждает необходимость составления и исследования лексико-семантического поля *душа*, подробное рассмотрение его составляющих и их семантических компонентов.

Наконец, представим определение наиболее актуального в контексте нашего исследования источника — Словаря языка Достоевского / гл. ред. Ю.Н. Караулов, М. — ИНФОРТЕХ, 2015 (*В дальнейшем* — Словарь языка Достоевского): «личностная сущность человека, его психический мир» (Словарь, 2015: 244). Это определение представляется нам наиболее содержательным: несмотря на свойственную ему лаконичность, оно наиболее конкретно и прицелено раскрывает данное понятие. Несомненно, его конкретика обусловлена отсутствием необходимости раскрывать всю

парадигму взглядов на душу, сформировавшуюся в течение многовековой истории существования языка, под влиянием различных верований, а также событий, оставивших отклик в национальном самосознании. Словарь языка Достоевского репрезентирует взгляд на душу, присущий великому писателю, а значит, многообразие значений, которыми располагает это понятие в русском языке, сужается до масштабов мировоззрения одного человека.

Ознакомившись с данными наиболее значительных словарей, мы пришли к заключению, что определение *души*, предлагаемое словарём Даля, точнее всего передаёт понимание *души* современниками Достоевского, это определение отражает взгляды автора на душу представителя той эпохи, в которой создавался роман «Братья Карамазовы». А определение, данное в словаре Брокгауза и Ефрона, уже заставляет основательно усомниться в существовании души или хотя бы в весомости причин для признания её существования. Определение словаря Ожегова звучит увереннее предыдущего, но составители ограничивают его рамками религии, предоставляя читателю право на атеизм. Большой академический словарь совсем уходит от понятия религии, делая определение максимально неконкретным. А словарь языка Достоевского, хоть и обходит вопросы веры, как и предыдущий, вычленяет самую суть, ядро вкладываемого в понятие *души* смысла автора «Братьев Карамазовых». Именно поэтому в качестве архисемы лексико-семантического поля *душа* в нашей работе принимается определение слова *душа* словарём языка Достоевского.

§ 9. Существительное душа — одушевлённое или неодушевлённое?

Согласно Русской грамматике. Т.1. / гл. ред. Н.Ю. Шведова, М. — Наука, 1980 все существительные в русском языке делятся на одушевлённые и неодушевлённые, где первые — «названия людей и животных», а вторые — «названия всех других предметов и явлений» (Русская, 1980: 460). Парадигмы одушевлённых и неодушевлённых существительных различаются следующим образом: одушевлённые существительные во множественном

числе имеют форму винительного падежа, совпадающую с формой родительного падежа, а неодушевлённые — с формой именительного падежа. Формы согласуемых определений повторяют данное различие. На основании этой информации выясним, является ли существительное *душа* одушевлённым в русском языке. Во множественном числе форма слова *душа* винительного падежа: *любить души* — совпадает с формой именительного падежа: *наши души*. Следовательно, согласно нормам русского языка, существительное *душа* является неодушевлённым. Контекстуальный анализ исследуемого романа свидетельствует об обратном — в словосочетаниях с глаголами: *душа* может *прощать, обвинять, мыслить, созерцать и даже рваться из мрака в свету* — все эти способности из множества живых существ доступны только человеку, в одушевлённости существительных, называющих которого, нет никакого сомнения, будь то *мужчина, женщина, ребёнок, старик, пожарный, победитель, инвалид* и т.п.

Таким образом, выявлено противоречие между грамматическим статусом неодушевлённости, который получает существительное *душа* через совпадение во множественном числе формы винительного падежа с формой именительного, и статусом принадлежности к миру человеческих способностей и решений, качеством бессмертия, недоступного даже столь «разносторонне одушевлённому» существу как человек.

Выводы по первой главе:

Базовыми понятиями нашей работы являются: текст, контекст, синтагма, микрополя, субполя, ЛСП *душа* в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы».

Как в XIX веке не было, так и сегодня нет однозначного ответа на вопрос: что такое душа. Универсальность данного понятия позволяет рассматривать его с точек зрения разных наук.

Используя работы Кузнецова А.М., Филина Ф.П., Ахмановой О.С., Вердиевой З.Н., Новикова Л.А., Шмелёва Д.Н., Покровского М.М., Щура Г.С., Уфимцевой А.А., Кронгауза М.А., Кобозевой И.М., Арнольд И.В., Васильева Л.М., Караулова Ю.Н., Телия В.Н., Виноградова В.В., Шанского Н.М. и др., мы составили следующий план-алгоритм нашего исследования:

1. выявление в тексте романа «Братья Карамазовы» всех синтагм с компонентом *душа* и ограничение их контекста с опорой на принцип достаточности раскрытия ситуации употребления слова *душа*;
2. составление первого миниполя посредством группировки синтагм по лексико-семантическим субполям и распределения по группам внутри них;
3. описание содержимого каждой группы;
4. составление второго миниполя посредством выделения наиболее сильных содержательных планов внутри комплекса собранных нами для анализа синтагм;
5. описание содержимого каждого из выделенных планов;
6. составление третьего миниполя посредством анализа синтагм с компонентом *душа*, встречающихся в речи выбранных для анализа персонажей: Карамазова-отца и рождённых от него детей, и определение границ и содержания дискурсивного поля *душа* каждого из вышеуказанных героев;
7. разработка собственной модели исследования лексико-семантического поля *душа*;

8. анализ функциональной и семантической специфики лексико-семантического поля *душа* в тексте романа Достоевского «Братья Карамазовы»;

9. выводы о составе, характере и особенностях функционирования языковых единиц, входящих в состав ЛСП *душа*.

Глава II. Лексико-семантическое поле *душа* (на материале романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»)

§ 1. Концепт душа

В Новом объяснительном словаре синонимов русского языка *душа* определяется как невидимый «орган внутренней жизни человека», обладающий чертами «обычного материального органа»: может болеть, бытьместищем, быть компактной, обладать локализацией, функционировать независимо от воли субъекта (Урысон, 2003: 87), но отчасти находиться под контролем субъекта, в то же время деятельность этого органа не связана ни с физиологией, ни с интеллектом (Там же: 88). *Душа* отождествляется с тем, что жизненно важно для данной личности и с самой личностью в целом.

Душа противопоставляется *телу* и вообще всему материальному, хотя и обладает некоторыми качествами, присущими материальным органам (может болеть). Также *душа* понимается в качестве носителя некоего этического идеала и вынуждена соответствовать предъявляемым ей высоким требованиям, что ей не всегда удаётся. *Душа* с одной стороны является объектом особого философского размышления, а с другой стороны — органом, через который человек воспринимает мистический потусторонний мир (Там же: 89).

Е.В. Урысон говорит о невидимости и нематериальности души, её связи с дыханием и локализации в груди, о бессмертии души, её временном пребывании на Земле и возвращении после смерти человека в потусторонний мир. Пребывание души в теле человека, по мнению автора, и делает его живым (*вытрясти душу, в чём душа держится*).

В православной картине мира Дух-душа-тело — три ипостаси человека (Толковый, 1912: 518-519), однако в романе Достоевского душа ассоциируется с духом в единичных случаях.

Шмелёв подчёркивает уникальность, автономность, индивидуальность каждой отдельной души и связывает это с русским обыкновением считать людей по душам (Шмелёв, 2005: 137), а также трактует душу как «вместилище внутренних состояний». Шмелёв сходится с Урысон во мнении, что душа во многих отношениях оказывается подобной сердцу: и то, и другое отвечает за чувства; и значительно меньше общего имеет с духом: душа может передвигаться только в пределах тела человека, в то время как дух может как подниматься на большую высоту, так и падать, не имея в теле человека определённой локации. Для души важным является не только местонахождение (*у него душа не на месте*), но и положение (*душа лежит к кому-либо*). Душа формирует личность человека (Там же: 139), а человек принимает решение, *вкладывать ли душу* в то или иное дело или делать его *без души* (Там же: 140).

В статье «Славянские мифологические представления о душе» С.М. Толстая выделяет несколько ипостасей души, основываясь на данных лексики и фразеологии славянских языков: 1) душа — телесный орган (душа болит, душу вложить, продать и т.д.); 2) душа — ёмкость, сосуд (распахнуть, наполнить, излить душу); 3) душа — живое существо (душа радуется, замирает, поёт) (Толстая, 2006: 54-55). Так же автор говорит о несомненном значительном влиянии христианского вероучения на славянскую народную традицию, вплоть до того, что душа является главным признаком человека, отличающим его от животного, «нередко, однако, этот признак приписывается только людям христианской веры... По свидетельству Н.А. Иваницкого, вологодские крестьяне у турок и евреев души не признают... Другие же признают в них душу, но называют её поганой» (Там же: 58).

М.Ю. Михеев в статье «Отражение слова “душа” в наивной мифологии русского языка» говоря об образных уподоблениях души в русском языке, отмечает, что денотат у данного слова отсутствует, а десигнант «представляет собой довольно аморфное образование... некий расплывчатый набор свойств» (Михеев, 1999: 145) и приводит следующую классификацию:

1. душа —местилище
 - 1.1 душа —содержимое
 - 1.1.1 душа —местилище-оболочка и её содержимое вместе взятые
 - 1.2 душа — пробка, душа — затычка
- 2 душа — полотно
 - 2.1 душа — склад
 - 2.1.1 душа — занавеска-склад
 - 2.2 душа — страница-зеркало
- 3 душа — сосуд
 - 3.1. душа — жидкость
 - 3.1.1 душа — сосуд и душа — жидкость вместе взятые
 - 3.2 душа — рыба

- 4.1 душа — воздух
- 4.2 душа — огненная стихия
- 4.3 душа — птица
- 5.1.1 душа — нечто, располагающееся на горизонтальной поверхности
- 5.2 душа — путь
- 5.2.1 душа — ландшафт
- 5.3 душа — весы
- 6 душа — натянутые струны или душа-жилы
- 7 душа — аналог желудка
- 8 душа — гибкое деревце
- 8.1 душа — сущность, основа
- 9 душа — метонимическое обозначение, оставленного ею тела
- 9.1 душа — чувствительный орган
- 9.2 душа — незаживающие раны
- 9.3 душа — обиталище живущих в ней диких зверей
- 9.4 душа — воплощённое в теле ещё не появившегося на свет ребёнка
- 10.1 душа — залог (Там же: 147-156).

Некоторые позиции из классификации Михеева мы будем использовать в нашей классификации: душа — вместилище, душа — склад, душа — сосуд, душа — жидкость, душа — сущность, основа, чувствительный орган, обиталище живущих в ней диких зверей.

С.Е. Никитина в статье «Сердце и душа фольклорного человека» определяет душу как 1) часть человека, носитель жизни, субстанциональное начало; 2) человеческую личность, человека. Опираясь на данные славянских фольклора и мифологии, автор так же, как и упомянутые ранее исследователи, приходит к выводу о связи души с дыханием. В народных представлениях душа зачастую анимализирована, а также может переходить в газообразное состояние (*дым, пар*): «вылетает из тела умершего птицей, выходит паром и дымом, летает бабочкой» (Никитина, 2003: 28). В противовес Михееву Никитина замечает, что, хоть душа и бестелесна,

нематериальной её назвать нельзя: «в стихе о двух Лазарях души вынимают — у бедного через сахарны уста... у богатого... через рёбра копьём» (Там же: 33). В отличие от Шмелёва, Никитина называет душу «странницей», не привязанной к телу (Там же: 37). Главной задачей души автор видит спасение: «мир грешен» (Там же: 34). В былинах душа отождествляется с человеком: «*три души погубила*» (Там же: 35). Так же, как и Урысон, Никитина видит прямую связь между жизнью и нахождением души в теле человека (*оставить в душах* = *оставить в живых*) (Там же: 35).

Некоторые авторы (Урысон, Шмелёв, Никитина) сходятся на том, что душа семантически имеет очень близкую связь с сердцем, но если последнее в большей степени являетсяместилищем чувств, то душа может включать в себя также и помыслы, разум, волю и вытекающую из наличия воли ответственность.

Таким образом, на основании проанализированных исследований можно сделать вывод, что *душа* в русской языковой картине мира — это нематериальный невидимый орган человека, которому в то же время присущи некоторые черты материального органа, отвечающий как за физическую жизнь человека, так и за соответствие его личности общим морально-этическим нормам, а иногда выступает и органом восприятия потустороннего мира. *Душа* противопоставляется *телу* как по «материальности/нематериальности», так и по тленности/бессмертию». Большое влияние в формировании концепта *душа* в русской языковой картине мира оказало христианское вероучение. Многие исследователи сходятся в заключении о связи *души* с дыханием, но расходятся в выводах о том, имеет ли *душа* конкретную локацию в теле человека и каковы границы пространства, доступного для её перемещений. Слово *душа* в русском языке, как правило, встречается в составе метафор.

§ 2. Опорное миниполе ЛСП *душа*

Как уже было сказано выше, единицей нашего анализа является синтагма, одним из компонентов которой приходится существительное *душа*. Второй же компонент выступает в роли семантического индикатора *души*, что позволило распределить материал исследования по миниполям, субполям и лексико-семантическим группам.

Под архисемой мы, вслед за Потаповой, понимаем «семантический признак, формирующий поле» (Потапова, 2012: 89). Архисема лексико-семантического поля *душа*: «личностная сущность человека, его психический мир» (Словарь, 2015: 244).

Структурно ЛСП *душа* распадается на три составных части — миниполя, одно из которых — опорное — включает в свой состав все синтагмы с компонентом *душа*, встречающиеся в романе «Братья Карамазовы», второе — миниполе основных содержательных планов — построено на основе наиболее ярко проявившихся содержательных уровней и включает синтагмы, являющиеся носителями соответствующих содержательных компонентов, третье — дискурсивное миниполе центральных персонажей романа, является продуктом анализа синтагм с компонентом *душа*, встречающихся в речи центральных персонажей. В данном параграфе мы рассмотрим структуру опорного миниполя.

В результате анализа, в опорном миниполе нами было выделено четыре лексико-семантических субполя: а) душа и её характеристики, б) состояние души; в) душа как действующее лицо, г) душа как объект воздействия. Субполя делятся в свою очередь на лексико-семантические группы, что в целом составляет структуру описываемого поля. Примеры в данной классификации приводятся в виде синтагм. Контексты, в которых эти синтагмы встречаются, собраны в Приложении 1, числа, указанные в скобках после словосочетания, обозначают номера контекстов в Приложении (римская цифра — номер раздела, начальная буква имени персонажа, дискурсу которого принадлежит синтагма, номер контекста).

Субполе «Душа и её характеристики» включает:

1. Лексико-семантическую группу выделенных в контексте синтагм, обозначающих характеристику души, непосредственно связанную с её качественной оценкой. В данную группу вошли оппозиции по критериям характеристики души с точки зрения:

«добра / зла»: *добрая* (II P 58, I Д 24) / *незлобивая* (II P 53) / *хорошая* (III M 2) / *превосходнейшая* (III Д 1) — *злая* (I Ф 4, III Gr 1, I A 9) / *жестокосердая* (III З 5) душа;

«принадлежности к христианскому раю/аду»: *ангельская* (I Д 16) — *инфернальная* (I Д 25) душа / *идеал содомский в душе* (I Д 4);

«праведности»: *неповинная* (I Д 16) / *невинная* (II P 53) / *голубиная* (I Д 14) душа — *убийца в душе* (I И 7); *смиренная* (II P 13) — *тщеславная* (III И 1) душа;

«чести, сословной принадлежности»: *благородная* (I Д 18, I A 3, I Д 24) — *бесчестная* (III Пр. 2) / *лакейская* (I Ф 3) душа, где *благородная* во всех трёх случаях словоупотребления означает уровень нравственной составляющей человека, так же, как и *бесчестная*, в то время как *лакейская* в контексте романа указывает на социальное происхождение носителя этой души, объясняя данным происхождением узость восприятия мира этим носителем;

«нравственности»: *высокая* (I M 34) — *подлая* (I И 6) душа / *ничтожная* (I Д 7) / *мелкая* (I A 5); *чистая* (II P 3) — *пошлая и грязная* (II P 53) душа;

«наполнения, внутреннего благополучия»: *любящая* (I A 9) душа — *плоско и сухо в душе* (I Д 31), с точки зрения автора пребывание в любви — наиболее благополучное и естественное состояние для души, *плоско и сухо* — напротив, резко отрицательная характеристика для человека, о душе которого идёт речь, (*признание*) *пройдёт мимо ваших душ* (I Д 26) в значении чёрствая,

невосприимчивая душа — так же отрицательная характеристика для человека, говорящая о его неспособности к чуткому восприятию чужой откровенности;

«качеств, находящихся за пределами моральной оценки»: *кроткая (I Д 16) — бурная (I А 1) душа, простая (I Д 10) душа, душа веселее (I А 6), слабая душа (I И 3).*

2. Лексико-семантическую группу выделенных в контексте синтагм, характеризующих душу по её принадлежности тому или иному субъекту. Данная группа делится на следующие подгруппы:

«религиозная принадлежность души»: *христианская душа (I Д 16), душа Божьего творенья (I Д 4), душа человеческая (III ГХ 1, II Р 58).* Последние два примера включены в данную группу на основании контекста: каждый из них встречается в прямой речи персонажей, в православном вероисповедании которых не может быть сомнения, *душа человеческая* даже встречается в обращении к старцу Зосиме с просьбой о помощи в вопросах веры;

«социальная характеристика души»: *душа простолюдина (III С 8, I Д 11), душа военная (III М 1), душа гражданская (III М 1), душа путешественника (II Р 30), душа подсудимого (III З 1, III Пр. 4).* В эту подгруппу также входит подподгруппа «возрастная характеристика души»: *душа малого дитяти (III С 21), душа младенца (II Р 53), юная душа (I А 14).* На основании данного класса элементов анализа мы можем сделать вывод, что характеристики души зависят не только от её качественных особенностей, но и от рода занятий, социального статуса и даже возраста обладателя этой души.

3. Лексико-семантическую группу выделенных в контексте синтагм, характеризующих душу по наличию у неё тех или иных качеств/компонентов. В результате анализа были выделены следующие компоненты: *тайники души (II Р 65), тайна души (III С 25), сокровище души (I А 11), (знает) что в душе (III Л 1);* и качества: *сила души (II Р 7), способность искать драгоценное (III*

С 5), (*особое*) *свойство души* (II P 10). Здесь мы можем говорить о душе как о сложном организме, который имеет как некоторые составляющие, так и некоторые свойства.

4. Лексико-семантическую группу выделенных в контексте синтагм, обозначающих витальное состояние души. Данная подгруппа включает всего три элемента: *бессмертие души* (III С 2, I И 1, III С 3), *живая душа* (III С 1), «*Мёртвые души*» (III ПФ 1), где «*Мёртвые души*» — название произведения Гоголя, *живая душа* — метонимическое обозначение живого человека, а *бессмертие души* встречается в тексте романа 4 раза (*живая душа* и «*Мёртвые души*» — по 1 разу), что говорит о весомости данного понятия для автора и самой идеи романа и характеризует последний как проникнутый религиозными мотивами.

5. Лексико-семантическую группу выделенных в контексте синтагм, характеризующих душу через близость её другим душам: *не наша (совсем) душа* (I Ф 5), (*люди*) *не моей души* (I Д 38), *одной с ними душой-с* (I П 1). В данных случаях душа рассматривается как мерило сходства людей между собой, что говорит о том, что слово *душа* используется в качестве синонима понятию *личность* и является определяющим «компонентом» сущности человека.

6. Лексико-семантическую группу контекстов, составляющих базовые характеристики души: факт её существования и ценность: *у меня (есть) душа* (I Д 32), (*такая*) *душа стоит (иной раз целого созвездия)* (III В 3). Таким образом, в романе поднимается вопрос как самого факта наличия души, так и её стоимости, что интересно с мировоззренческой и религиозной точек зрения.

Субполе «Состояние души» включает:

1. Лексико-семантическую группу выделенных в контексте синтагм, отражающих состояние души, сформировавшееся под влиянием тех или

иных обстоятельств, а также изначальное состояние, требующее возникновения некоторых обстоятельств с целью его изменения (развития). Данная группа делится на следующие подгруппы:

«настроение»: *склад души в эту минуту (II P 46), тогдашнее состояние души преступника (III Пр. 7), с гневливой душой (III С 24), (начался новый) фазис в душе (III Пр. 6);*

«деформации»: *поколеблено в душе (II P 37), составив в душе перелом (II P 36), что-то порвалось в душе (I A 2), разможжена душа (II P 53), (жестокое насекомое) разрасталось в душе (I Д 5);*

«недостаточно высокий уровень развития души»: *душа ещё не примирённая (I A 11), низость душою (I Д 4).*

Вывод, который можно сделать на основании анализа данной группы контекстов: обстоятельства окружающего мира могут воздействовать на душу тремя различными способами: создавая для неё определённое настроение, временное состояние; деформируя её, разрушая; способствуя её развитию и усовершенствованию.

2. Лексико-семантическую группу выделенных в контексте синтагм, представляющих душу как сосуд для чувств, её наполняющих: *мучительная жалость в душе (I A 40), бездна безвыходного горя и отчаяния в душе (II P 67), со страданием в душе (II P 39, II P 54), (ощущаю) в душе моей как бы нечто позорное и низкое (III С 10), тоска (нового и неведомого была) в душе его (II P 23), что-то беспокойное на душе (III Гр 5), «точно горячий уголь в душе» (II P 15), (ощутил) в душе моей рай (III С 20), остаться в душе (II P 17, II P 27, III КИ 1), вырвался из души (I Д 9), душа полна слёз (II P 20), полная восторгом душа (II P 43), душа переполнена (I A 40), не было в душе его (мести) (II P 50), наполнило душу (II P 66), не тем душа полна (III Гр 2). Подобные контексты демонстрируют восприятие души как некоего вместилища чувств и состояний.*

3. Лексико-семантическую группу выделенных в контексте синтагм и грамматических основ с компонентом *душа*, объединённых чувствами, провоцируемыми в душе различными субъектами, объектами, явлениями. Данная группа включает следующие подгруппы:

«метафоры с компонентом физического воздействия на душу»: *впивалась в душу (отчаянием) (II P 56), вонзалась в душу (как острый нож) (II P 52), (бритвой) по душе полоснули (I Ф 1), раздирающим душу воплем (II P 60), убивавшая тоской душу (II P 47), щемило душу (II P 65), язвило душу (I И 7), терзало душу (II P 55, I Д 17), душу иссушил (III I-Ж 1), прошла душу (насквозь) (III С 11), пахнул на душу (I П 1), поглощала душу (II P 65), охватывала душу (II P 29), облегла душу (II P 49), зайти/сойти в/на душу (III С 2, I И 31, II P 69, II P 44);*

«чувства, переданные через действие, совершившееся в душе»: *заглохло в душе (II P 5), царило в душе (II P 14, II P 41), кричит в душе (III Пр. 5), мелькали в душе (II P 41), сотрясалось в душе (II P 74), прозвенело в душе (II P 44), сошлись разом в душе (II P 44), (слёзы восторга) рвались из души (II P 42), мелькала в душе (II P 38), отзывавшееся в душе (I Ф 2), (судорога) прошла в душе (II P 63), кипел в душе (II P 68), зашевелилось в душе (II P 37), подняться в душе (II P 4, II P 62), сидит в/на душе (II P 27, III Д 2);*

«чувства, переданные посредством прямого воздействия на душу»: *веселил душу (II P 20), тешат душу (I А 12), задавив в душе (II P 72), потрясти души (II P 75), посещавшее душу (II P 21), не отставал от души (I Д 21);*

«чувства души как самостоятельного существа»: *не может вынести душа (II P 27), умилительно душе (III З 23), вздрогнет и ужаснётся душа (III З 8), рад в душе (III С 19), затоскует душа (III 2-Ж 1), хождение души по мытарствам (II P 60, III О 9), жаждет душа (I Д 2, III С 9, III З 4);*

«чувства души как органа, части живого организма»: *болят души* (III З 3), *душа замирала* (III Гр. 4), *душа трепещет* (I Ф 2, III С 7, II Р 33), *душа сотрясалась* (I Д 30), *душа дрожала* (II Р 26).

Данная группа выделенных в контексте синтагм и грамматических основ достаточно широка и разнообразна, что говорит, во-первых, о значимости понятия *душа* для передачи чувств, и, во-вторых, о многообразии способов передачи чувств через описание воздействий на душу различного характера, а также ощущений самой души, как самостоятельного существа, так и части живого организма.

4. Лексико-семантическую группу выделенных в контексте синтагм, характеризующих «микроклимат» души, включающую две подгруппы:

«общее состояние души»: *в душе прояснело* (II Р 61), *смутно в душе* (II Р 55, II Р 56, III О 8), *страшно в душе* (III Пр. 8);

«вес, лежащий на душе»: *на душе прилично* (I Д 8), *тяжело (на) душе* (I Д 36).

Общее состояние души может передаваться как через лексику, предназначенную для описания природы (*прояснело*), так и лексику, посредством которой обычно передают состояние человека (*страшно*), а также наиболее нейтральную в своём предназначении лексику (*смутно*). Это говорит о том, что душа — крайне абстрактный, свободный в русском языковом сознании объект, для определения качеств которого допустимо использовать определители из разных сфер. Возможность души переносить различный вес говорит о её материальности в восприятии как носителей языка, так и авторском.

5. Лексико-семантическую группу выделенных в контексте синтагм, составленную чувствами души, принадлежащими ей объектами, дорогими ей субъектами, и, соответственно, подразделяющуюся на подгруппы:

«чувства»: *горе души (II P 38), смятение души (II P 23), жар души (I Д 4)*;

«субъекты»: *царица души (I Д 12, II P 64, I Д 16), ангел души (III С 3)*;

«объекты»: *вопрос души (II P 15), тайна души (III С 12)*.

Анализ данной группы контекстов наиболее убедительно подводит нас к выводу о том, что душа в исследуемом материале зачастую является синонимом личности человека. Она имеет свои чувства, мысли, привязанности, тайны, как их имеет человеческая личность.

Субполе «Душа как действующее лицо» включает:

1. Лексико-семантическую группу выделенных в контексте синтагм и грамматических основ с компонентом *душа*, обозначающих действие, совершаемое субъектом через душу/душой. Данная группа включает такие подгруппы, как:

«действия, производимые душой»: 1) выраженные глагольными формами: *душа могла породить (I И 8), душа не простила (II P 71), души становятся перед господом (III С 23), души обвиняют (III З 9), душа расширится (III З 23), душа узрит/созерцала (III Пр. 3, III З 23), замыслившая (дело) душа ищет (тишины) (III З 2), рвавшейся (из мрака к свету) души (II P 2, II P 7)*; 2) выраженные существительными: *порывы души (I Д 20, III Пр. 1), движения душ (III О 1)*;

«характер действия субъекта, определяемого через его душу»: *(просить) от всей души (III И 1, II P 21), (отказываться верить) в глубине души (II P 9, II P 35, II P 59, III З 7), в душе шепнул (II P 65), живую душою понял (III С 18), признаваемый инстинктом души (II P 16)*.

2. Лексико-семантическую группу выделенных в контексте синтагм, выражающих чувства, переживания субъекта через его душу. Данная группа делится на две подгруппы:

«чувства, направленные из души во внешний мир»: *любить душой* (III Гр. 2), *презирать в душе* (II Р 61), *привязываться душой* (II Р 12), *милый душе* (III С 4);

«чувства, направленные из внешнего мира в душу»: *повеселиться душой* (III С 22), *замирать душой* (II Р 45, I Д 48), *обессилел душой* (II Р 50), *зависит душой* (I Д 6).

Анализ выделенных в контексте синтагм, включённых в выше обозначенное субполе, позволяет сделать выводы, что душа способна к действиям «человеческого» характера: *прощать, обвинять, мыслить, созерцать, искать* и другое; к изменению собственного масштаба — эластичности: *расшириться*; к чувствам: *любить, презирать, веселиться, замирать* и другое. Из этого следует, что значительная часть чувственно-мыслительных функций человека лежит именно на душе; а тот факт, что характер искренних действий, истинных желаний обозначается в языке через душу: *от всей души, в глубине души* — говорит о неподдельности чувств, источником которых является душа. Отдельно выделим пример *души становятся перед господом*, где *душа*, очевидно, предстаёт в религиозном значении, что указывает на наличие религиозной составляющей в романе.

Субполе «Душа как объект воздействия» включает:

1. Лексико-семантическую группу выделенных в контексте синтагм, объединяемых действием, осуществляемым над душой другого существа. Данная группа делится на подгруппы:

«действие, осуществляемое субъектом-человеком, другим героем, который воздействует на душу говорящего»: *разрешить душу* (III Кр 1), *снять бремя с души* (I Д 28), *поддержать душу* (I Д 29), *излечить душу* (III С 16), *восстановить душу* (I А 9), *возродить душу* (III З 8), *огородить душу* (II Р 25), *брать душу* (II Р 8, III В 2), *принять душу* (I Д 35), *спрашивать с души* (I А 10), *подавить душу* (III З 23), *огадить душу* (I Д 23),

оскорбить до глубины души (II P 71), смешай с душой (III B 2), погубить душу (III B 5, III З 6), нести душу (III B 4), воплотиться в душу (III B 1), рыться в душе (I M 17), разбирать душу (III Л 2), анатомировать душу (I A 7), входить в душу (II P 28), посетил душу (II P 44), положил на душу (I A 15), помин души (II P 6);

«действие, осуществляемое внешним фактором»: *озарило душу (I И 5), потрясло / сотрясло душу (II P 24, II P 73), пробудило душу (II P 73), подступило к душе (II P 61), повлияло на душу (II P 36), оставило на душе «печать» (II P 19), упокой души (III ГХ 2).*

2. Лексико-семантическую группу выделенных в контексте синтагм, охватывающую действие над своей душой. Данная группа включает следующие подгруппы:

«распоряжение своей душой»: *приучить душу (III С 13), класть душу (II P 70), отдать душу (богу) (II P 34), вывести душу из уединения (III С 14), хранить душу (III Т 1), задавить душу (в растлении) (I A 8), полагать душу (III З 6), извлечь душу из ада (I Д 7), спасение души (III Кол. 1, III В 3), погубить душу (III Пр. 4), любить больше (своей) души (кого-либо) (III Пр. 4);*

«действие над своей душой, включающее концепт “откровенность”»: *показать душу (I A 4, III С 14), открыть душу (I Д 16), поверять душу (III С 15), развернуть душу (I Д 38), разорвать душу (I Д 27);*

«действие над своей душой, включающее концепт “откровенность” с добавлением концепта “разрядка”»: *облегчить душу (I Д 20), отвести душу (I Д 19), излить / вылить душу (I A 4, II P 32, I Д 33).*

3. Лексико-семантическую группу выделенных в контексте синтагм, составляющую действие «из души» / «в душу», в которых душа выступает в роли места действия: *жить в душе (III С 8), принять в душу (II P 11, III С 6), брать в душу (II P 8), тянуть из души (жида) (I Д 3).*

Таким образом, душа может подвергаться воздействию как положительного, так и отрицательного характера как со стороны того, кому эта душа принадлежит, так и со стороны посторонних субъектов и даже абстрактных внешних факторов. Следовательно, она оказывается одним из «посредников» между человеком и окружающим его внешним миром, а также участником процессов внутреннего поиска и самоопределения человека.

Особняком в данной классификации стоят синтагмы, в которых *душа* оказывается компонентом синтагмы с числительным: *тысяча душ (1)*, *две тысячи душ (I И 2, II P 57)*. Данное значение слова *душа* не выходит за рамки словарных определений и является достаточно частотным для русской литературы XIX века. В.В. Колесов пишет, что «в христианском Средневековье» людей считали «по душам», что является индикатором представлений общества о самом важном в человеке: «то, что для западного человека важнее как *личное* — *личность*, то для русского ценно как *душа*» (Колесов, 2004: 96-97). Также в классификацию не попал случай употребления *души* в роли обращения (*I Д 13*), которое, по-видимому, является синонимом словам *дорогой* или *любезный*.

§ 3. Миниполе основных содержательных планов ЛСП *душа*

Потребность в выделении миниполя основных содержательных планов обусловлена отчётливым проявлением нескольких содержательных уровней ЛСП *душа*, позволяющих очертить авторское представление о душе точнее и подробнее.

Первый план, который мы рассмотрим — **аксиологический**. Сюда входят случаи употребления слова *душа* в аспекте оценки: положительной или отрицательной. Примеры нейтральной оценки *души* в романе отсутствуют. Так в тексте противопоставляются такие характеристики *души* как *чистая душа* — *пошлая и грязная душа*. В соответствии со словарями,

чистая в данном случае имеет значение «непорочная; прямая, добросовестная, нелицемерная» (Даль); «нравственно безупречная, честная, правдивая» (Ожегов), а *грязная / пошлая* выступают прямыми антонимами. Таким образом, решающим компонентом оценки в этих примерах выступает мораль, именно с опорой на моральные нормы душа получает свою характеристику.

Следующее противопоставление: *хорошая / добрая / превосходнейшая душа — жестокосердая душа*, где *хорошая* — «ценимая по внутренним качествам» (Даль: 698), *добрая* — «мягкосердая, жалостливая» (Даль: 212), а *жестокосердая* — «зверская, безжалостная, нечувствительная, немилосердая, несочувствующая» (Даль: 241). Здесь наиболее важным фактором оказывается (не)равнодушие обладателя души к страданиям и бедам других людей, оценка души через её вовлечённость в процесс помощи другим, уровень её гуманности.

Ещё одним качественным противопоставлением выступает пара *благородная душа — бесчестная душа*, где *благородная* — «честная, великодушная» (Даль: 59), а *бесчестная* — «позорная» (Даль: 55). Фактор соответствия социальным требованиям в отношении порядочности, достоинства, безупречности и незапятнанности репутации. Данная оценка даётся с точки зрения социума, к которому данный человек принадлежит, и норм, которые выработал этот социум и качеств, которые члены этого социума признают ценными.

Ещё один блок противопоставлений: *кроткая / смиренная / незлобивая душа — злая душа / убийца в душе*, где *кроткая* — «тихая, скромная, смиренная, любящая, снисходительная; не вспыльчивая, негневливая, многотерпеливая» (Даль: 350), *смиренная* — «живущая в смирении», где смирение — «сознание слабостей своих и недостатков, чувство сокрушения, унижения» (Даль: 602), а *злая* — «порочная, нечестивая» (Даль :282). Здесь речь в первую очередь идёт о характере человека, врождённом или

приобретённом, и на основании «покорства», ассоциирующегося в православном мировоззрении с добродетелью, и наличия зла в душе, формируется её оценка. Интересно, что в данной классификации *добрая* не оказывается антонимом *злой*, они попадают в разные комплексы. Это связано в основном с тем, что *добрая* подразумевает под собой действие, а *злая* — наличие определённого компонента внутри (зла, злобы).

Последние две пары противопоставленных словосочетаний: *невинная душа / идеал содомский в душе*, где наиболее важным компонентом значения является оценка души с религиозной точки зрения; *наличие / отсутствие вины, глубина подверженности земным порокам*; и *ангельская / inferнальная душа*, где *ангельская* — «свойственная ангелу, характерная для него» (Ефремова), а *inferнальная* — «одержимая буйными страстями, демоническая» (Ушаков). Последняя пара также целиком опирается на религиозные представления, имея непосредственную отсылку к раю и аду.

Вывод, который мы можем сделать на основании вышеприведённой информации: *душа* в исследуемом романе Достоевского получает оценку с шести различных направлений: морали, гуманности (восприимчивости к страданиям других), порядочности (социального достоинства), характера, вины (порочности), отношения к раю/аду.

Второй план, который мы рассмотрим — **социальный**. Здесь даётся характеристика *душе* с точки зрения социального статуса субъекта, ей обладающего, его занятий, профессии, склонностей.

Так в тексте романа *душа военная* противостоит *душе гражданской*, что является даже более глубоким противопоставлением, чем профессиональное, так как затрагивает не только область деятельности и профессию, но и образ жизни, определённый взгляд на мир и, что самое главное, ценностные установки, которые, безусловно, различаются у людей военных и гражданских.

Помимо профессиональных особенностей можно говорить об особенностях личностных, так *убийца в душе* — характеристика для человека, который ещё не совершил подобного преступления, но способен на это и склонен к этому.

О *душе подсудимого* в контексте романа говорится в значении «душа человека, оказавшегося на скамье подсудимых», она разбирается с целью понять характер этого человека, выявить его личностные качества, сделать вывод о мотивах его действий, чтобы вынести наиболее справедливый приговор. То есть *душа подсудимого* сама по себе не является характеристикой человека, а всего лишь указывает, о ком идёт речь: «о человеке, обвиняемом в преступлении».

Говоря о *душе путешественника*, автор также указывает на человека, который в данный момент осуществляет путешествие из одного места в другое, в данном случае всё несколько сложнее, чем в предыдущем. *Душа путешественника* в контексте романа — это душа Ивана Карамазова, покидающего отцовское имение, отправляющегося в Чермашню и уже в дороге осознавшего, что произошло и какой поступок он совершил. Здесь указание не только на характер деятельности, осуществляемой героем в данный момент, но и на роль, которую его поступок играет в развернувшемся в след за его отъездом действии.

В структуру социального плана, также как и аксиологического, мы включили пару *благородная — бесчестная душа*, добавив к этому противопоставлению вариант *лакейская душа*. Важно сказать, что в структуре социального плана логично было бы рассматривать *благородная* в ином значении, чем *высоконравственная* или *честная*, в значении сословном, но ни в одном из контекстов употребления этого словосочетания в романе *благородная душа* не является носителем этого сословного значения, однако мы вынуждены здесь упомянуть об этом элементе анализа, поскольку он в некотором роде противостоит другому элементу, который необходимо

включить в данную классификацию — *лакейская душа*. Данное определение оценивает душу своего носителя как с точки зрения его социального положения, так и личностных качеств, которыми он наделён. Это словосочетание употребляется в отношении Смердякова, который являлся лакеем, хотя приходился сыном барину. В контексте романа Фёдор Павлович назвал Смердякова *лакейской душой* после того, как тот не обнаружил тонкости и чуткости восприятия литературы. Другими словами, *лакейская душа* в данном (и единственном) случае имеет значение *человек, лишённый развитого вкуса (в данном случае литературного)*.

Сюда же необходимо включить такие словосочетания как *душа простолюдина* и *простая душа*, первое из которых встречается в романе три раза, а второе — только один. Во всех четырёх случаях *простая / простолюдина душа* употребляется в одном значении: душа человека (либо человек), относящегося(ийся) к сословию крепостных крестьян.

Таким образом, душа в романе определяется не только с оценочных позиций, но и с позиций статуса, рода занятий, сущности её обладателя. Это говорит о неразделимости человека и его души, о том, что душа принимает в себя характер человека, сформировавшийся под влиянием его профессии, рода деятельности или образа жизни, что подтверждает сущностную идентичность между личностью человека и его душой.

Третий план — **проявление подконцепта «насилие»** в глагольных синтагмах с компонентом *душа*. Мы выделим в имеющемся материале несколько подгрупп, характеризующихся различным характером осуществления насилия.

Первая подгруппа — давление. Сюда попадают следующие словосочетания: *задавив в душе, задавить душу (в растлении)*. В обоих случаях контекст предполагает давление человека на собственную душу, но если в первом случае давлению подвержено какое-то чувство или желание,

возникшее в душе, то во втором — *задавить* значит «погубить», последнему примеру в тексте существует антоним — *хранить душу*. В эту группу так же попадает словосочетание *подавить душу*, но оно уже подразумевает давление не на собственную душу, а на чужую. В романе приводится только один случай употребления этого словосочетания: «*подавите эту душу милосердием*» говорит защитник присяжным в суде, имея в виду, что оказанное подсудимому милосердие будет тяжело вынести его душе, понимающей, что она подобного милосердия не заслужила.

Вторая подгруппа — систематическое воздействие разрушительного характера — включает следующие примеры: *ненавистно щемило душу, язвило душу, терзало душу, не отставал от души, убивавшая тоской душу*. Посредством подобных словосочетаний автор передаёт те мучительные ощущения, которые на физическом уровне испытывает здоровый человек, телесные органы которого находятся в порядке.

Третья подгруппа — подгруппа сферического воздействия. Сюда попадают словосочетания *поглощала душу, охватывала душу, облегла душу*, где синонимом *поглощала* выступает «занимала» (*забота*), а *охватывала* и *облегла* — случаи полного подчинения души тому или иному чувству.

Четвёртая подгруппа характеризуется посягательством на целостность души, изучением её строения и содержания. Сюда входят такие словосочетания как *рыться в душе, разбирать душу, анатомировать душу*, где наиболее преступным оказывается первое, поскольку подразумевает неаккуратное и зачастую вносящее разрушения вторжение в душу. *Разбирать* или *анатомировать* чужую душу можно заочно, что гарантирует душе некую безопасность, сохранность.

Пятая подгруппа — разрушение структуры души — включает словосочетания *прошла душу (насквозь)* и *входить в душу*. Последнее мы слышим из уст автора при обращении к читателю: «*не время нам входить в*

эту душу», то есть это автор и его читатель — субъекты, входящие в души героев романа, осуществляющие данный вид насилия. Первый же пример встречается нам в контексте *«словно острая игла прошла мне всю душу насквозь»*, значит насилие осуществляется воображаемым предметом, более широкий контекст позволяет нам увидеть в данном примере метафору проснувшейся совести. Таким образом, перед нами интересный пример самоистязания души.

В выше обозначенные группы не попало несколько синтагм с подконцептом «насилие», которые тем не менее необходимо представить. *Потрясти душу* — действие единичного характера, оказавшее очевидное влияние на душу, шокирующее её, как правило, это некое событие, произошедшее с героем. *(Испуг) пахнул на душу* — воздействие, семантически соотносимое с движением воздуха, осуществляющимся по направлению от одного объекта к другому; так же единичное, но, в отличие от предыдущего примера, минутное и быстро проходящее, не составляющее никаких изменений в душе. *Огадить душу* — снова единичное воздействие, распространённое на всю площадь души, оставляющее неприятное ощущение в душе.

Четвёртый план — **душевные ощущения как физические** — объединяет словосочетания, передающие чувства, которые испытывает душа, через лексику, предназначенную для передачи телесных ощущений. Данный план включает три группы.

Первая группа включает наиболее общую лексику, которая употребляется как в отношении души, так и в отношении тела: *болят (наши) души, обессилел душой*, однако если телесную боль мы можем объяснить наличием нервной системы в организме человека, а силу — наличием энергии, вырабатываемой посредством окисления органических веществ, то чем обусловлено наличие боли и силы (а следовательно, бессилия) в душе, сказать сложно. Таким образом, такие лексические единицы, как боль и

бессилие, более типичны для использования их в отношении тела, а для определение души они используются в переносном смысле, метафорически.

Вторая группа включает ощущения тяжести, веса, возложенного на душу. *На душе прилично* — душа представляется неким предметом, на поверхность которого можно положить некоторый груз, *прилично* в данном случае — достаточно много: «приличным количеством чего-то называют достаточно большое количество чего-то» (Дмитриев). Таким образом, *прилично на душе* — физическое ощущение значительного груза, возложенного на душу. *Тяжело душе* — душа, как живой организм, с одной стороны являющийся частью человека, а с другой — отдельный, имеющий собственную систему восприятия информации, поступающей из окружающего мира, и взаимодействующий с ним. Существует русская пословица «Что-то на душе тяжело» (Даль), но эта пословица, как и предыдущий пример, предполагает наличие веса на душе и тяжесть, ощущаемую человеком, которому она принадлежит. В нашем же случае тяжесть ощущает именно душа, как отдельное от человека существо, живущее, тем не менее, внутри человека. *Облегчить душу* — снять тяжесть с души либо уменьшить её.

Третья группа — лексика, предназначенная для описания физических ощущений повреждения тела, используемая метафорически в отношении души. *Впивалась в душу (отчаянием)*, где *впиться* — «воткнуть, впустить во что-нибудь тонкое острие, жало» (Ушаков), значит, имеет место не только механическое повреждение, но и частичное проникновение внутрь души. *Вонзалась в душу (как острый нож)* — здесь повреждение также сопряжено с проникновением, *вонзить* — «воткнуть, всадить остриём» (Ушаков). *(Бритвой) по душе полоснули* — в данном примере факт проникновения отсутствует, но очевидно повреждение: *полоснуть* — значит «ударить чем-нибудь длинным, узким, обычно оставляющим след в виде

полосы» (Ожегов), учитывая, что речь идёт о бритве, никаких сомнений в наличии оставшегося следа не остаётся.

Пятый план — «агрегатные» состояния души. Мы рассмотрели, «способность» души воспринимать воздействие внешних раздражителей физически, но остался вопрос, какими физическими характеристиками обладает сама душа в русской языковой картине мира.

Так уже ранее упомянутые примеры *вонзалась в душу (как острый нож)* и *(бритвой) по душе полоснули* подходят как для твёрдой субстанции, так и для мягкой, а пример *впивалась в душу (отчаянием)* уже не позволяет представить душу в качестве чего-то твёрдого, поскольку глагол *впиваться* предполагает взаимодействие с мягкой фактурой.

Далее, такие словосочетания как *развернуть душу, разорвать душу, раздирающим душу (воплем)* также указывают на мягкость души, где *развернуть* подразумевает гибкость, податливость, некую протяжённость в пространстве.

Душу иссушил— здесь может иметься в виду как твёрдое, так и мягкое, однако живая материя своей мягкостью всегда обязана жидкости, а *иссушить* — значит, «лишить влаги, сделать совсем сухим, безводным» (Ожегов). Таким образом данный пример приводит нас к выводу о твёрдости души, лишённой влаги.

Следующее выражение *оставило на душе «печать»* так же говорит о твёрдости субстанции души, как и конструкция *составив в душе перелом*, поскольку ломать, несомненно, можно только твёрдый материал. Словосочетание *размозжена душа* менее однозначно, поскольку *размозжить* — «ударом раздробить, раздавить» (Ожегов) подходит как для твёрдого предмета (ударом раздробить можно только нечто твёрдое), так и для мягкого (раздавить можно как что-то мягкое, так и твёрдое, при достаточной его хрупкости).

Помимо твёрдого и мягкого состояния душа может быть жидкой. Об этом нам говорят словосочетания *бурная душа / бурная река, излить душу, вылить душу / вылить воду*. Выводы, которые можно сделать на основании этого анализа: душа может быть жидкой, твёрдой и мягкой (при условии, что в её составе есть жидкость).

В рамках шестого плана мы рассмотрим **фразеологические единицы** с компонентом душа, встречающиеся в тексте романа. Для удобства анализа разделим их на несколько групп в соответствии с их значением.

В первую группу вошли фразеологизмы со значением внутреннего, глубинного переживания.

В глубине души — «внутренне, втайне; подсознательно» (Розенталь, 2008: 30) — *ждать в глубине души, отказываться верить в глубине души*.

В душе — «внутренне, мысленно» (Войнова, 2001:140) — *убийца в д., плоско и сухо в д., (знает) что в д., в д. рай, мучительная жалость в д., бездна безвыходного горя и отчаяния в д., в д. нечто позорное и низкое, тоска в д., точно горячий уголь в д., прозвенело в д., сошлись разом в д., мелькали в д., сотрясалось в д., кричит в д., царило в д., задавив в д., заглохло в д., составив в д. перелом, поколеблено в д., порвалось в д., разрасталось в д., новый фазис в д., подняться в д., сидит в д., зайти/сойти/входить в д., отзывалась в д., прошла в д., кипел в д., зашевелилось в д., остаться в д., не было в д. (мести), рад в д., смутно в д., страшно в д., в д. прояснело, презирать в д., в д. шепнул, жить в д., рыться в д.*

На душе — «в переживаниях, внутренне, мысленно» (Телия) — *на душе сидит, что-то беспокойное на душе, на душе прилично, оставило на душе «печать»*.

Душа болит — «о сильном волнении, беспокойстве, чьих-либо переживаниях о ком-либо или о чём-либо» (Антонова, 2010: 195) — *дело, которым болят наши души.*

Во второй группе фразеологические единицы (ФЕ) объединены по фактору наличия компонента успокоения, (частичного) избавления от страданий.

Облегчать душу — «находить успокоение, утешение» (Телия, 2006) — *облегчить душу.*

Изливать душу — «кому-либо откровенно рассказывать о том, что наболело, волнует» (Антонова, 2010: 249) — *излить душу, вылить душу.*

Открывать / открыть душу — откровенно рассказывать о своих заветных мыслях, переживаниях, чувствах (Войнова, 2001: 282) — *открыть душу.*

Отвести душу — «находить для себя успокоение, утешение, разрядку в чем-либо» (Розенталь, 2008: 239) — *отвели душу.*

Третья группа включает фразеологизмы со значением большой вовлечённости в действие, сильного чувства.

До глубины души — «очень глубоко, сильно волновать» (Розенталь, 2008: 90) — *излюбил до глубины души, оскорбил до глубины души.*

Вкладывать душу — «целиком, полностью отдаваться чему-либо; делать что-либо с любовью, увлечением, старанием» (Войнова, 2001: 64) — *в дело класть всю свою душу.*

(И) душой и телом — «полностью, целиком, всем существом, без остатка» (Антонова, 2010: 196) — *зависеть и с душой и с телом.*

От всей души — «чистосердечно, искренне, горячо» (Антонова, 2010: 453) — *просить от всей души, должно совершаться свободно и искренне, от всей души.*

В четвёртую группу вошли фразеологизмы, характеризующие человека.

По доброте душевной — «по причине доброты, присущей человеку, бескорыстно» — *по доброте душевной*.

Простая душа — «прямой, бесхитростный, простодушный человек» (Фёдоров) — *простая душа*.

Особняком стоит фразеологизм, не вошедший ни в одну из групп, не обозначающий внутренних переживаний человека и никак не характеризующий человека или его внутренний мир: отдавать богу душу — «умирать» (Войнова, 2001: 280) — *отдал душу богу*.

Некоторые фразеологизмы включают индивидуальную авторскую трансформацию. Н.М. Шанский замечает, что «в стилистических целях фразеологизмы могут употребляться как без изменений, так и в трансформированном виде, с иным значением и структурой или с новыми экспрессивно-стилистическими свойствами» (Шанский, 1985: 149). Т.С. Гусейнова определяет трансформацию как «отклонение от общепринятой нормы, закреплённой в лингвистической литературе, а также импровизированное изменение в экспрессивно-стилистических целях» (Гусейнова, 1997: 7). В романе «Братья Карамазовы» встречается несколько ФЕ, содержащих в своей структуре авторскую трансформацию. Так, фразеологизм *излить душу* трансформирован во фразеологизм *вылить душу*, в связи с этим к значению *откровенно рассказывать о том, что волнует*, добавилось значение *полноты выражения своего внутреннего состояния*, глагол *вылить* имеет значение «удалить жидкость откуда-н.» (Ожегов) в полном объёме, в то время, как глагол *излить* допускает как полное, так и частичное удаление. Таким образом, авторская трансформация Ф.М. Достоевским фразеологизма *излить душу* изменяет его состав, расширяя тем самым лексическую сторону ФЕ. Ещё один подвергнутый авторской трансформации фразеологизм — *класть всю свою душу*,

преобразованный из ФЕ *вкладывать душу*, имеющей значение «целиком, полностью отдаваться чему-либо». *Вкладывать* имеет семантическую коннотацию частичности вложения, тогда как *класть* подразумевает помещение всего объекта во что-л. Данный смысловой оттенок усиливается введением в структуру ФЕ определительного местоимения *вся*. Следовательно, если *вкладывать душу* имеет значение полной отдачи чему-либо, а *класть* в сочетании с *всю* усиливает значение полноты, посредством индивидуальной авторской трансформации Ф.М. Достоевский добивается максимального усиления семантического компонента *полнота* в значении исходного фразеологизма. Кроме того, соблюдая синтаксическую структуру модели и сохраняя основной семантический компонент глагола, Ф.М. Достоевский разрушает семантику *многообразие* и сообщает употребляемому им глаголу *одноразовость*, лишая его приставки и актуализируя сему активного действия. На основании анализа двух трансформированных ФЕ можно сделать вывод, что в романе «Братья Карамазовы» индивидуальная авторская трансформация фразеологизмов служит усилению значений их исходных нормативных вариантов.

Из данной классификации можно сделать вывод, что почти все фразеологизмы с компонентом *душа*, используемые Достоевским в романе, имеют функцию передачи глубоких искренних человеческих чувств. Исключением является ФЕ *отдать богу душу*, которая не отражает внутреннего мира человека, однако её ценность заключается в том, что она позволяет оценить авторский взгляд на бессмертие души, на направление пути, совершаемого ею после завершения человеческой жизни.

Седьмой план — встречающиеся в романе **библейзмы**. Важность наличия этого плана обусловлена глубокой религиозностью автора. Центральные библейзмы романа: *спасти душу* (III Кол. 1, III В 3) и *погубить душу* (III Пр. 4) — напоминают нам о тленности тела и вечной жизни души. Согласно библейским контекстам, спасти душу может бог (Псалтырь 71:13),

слово(Послание от Иакова 1:21), человек, которому эта душа принадлежит (Книга пророка Иезекииля 3:19; Евангелие от Марка 3:4), человек, производящий действие над хозяином спасаемой души (Притчи 23:14). В одном из контекстов Священного Писания спасение души является метафорой спасения человеческой жизни (Первая книга царств 19:11). В романе Ф.М. Достоевского в обоих случаях спасение души — акт, осуществляемый богом по отношению к душам людей, праведно проживших свою жизнь. Схожая семантика у словосочетания *хранить душу* (III T 1). Хранить души, в соответствии с библейскими текстами, способность Господа (Псалтырь 85:2, 96:10, 24:20, 120:7), в романе — это обязанность каждого отдельного человека. *Погубить душу*, согласно Библии, может владелец души (Притчи 6:32; Евангелие от Матфея 10:28; Евангелие от Марка 3:4) и бог (Псалтырь 25:9). В единственном примере романа гибель души также осуществляется её владельцем. Ещё один библеизм — *жаждет душа* — дважды встречается в Писании в значении сильного желания (Псалтырь 62:2, 41:3), а именно томления по богу, и один раз «душа его жаждет» означает физическую жажду её владельца (Книга пророка Исаии 29:8). В романе жажда души в одном случае также направлена на бога (III C 9), а в другом под ней понимается глубинное желание самого человека — желание оправдать отца (III З 4). Интересный пример — *полагать душу* (Евангелие от Иоанна 10:11), когда в тексте романа приводится фрагмент библейского текста. Прямая отсылка подтверждает суждение о плотности связи романа «Братья Карамазовы» со Священным Писанием. В план библеизмов также попал фразеологизм *от всей души* (III И 1, II P 21), в Библии он встречается в значениях *искренне, верно* (первая книга Паралипоменон 28:9), *крепко, надёжно* (Книга пророка Иеремии 32:41), *искренне, самозабвенно, верно* (Второзаконие 11:13, 26:16; четвёртая книга Царств 23:3), в романе — в значениях искренно, естественно, по доброй воле (II P 21), с большим рвением и участием (III И 1).

Таким образом, можно сделать вывод, что те словосочетания с компонентом души, которые совпадают в романе «Братья Карамазовы» и библейских текстах, имеют если не идентичное, то очень близкое семантическое значение, что свидетельствует о глубине православного мирозерцания Ф.М. Достоевского.

Подводя итог анализу опорного миниполя и миниполя основных содержательных планов, можно сказать, что лексическая парадигма исследуемого ЛСП *душа* отчётливо обозначила себя наличием: 1) общих семантических черт, 2) дифференцирующих признаков, 3) связанности отдельных значений многозначного слова и его лексико-семантических вариантов.

§ 4. Дискурсивное миниполе центральных персонажей романа «Братья Карамазовы» ЛСП души

Цель анализа данной группы синтагм нашей классификации в выявлении содержания понятия *душа* для центральных персонажей романа «Братья Карамазовы»: Фёдора Павловича, Дмитрия, Ивана, Алёши и Павла Смердякова. Исследуя словоупотребления *душа* и их контексты в речи персонажей, мы стремимся выявить отношения к душе и значимость её для каждого из них — Алёша: «у вас душа веселее, чем у меня» (I А 6), «у вас благородная душа» (I А 3), «у меня во многом мелкая душа» (I А 5); Иван: «слабая душа» (I И 3), «подлая душа» (I Д 34), «убийца в душе» (I И 7); Дмитрий: «ангельская душа» (I Д 16), «инфернальная душа» (I Д 16), «простая душа» (I Д 10), «голубиная душа» (I Д 14); Фёдор Павлович: «злая душа» (I Ф 4), «лакейская душа» (I Ф 3), «не наша совсем душа» (I Ф 5); Смердяков: «наиболее на него похожи... с одной с ними душой-с» (I П 1).

Иван сначала даёт характеристику человеку и уже из этой характеристики делает вывод о его душе: «чем именно я мог вселить тогда в твою подлую душу такое низкое для меня подозрение?» (I И 6). И даже о собственной душе он судит по своим поступкам: «потому ли, что в душе и я

такой же убийца?» (I И 7), «почему же душа моя могла породить такого лакея, как ты?» (I И 8).

Фёдор Павлович тоже оценивает душу по поступкам: «Ивана не признаю... Не наша совсем душа» (I Ф 5), «ну и убирайся к чёрту, лакейская ты душа» (I Ф 3).

Смердяков выступает медиатором между Карамазовым-отцом и тремя братьями, вокруг фигур которых завязывается повествование. Он наблюдает происходящее со стороны, давая оценку персонажам: «вы как Фёдор Павлович... с одной с ним душой-с» (I П 1) и, тем самым, перенимая частично роль рассказчика. Изучив человека по его способностям и предпочтениям, выносит вердикт о его душе, сходстве между собой душ родственников.

Для Алёши, напротив, поступки являются индикатором человеческой души, для него главное — душа, и по поступкам он о ней судит: «я шёл сюда злую душу найти... а нашёл... душу любящую ...Она сейчас пощадила меня» (I А 9), и с человеком поступает сообразно сущности, его души, о которой делает вывод из поступков её обладателя: «эта душа ещё не примерённая, надо щадить её» (I А 11).

Наибольшее количество словоупотреблений *душа* в речи Дмитрия по сравнению с другими центральными персонажами обусловлено величайшим числом коммуникативных актов в которые вступает последний. Оценка Дмитрия разнонаправлена: он даёт характеристику человеку по его душе: «если это пройдёт мимо ваших душ, то ... вы прямо не уважаете меня» (I Д 26), «дала бы (деньги) из наслаждения мщением... потому что это тоже inferнальная душа» (I Д 16), и душе по поступкам человека: «ангельская вы душа... благодарю за неё (Грушу)» (4), «ценю настоящую вашу доброту со мной... достойную благороднейших душ» (I Д 18), в синтагмах с компонентом *душа* передаёт ощущения, возникающие при

воздействии на человека различных событий: «душа сотрясалась от слёз» (I Д 30), «не отставал Смердяков от души» (I Д 21) или взаимодействии с другими людьми: «огадили душу» (I Д 23), «поддержала душу» (I Д 29), «не ройтесь... в душе моей» (I М 17), а также даёт субъективную оценку предметам и даже людям: «деньги — это... жар души» (I Д 4), «царица души» (I Д 12, I Д 16), «ангел души» (III С 3), передаёт сложное эмоциональное состояние: «тяжело душе моей» (I Д 36), «на душе у меня... прилично» (I Д 8). Кроме того, он говорит о том, что посредством воздействия на человека можно воспитать характер: «душу высокую» (I И 6). В противоречие всему описанному выше о понимании сущности души Дмитрием Карамазовым скажем, что он также в одном из монологов отрицал её существование: «вот почему я и созерцаю, а потому мыслю... потому что хвостики (нервы), а вовсе не потому, что у меня душа и что там какой-то образ и подобие, всё это глупости» (I Д 32).

В дискурсе Дмитрия отражается противоречивость его собственной души, которая принимает в себя всё, что её окружает, в том числе идеи материализма, нигилизма и т.д., которые проникли в Россию ещё в начале 60-х годов XIX в. Душа Дмитрия таким образом противопоставляется душе Смердякова, который судит о душе человеческой несколько отстранённо, словно его функция — это нарратив, а Дмитрий Карамазов иллюстрирует идею о всемирной отзывчивости, высказанную Ф. М. Достоевским в «Пушкинской речи»: «Народ же наш именно заключает в душе своей эту склонность к всемирной отзывчивости и к всепримирению» (Достоевский, 1884: 131). Таким образом, душа Дмитрия отражает ситуацию 70-80-х годов XIX века:

1) религиозные представления о душе: *ангельская — инфернальная*;

2) душа как неотъемлемая часть человека:

2.1) оппозиционность: *благороднейшая душа — царица души — деньги — ... жар души*; где благородство подразумевает высокую моральную

оценку человека, деньги как жар души — материальную сторону душевной организации с одной стороны и низкую ценность денег в вопросе расстановки приоритетов — с другой, царица — использование слова в переносном значении с целью показать величину влияния воли обозначаемого субъекта на душу;

2.2) беззащитность: *огадили душу, не ройтесь в душе — поддержала душу, душа сотрясалась от слёз*;

3) душа как субстанция и свойство отрицается, существует только телесное, человек как животное, исключительно физиологическое существо.

Молниеносная смена дискурсивных образов, которые обеспечиваются оценочными прилагательными, глаголами, метафорами, метонимиями, характеризует Дмитрия на протяжении всего романа.

Очень важно, что в отличие от животных в представлении Достоевского человеку дана свобода воздействия на собственные личность, душу, тело, способность вносить в них изменения на своё усмотрение. Этой свободы и не может выдержать Дмитрий. Душа данного персонажа располагает картиной возможных направлений развития души. При этом он синхронно совершает поступки, которые сложно объяснить с точки зрения менее «широкого» человека. Именно у Дмитрия есть возможность этого выбора.

§ 5. Авторские синтагмы с компонентом душа в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»

Немаловажной частью нашего исследования выступает класс синтагм, не существующих за пределами романа «Братья Карамазовы» и отражающий индивидуальное авторское представление о душе.

Первая группа этого класса — характеристика человека по его душе — содержит следующие подгруппы:

- черты, присущие социальному образу человека: *ничтожнее душой (I Д 7), inferнальная душа (I Д 16), гневливая душа (III С 24)*;
- внутренние, скрытые, сущностные черты личности человека: *в душе бесчестен (III Пр. 2), идеал содомский в душе (I Д 4), плоско в душе (I Д 31), сухо в душе (I Д 31)*;
- социальное положение человека: *душа военная (III М 1), душа гражданская (III М 1), душа простолюдина (I Д 11)*;
- характеристика человека путём сравнения его души с другими душами и выявления общности: *одною с ними душой (I П 1), не наша совсем душа (I Ф 5)*.

Вторая группа — действие, осуществляемое над душой:

- не наносящие душе существенного вреда: *воплотиться в душу (III В 1), разрешить душу (III Кр 1), душу из ада извлечь (I Д 7), душу разбирать (III Л 2)*. В эту группу так же попадает авторский фразеологизм *жида из души тянуть (I Д 3)*, имеющий значение «затягивать, тратить время на сообщение ненужной информации»;
- механического характера с семантическим компонентом «разрушение»: *бритвой по душе полоснули (I Ф 1), игла прошла душу насквозь (III С 11)*.

Третья группа — действия, осуществляющиеся в душе, и чувства ей присущие:

- чувства души, её состояния: *на душе у меня прилично (I Д 8)*, где *прилично* в значении внушительного веса нежелаемого груза, *умилительно душе (III З 23)*, где *умилительно* — перенесение исключительно человеческого, социального чувства на душу, *горячий уголь в душе (II Р 15)* — метафорическая передача ощущения жжения, *не отставал Смердяков от души (I Д 21)* — чувство нарушения

внутреннего равновесия, покоя, компонент преследования, *зависит с душой (I Д 6)* — распространение чувства зависимости от кого-либо на всё существо человеческое, включая душу, что подтверждает восприятие души как несомненного компонента личности человека;

— действия, осуществляющиеся в душе: *в душе прояснено (II P 61)* — глагол, в обиходе использующийся чаще всего для характеристики объектов природы, ассоциация с которой и выстраивается у реципиента, *сотряслось в душе (II P 74)*, *поколеблено в душе (II P 37)*, *составить в душе перелом (II P 36)*, *огадить душу (I Д 23)* — ряд синтагм с компонентом нанесённого ущерба, *души обвиняют (III З 2)*, *души становятся перед господом (III С 23)* — оппозиционная в определённом смысле пара синтагм, одна из которых представляет душу равной человеку, способной на действие исключительно социального характера, а вторая — лишена всякой метафоричности и представляет душу в её первоначальном религиозном смысле.

Таким образом, индивидуальное авторское представление о душе на исследуемом материале выражено склонностью давать характеристику душе человека на основании личностных качеств и социального статуса её владельца, а также интуитивно ощутимых сходств и различий в характерах владельцев душ; способностью души подвергаться воздействию, как безвредному, так и механически её «разрушающему»; наличие у души чувств и способности отвечать на внешние раздражители внутренними реакциями.

§ 6. Ядерные элементы ЛСП душа

Ядерная часть построенного ЛСП *душа* представлена рядом включённых в контексты синтагм с компонентом *душа*, где последняя выступает в значении, присваиваемом ей христианским вероисповеданием: «существо духовное и бессмертное» (Иллюстрированная, 1891: 157). В ядерную часть попали синтагмы, означающие:

1) воздействия, которым может подвергаться христианская душа: *хранить душу (III Т 1), спасти душу (III Кол. 1, III З 8, III В 3), погубить душу (III В 5, III О 4), исцелити тщеславную душу (III И 1);*

2) основные характеристики души как существа: *у меня душа (I Д 32), душа стоит (целого созвездия) (III В 3), бессмертие души (III С 2, I И 1, III С 3);*

3) переход от земной жизни к жизни небесной: *души становятся перед господом (III З 23), отдал душу богу (II Р 34), упокой господи его душу (III ГХ 2), помин души (II Р 6).*

Идейно-философское наполнение романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» позволяет выявить в данном произведении явные черты теодицеи. Душа, столь многогранная своим семантическим содержанием, в первую очередь всё же душа христианская, православная. Многообразие нетривиальных свойств и способностей души в романе передано метафорически. Если же выделить ту часть исследуемого материала, которая репрезентует душу в её «чистом», художественно необработанном значении, душа предстанет перед читателем в своём классическом, каноническом смысле.

Выводы по второй главе:

В результате анализа ЛСП *душа* нами были выявлены три миниполя: опорное миниполе, миниполе основных содержательных планов и дискурсивное миниполе центральных персонажей романа.

Опорное миниполе включает в себя четыре лексико-семантических субполя: а) душа и её характеристики, б) состояние души; в) душа как действующее лицо, г) душа как объект воздействия. Субполе «душа и её характеристики» построено группами синтагм 1) качественная оценка души; 2) принадлежность души; 3) наличие у души тех или иных качеств /

компонентов; 4) витальное состояние души; 5) близость души другим душам; б) факт существования души, её ценность. Субполе «состояние души» построено группами синтагм: 1) влияние тех или иных обстоятельств на душу; 2) душа как сосуд; 3) чувства, провоцируемые в душе; 4) «микроклимат» души; 5) принадлежащее душе. Субполе «душа как действующее лицо» построено группами синтагм: 1) действия, совершаемое душой; 2) переживания, затрагивающие душу. Субполе «душа как объект воздействия» построено группами синтагм: 1) действие, осуществляемое над душой другого существа; 2) действие над своей душой; 3) душа — место действия.

Миниполе основных содержательных планов включает в себя следующие планы: аксиологический, социальный, проявление подконцепта «насилие», передачи душевных ощущений как физических, «агрегатных» состояний души, фразеологических единиц, библеизмов.

Дискурсивное миниполе центральных персонажей романа включает в себя парадигму речевых актов 1) Ф.П. Карамазова, 2) Дмитрия Карамазова, 3) Ивана Карамазова, 4) Алёши Карамазова, 5) Павла Смердякова.

На основании проведённого анализа мы можем сделать вывод о наиболее значимых, существенных чертах души на материале исследуемого романа. Нами были выделены шесть групп, отражающих характер семантических трансформаций лексико-семантического поля *душа* в дискурсе романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»:

1. Моральная оценка. Душа получает оценку по шести различным направлениям: морали, гуманности (восприимчивости к страданиям других), порядочности (социального достоинства), характера, вины (порочности), отношения к раю/аду;

1.1. помимо оценочных категорий, душа определяется с позиций статуса, рода занятий, сущности её обладателя. Это говорит о неразделимости

человека и его души, о том, что душа принимает в себя характер человека, сформировавшийся под влиянием его профессии, рода деятельности или образа жизни, что подтверждает сущностную идентичность между личностью человека и его душой;

1.2. душа в исследуемом материале зачастую является синонимом личности человека. Она имеет свои чувства, мысли, привязанности, тайны, как их имеет человеческая личность;

а) служит для передачи ощущений самой души как самостоятельного существа, так и части живого организма;

б) значительная часть чувство-мыслительных функций человека лежит именно на душе: душа способна к действиям «человеческого» характера: *прощать, обвинять, мыслить, созерцать, искать* и другое; к изменению собственного масштаба — эластичности: *расшириться*; к чувствам и переживаниям: *любить, презирать, веселиться, замирать* и другое. Чувства, источником которых является душа, характеризуются высокой степенью искренности, неподдельности: *от всей души, в глубине души*;

2. Внешние воздействия. Обстоятельства окружающего мира могут воздействовать на душу тремя различными способами: 1. создавая для неё определённое настроение, временное состояние; 2. деформируя её, разрушая; 3. способствуя её развитию и усовершенствованию;

2.1. душа может подвергаться воздействию как положительного, так и отрицательного характера как со стороны того, кому эта душа принадлежит, так и со стороны посторонних субъектов и абстрактных внешних факторов. Следовательно, она оказывается одним из посредников между человеком и окружающим его внешним миром, а

также участником процессов внутреннего поиска и самоопределения человека;

а)насилие над душой в романе «Братья Карамазовы» осуществляется посредством давления; систематического воздействия разрушительного характера; воздействия на душу сферического характера; посягательством на целостность души, изучения её строения и содержания; разрушение структуры души;

3. Душа как материя. Душа материальна в восприятии как носителей языка, так и авторском, что подтверждается способностью души переносить различный вес;

3.1. душа может быть жидкой, твёрдой и мягкой (при условии, что в её составе есть жидкость);

3.2. душевные ощущения, как физические, передаются посредством общей лексики, предназначенной для передачи телесных ощущений (обессилеть душой, болит душа); через ощущение тяжести; через ощущения повреждения тела;

4. душа как некое вместилище чувств и состояний;

Кроме того, нами отмечены употребления в составе фразеологизмов и интертексте.

5. Фразеологизмы с компонентом *душа*, отмеченные нами в романе, имеют функцию передачи глубоких искренних чувств. Исключением является *отдать богу душу*, где не отражается внутренний мир человека, однако отчетливо выражена авторская точка зрения на бессмертие души, на направление пути, совершаемого ею после завершения жизни в человеческом теле;

6. Словосочетания с компонентом *душа* интертекстуально связаны с библейскими текстами, могут быть трансформированы с заменой некоторых элементов, но с сохранением синтаксической и семантической структуры библеизмов.

Заключение

Основываясь на трудах Филина Ф.П., Новикова Л.А., Шмелёва Д.Н., Ахмановой О.С., Вердиевой З.Н., Покровского М.М., Щура Г.С., Ипсена Г., Трира Й., Уфимцевой А.А., Кронгауза М.А., Кобозевой И.М., Арнольд И.В., Кузнецова А.М., Васильева Л.М., Караулова Ю.Н., Телия В.Н., Виноградова В.В., Шанского Н.М. и др., мы построили ЛСП *душа*, на основе проведенного комплексного анализа, включающего компонентный анализ с опорой на лингвокультурный фон романа «Братья Карамазовы».

Сама лексема *душа* обладает образным потенциалом и может быть рассмотрена с разных точек зрения: с авторской, как художественный образ; с медицинской, как психика — часть организма, личности человека; с мифологической, как культурно-религиозный аспект мировоззрения определённой культурной общности. Таким образом, представления о душе делятся на материалистические и идеалистические, данная лексема обладает образным потенциалом даже вне тела человека (*душа пространства — душа дома*).

В результате исследования было сконструировано ЛСП *душа*, включающее три миниполя: опорное, миниполе основных содержательных планов и дискурсивное миниполе центральных персонажей, все миниполя связаны между собой.

Как было сказано выше, ЛСП, согласно И.В. Арнольд — это множество слов, покрывающих определённую область человеческого опыта и, следовательно, связанных по значению. Семантическим признаком, формирующим поле *душа*, является «личностная сущность человека, его психический мир» (Словарь, 2015: 244).

На основании проведённого анализа мы можем сделать вывод о наиболее значимых, существенных чертах души на материале исследуемого романа. Нами были выделены шесть групп, отражающих характер семантических трансформаций лексико-семантического поля *душа* в дискурсе романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»:

1. Моральная оценка. Душа получает оценку по шести различным направлениям: морали, гуманности (восприимчивости к страданиям других), порядочности (социального достоинства), характера, вины (порочности), отношения к раю/аду;

- 1.1. помимо оценочных категорий, душа определяется с позиций статуса, рода занятий, сущности её обладателя. Это говорит о неразделимости

человека и его души, о том, что душа принимает в себя характер человека, сформировавшийся под влиянием его профессии, рода деятельности или образа жизни, что подтверждает сущностную идентичность между личностью человека и его душой;

1.2. душа в исследуемом материале зачастую является синонимом личности человека. Она имеет свои чувства, мысли, привязанности, тайны, как их имеет человеческая личность;

а) служит для передачи ощущений самой души как самостоятельного существа, так и части живого организма;

б) значительная часть чувство-мыслительных функций человека лежит именно на душе: душа способна к действиям «человеческого» характера: *прощать, обвинять, мыслить, созерцать, искать* и другое; к изменению собственного масштаба — эластичности: *расшириться*; к чувствам и переживаниям: *любить, презирать, веселиться, замирать* и другое. Чувства, источником которых является душа, характеризуются высокой степенью искренности, неподдельности: *от всей души, в глубине души*;

2. Внешние воздействия. Обстоятельства окружающего мира могут воздействовать на душу тремя различными способами: 1. создавая для неё определённое настроение, временное состояние; 2. деформируя её, разрушая; 3. способствуя её развитию и усовершенствованию;

2.1. душа может подвергаться воздействию как положительного, так и отрицательного характера как со стороны того, кому эта душа принадлежит, так и со стороны посторонних субъектов и абстрактных внешних факторов. Следовательно, она оказывается одним из

посредников между человеком и окружающим его внешним миром, а также участником процессов внутреннего поиска и самоопределения человека;

а)насилие над душой в романе «Братья Карамазовы» осуществляется посредством давления; систематического воздействия разрушительного характера; воздействия на душу сферического характера; посягательством на целостность души, изучения её строения и содержания; разрушение структуры души;

3. Душа как материя. Душа материальна в восприятии как носителей языка, так и авторском, что подтверждается способностью души переносить различный вес;

3.1. душа может быть жидкой, твёрдой и мягкой (при условии, что в её составе есть жидкость);

3.2. душевные ощущения как физические передаются посредством общей лексики, предназначенной для передачи телесных ощущений (обессилеть душой, болит душа); через ощущение тяжести; через ощущения повреждения тела;

4. Душа как некое вместилище чувств и состояний.

Кроме того, нами отмечены употребления в составе фразеологизмов и интертексте.

5. Фразеологизмы с компонентом *душа*, отмеченные нами в романе, имеют функцию передачи глубоких искренних чувств. Исключением является *отдать богу душу*, где не отражается внутренний мир человека, однако отчетливо выражена авторская точка зрения на бессмертие души, на направление пути, совершаемого ею после завершения жизни в человеческом теле;

6. Словосочетания с компонентом *душа* интертекстуально связаны с библейскими текстами, могут быть трансформированы с заменой некоторых элементов, но с сохранением синтаксической и семантической структуры библеизма.

«Русская душа» — самобытный феномен русской лингвокультуры, часть мифа о России, наряду с именами русских писателей, таких как Ф.М. Достоевский. Этот феномен обладает притягательными свойствами, вызывает интерес у иностранцев, в том числе у иностранцев, изучающих русский язык. По опыту коллег, с представлением о русской душе у иностранных студентов в частности ассоциируется творчество Достоевского, что обуславливает лингвокультурную, лингвострановедческую значимость нашей работы.

Результаты исследования могут быть использованы на практических занятиях по РКИ в аспектах лексикологии, семантики, чтения художественного текста, лингвострановедения и лингвокультурологии и др.

Список использованной литературы

Источники:

1. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. — М : Сов. энциклопедия, 1966. — 576 с.
2. Большой академический словарь русского языка. Т. 5. — СПб : Наука, 2006. — 733 с.

3. *Даль В.И.* Толковый словарь русского языка. — М : АСТ Lingua, 2015. — 733 с.
4. *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы. — СПб : ИД «Петрополис», 2015. — 940 с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. — М : Большая Рос. энцикл., 2002. — 709 с.
6. *Ляшевская О.Н., Шаров С.А.* Частотный словарь современного русского языка. — М : Азбуковник, 2009 [http://dict.ruslang.ru/freq.php? act=show&dic=freq_s&title=%D7%E0%F1%F2%EE%F2%ED%FB%E9%20%F1%EF%E8%F1%EE%EA%20%E8%EC%E5%ED%20%F1%F3%F9%E5%F1%F2%E2%E8%F2%E5%EB%FC%ED%FB%F5](http://dict.ruslang.ru/freq.php?act=show&dic=freq_s&title=%D7%E0%F1%F2%EE%F2%ED%FB%E9%20%F1%EF%E8%F1%EE%EA%20%E8%EC%E5%ED%20%F1%F3%F9%E5%F1%F2%E2%E8%F2%E5%EB%FC%ED%FB%F5) / 23.05.2017.
7. *Михайлова О.А.* Словарь синонимов; Словарь антонимов. — М : АСТ Lingua, 2014. — 509 с.
8. *Никифор* Иллюстрированная полная популярная библейская энциклопедия : В 4 вып / Труд и издание архим. Никифора. — Москва, 1891-1892. — 4 т.
9. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка. — М : Мир и образование, 2016. — 1375 с.
10. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов и др. — М : Помовский и партнеры, 1994.
11. Словарь языка Достоевского. В 4 т. / гл. ред. Ю. Н. Караулов. — М : ИНФОТЕХ, 2015. — 541 с.
12. *Телия Е.Н.* Большой фразеологический словарь русского языка. — М : АСТ-Пресс., 2006.

13. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля / четвертое исправленное и значительно дополненное издание под редакцией проф. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. Томъ первый. — СПб-М : Издание Т-ВА М.О. Вольфъ, 1912.
14. Толковый словарь русского языка / под. ред. Д.Н. Ушакова. — М., Государственный институт «Советская энциклопедия», 1935.
15. Философский энциклопедический словарь / С.С. Аверинцев, 2-е изд. — М.: «Советская энциклопедия», 1989.
16. Частотный словарь современного русского языка / О.Н. Ляшевская, С.А. Шаров. — М : Азбуковник, 2009. — <http://dict.ruslang.ru/freq.php>, 23.05.2017.
17. Энциклопедический словарь. Т. 21 / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. — СПб.: Типо-литография И.А. Ефрона, Прачешный пер., №6, 1893.

Список литературы:

1. *Апресян Ю. Д.* Избранные труды: Лексическая семантика. — М : Яз. рус. культуры, 1995.
2. *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. — М : Наука, 1974. — 368 с.
3. *Арнольд И.В.* Лексико-семантическое поле в языке и тематическая сетка текста // Текст как объект комплексного анализа в ВУЗе. — Л : ЛГПИ, 1984. — С. 3-11.
4. *Арнольд И.В.* Основы научных исследований в лингвистике. — М : Высш. школа, 1991. — 140 с.
5. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. — М : Яз. рус. культуры, 1999. — 895 с.

6. *Бердяев Н.А.* Откровение о человеке в творчестве Достоевского // Русская мысль. — М., 1918. Кн. 3-4. — С. 39-61.

7. *Березин Ф.М., Головин Б.М.* Общее языкознание. — М : Просвещение, 1979. — 416 с.

8. *Васильев Л.М.* Современная лингвистическая семантика. — М : Высш. школа, 1990. — 175 с.

9. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. — М : Яз. рус. культуры, 1999. — 777 с.

10. *Вердиева З.Н.* Семантические поля в современном английском языке. — М : Высш. школа, 1986. — 118 с.

11. *Виноградов В.В.* Русский язык: Грамматическое учение о слове. — М : Высш. школа, 1972. — 614 с.

12. *Гайсина Р.М.* Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1981. — 195 с.

13. *Головина Э.Д.* Виснет ли брань на воротах? Как мы коверкаем фразеологизмы // Русская речь. М : Б. и., 2003. — №5. — С. 61-65.

14. *Горлов В.В.* Фразеологизмы как средство выразительности на страницах газет // Русский язык в школе. — М : Наркомпрос. Учпедгиз, 1992. — №5/6. — С. 35-37.

15. *Гусейнова Т.С.* Трансформация фразеологических единиц как способ реализации газетной экспрессии: Дис. канд. филол. наук. — Махачкала, 1997. — 188 с.

16. *Денисов П.Н.* Лексика русского языка и принципы её описания. — М : Рус. яз., 1993. — 245 с.

17. *Долгих Н.Г.* Теория семантического поля на современном этапе развития семасиологии // НДВШ. Филологические науки. 1973. №1. — С. 89-98.

18. *Достоевский Ф.М.* Пушкинская речь // Ф.М. Достоевский. Полное собрание сочинений, т. 26. — Ленинград: Наука, 1984, — с. 129-149.

19. *Караулов Ю.Н.* Ассоциативная грамматика русского языка. — М : URSS Изд-во ЛКИ, 2010. — 330 с.

20. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. — М : Едиториал УРСС, 2003. — 261 с.

21. *Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика. — М : Эдиториал УРСС, 2000. — 352 с.

22. *Колесов В.В.* Язык и ментальность. — Спб: «Петербургское Востоковедение», 2004. — 240 с.

23. *Косериу Э.* Лексические солидарности. // Вопросы учебной лексикографии. — М : Изд-во Моск. ун-та, 1969. — с. 95-102.

24. *Кривченко Е.Л.* К понятию «семантическое поле» и методам его изучения // НДВШ. Филологическое науки. №1. 1973. — с. 99-103.

25. *Кронгауз М.А.* Семантика. — М : Academia, 2005. — 352 с.

26. *Кузнецов А.М.* Структурно-семантические параметры в лексике. — М : Наука, 1980. — 160 с.

27. *Кузнецов Ю.А.* Лексико-семантическое поле смеха как фрагмент русской языковой картины мира: Дис. канд. филол. наук. — Спб, 2005. — 215 с.

28. *Маслова В.А.* Когнитивная лингвистика. — Минск : ТетраСистемс, 2008. — 271 с.

29. *Медникова Э.М.* Значение слова и методы его описания. — М : Высш. школа, 1974. — 202 с.
30. *Никитин М.В.* Лексическое значение в слове и словосочетании. — Владимир : Владимир. пед. ун-т, 1974. — 222 с.
31. *Нильсен Е.А.* Лексико-семантическое поле звукообозначений в английском языке: синхронный и диахронический аспекты: Дис. канд. филол. наук. — СПб, 2001. — 233 с.
32. *Новиков Л.А.* Антонимия в русском языке. — М : Изд-во Моск. ун-та, 1973. — 130 с.
33. *Новиков Л.А.* Семантика русского языка. — М : Высш. школа, 1982. — 272 с.
34. *Обвинцева Н.В.* Лексико-семантическое поле отношения в русском и английском языках: Дис. канд. филол. наук. — Челябинск, 2010. — 193 с.
35. *Падучева Е.В.* Статьи разных лет. — М : Языки славянских культур, 2009. — 728 с.
36. *Покровский М.М.* Избранные работы по языкознанию. — М : Изд-во Акад. наук СССР, 1959. — 382 с.
37. *Потанова О. Е.* Лексико-семантическое поле «Море» как фрагмент русской языковой картины мира: Дис. канд. филол. наук. — СПб, 2012. — 198 с.
38. Русская грамматика. Т1. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. — М : Наука, 1980. — 787 с.
39. *Толстой Н.И.* Из опытов типологического исследования славянского словарного состава // Вопросы языкознания. — №1. — М : Изд-во Акад. наук СССР, 1963, — С. 29-45.
40. *Уфимцева А.А.* Лексическое значение. — М : Наука, 1986.— 240 с.
41. *Уфимцева А.А.* Опыт изучения лексики как системы. — М : УРСС, 2004. — 286 с.

42. *Филин Ф.П.* Очерки по теории языкознания. — М : Наука, 1982. — 336 с.
43. *Фрумкина Р.М.* Психоллингвистика. — М : Академия, 2001. — 320 с.
44. *Шанский Н.М.* Фразеология современного русского языка. — 3-е изд., испр. и доп. — М. : Высш. школа, 1985.
45. *Шмелёв Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики. — М : Наука, 1973. — 280 с.
46. *Щерба Л.В.* Избранные работы по русскому языку. — М : Аспект Пресс, 2007. — 256 с.
47. *Щур Г.С.* Теории поля в лингвистике. — М : URSS Либроком, 1974. — 255 с.
48. Язык — система. Язык — текст. Язык — способность. — М : ИРЯ, 1995. — 287 с.
49. *Bierwisch M.* On classifying semantic features // Bierwisch M., Heidolph K.E. (eds.). Progress in Linguistics. The Hague-Paris: Mouton, 1970,— P. 27-50.
50. *Cruse D.* Lexical semantics. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. — 311 p.

Приложение 1.

В Приложении 1 представлены контексты употребления синтагм с компонентом *душа*.

Фрагменты романа в приложении классифицированы по принципам:

1. принадлежности к речи
 - а) центральных персонажей,
 - б) автора-рассказчика,
 - в) второстепенных персонажей;
2. хронологии появления в романе.

Данный способ организации контекстов обусловлен высоким уровнем значимости факта принадлежности синтагмы речи того или иного персонажа: одно из миниполей описанного нами ЛСП сформировано на материале речевых актов центральных персонажей; хронологический принцип позволяет следовать повествовательной логике романа. Речь персонажей также была разделена на группы – первостепенных (Карамазовых) и второстепенных (остальных).

I Центральные персонажи романа

Фёдор Павлович Карамазов

1. Фёдор Павлович... прельстился лишь замечательною красотой невинной девочки и, главное, её невинным видом, поразившим его, сладострастника и доселе порочного любителя лишь грубой женской красоты. «Меня эти невинные глазки как бритвой

тогда по **душе** полоснули», — говаривал он потом, гадко по-своему хихикая. [ФП]

2. ...бывали высшие случаи, и даже очень тонкие и сложные, когда Федор Павлович и сам бы не в состоянии, пожалуй, был определить ту необычайную потребность в верном и близком человеке, которую он моментально и непостижимо вдруг иногда начинал ощущать в себе. Это были почти болезненные случаи: развратнейший и в сладострастии своём часто жестокий, как злое насекомое, Федор Павлович вдруг ощущал в себе иной раз, пьяными минутами, духовный страх и нравственное сотрясение, почти, так сказать, даже физически отзывавшееся в **душе** его. «**Душа** у меня точно в горле трепещется в эти разы», — говаривал он иногда. Вот в эти-то мгновения он и любил, чтобы подле, поблизости, пожалуй хоть и не в той комнате, а во флигеле, был такой человек, преданный, твердый, совсем не такой, как он, не развратный, который хотя бы все это совершающееся беспутство и видел и знал все тайны, но всё же из преданности допускал бы это всё, не противился, главное — не упрекал и ничем бы не грозил, ни в сём веке, ни в будущем; а в случае нужды так бы и защитил его, — от кого? От кого-то неизвестного, но страшного и опасного. [автор + ФП]

3. ...Вот прочти эту», — и Федор Павлович вынул ему «Вечера на хуторе близ Диканьки».

Малый прочел, но остался недоволен, ни разу не усмехнулся, напротив, кончил нахмурившись.

– Что ж? Не смешно? – спросил Федор Павлович.

Смердяков молчал.

– Отвечай, дурак.

– Про неправду всё написано, – ухмыляясь, прошамкал Смердяков.

– Ну и убирайся к черту, лакейская ты **душа**. Стой, вот тебе «Всеобщая история» Смарагдова, тут уж всё правда, читай. [ФП]

4. — Я тебя просил Христом-богом в Чермашню съездить... на день, на два, а ты не едешь.

— Завтра поеду, коли вы так настаиваете. — Не поедешь. Тебе подсматривать здесь за мной хочется, вот тебе чего хочется, злая **душа**, оттого ты и не поедешь? Старик не унимался. Он дошел до той чёрточки пьянства, когда иным пьяным, дотоле смирным, непременно вдруг захочется разозлиться и себя показать. [ФП Ивану]

5. Все подлецы! Да я Ивана не признаю совсем. Откуда такой появился? Не наша совсем **душа**. И точно я ему что оставляю? Да я и завещания-то не оставляю, было бы это вам известно. А Митьку я раздавлю, как таракана. [ФП]

Дмитрий Фёдорович Карамазов

1. Дмитрий Фёдорович страшно нахмурился и с невыразимым презрением поглядел на отца. — Я думал... я думал, — как-то тихо и сдержанно проговорил он, — что приеду на родину с ангелом **души** моей, невестою моей, чтобы лелеять его старость, а вижу лишь развратного сладострастника и подлейшего комедианта! [Дмитрий]

2. — К ней и к отцу! Ух! Совпадение! Да ведь я тебя для чего же и звал-то, для чего и желал, для чего алкал и жаждал всеми изгибами **души** и даже ребрами? Чтобы послать тебя именно к отцу от меня, а потом и к ней, к Катерине Ивановне, да тем и покончить и с ней, и с отцом. Послать ангела. Я мог бы послать всякого, но мне надо было послать ангела. [Дмитрий Алёше]

3. — Лёша, — сказал Митя, — ты один не засмеешься! Я хотел бы начать... мою исповедь... гимном к радости Шиллера. An die Freude! [10 - К радости! (нем.)] Но я по-немецки не знаю, знаю только, что an die Freude. Не думай тоже, что я спьяну болтаю. Я совсем не спьяну. Коньяк есть коньяк, но мне нужно две бутылки, чтоб опьянеть, — И Силен румянорожий

На споткнувшемся осле, —

а я и четверти бутылки не выпил и не Силен. Не Силен, а силён, потому что решение навеки взял. Ты каламбур мне прости, ты многое мне сегодня должен простить, не то что каламбур. Не беспокойся, я не размазываю, я дело говорю и к делу вмиг приду. Не стану жидом из души тянуть. [Митя]

4. Рыдания вырвались вдруг из груди Мити. Он схватил Алешу за руку.

— Друг, друг, в унижении, в унижении и теперь. Страшно много человеку на земле терпеть, страшно много ему бед! Не думай, что я всего только хам в офицерском чине, который пьёт коньяк и развратничает. Я, брат, почти только об этом и думаю, об этом униженном человеке, если только не вру. Дай Бог мне теперь не врать и себя не хвалить. Потому мыслю об этом человеке, что я сам такой человек.

Чтоб из низости **душою**

Мог подняться человек,

С древней матерью-землею

Он вступи в союз навек.

Но только вот в чем дело: как я вступлю в союз с землею навек? Я не целую землю, не взрезаю ей грудь; что ж мне мужиком сделаться аль пастушком? Я иду и не знаю: в вонь ли я попал и позор или в свет и радость. Вот ведь где беда, ибо всё на свете загадка! И когда мне случалось погружаться в самый, в самый глубокий позор разврата (а мне только это и случалось), то я всегда это стихотворение о Церере и о человеке читал. Исправляло оно меня? Никогда! Потому что я Карамазов. Потому что если уж полечу в бездну, то так-таки прямо, головой вниз и вверх пятаями, и даже доволен, что именно в унижительном таком положении падаю и считаю это для себя красотой. И вот в самом-то этом позоре я вдруг начинаю гимн. Пусть я проклят, пусть я низок и подл, но пусть и я целую край той ризы, в которую облакается Бог мой; пусть я иду в то же самое время вслед за чёртом, но я все-таки и твой сын, Господи, и люблю тебя, и ощущаю радость, без которой нельзя миру стоять и быть.

Душу Божьего творенья

Радость вечная поит,

Тайной силою броженья

Кубок жизни пламенит;

Травку выманила к свету,

В солнцы хаос развила

И в пространствах, звездочёту

Неподвластных, разлила.

У груди благой природы

Всё, что дышит, радость пьет;

Все созданыя, все народы

За собой она влечет;

Нам друзей дала в несчастье,

Гроздий сок, венки харит,

Насекомым – сладострастье...

Ангел – Богу предстоит.

Но довольно стихов! Я пролил слезы, и ты дай мне поплакать. Пусть это будет глупость, над которою все будут смеяться, но ты нет. Вот и у тебя глазенки горят. Довольно стихов. Я тебе хочу сказать теперь о «насекомых», вот о тех, которых Бог одарил сладострастьем:

Насекомым – сладострастье!

Я, брат, это самое насекомое и есть, и это обо мне специально и сказано. И мы все, Карамазовы, такие же, и в тебе, ангеле, это насекомое живет и в крови твоей бури родит. Это – бури, потому что сладострастье буря, больше бури! Красота – это страшная и ужасная вещь! Страшная, потому что неопределимая, а определить нельзя потому, что Бог задал одни загадки. Тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут. Я, брат, очень необразован, но я много об этом думал. Страшно много тайн! Слишком много загадок угнетают на земле человека. Разгадывай как знаешь и вылезай сух из воды. Красота! Перенести я притом не могу, что иной, высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом содомским. Ещё страшнее, кто уже с идеалом содомским в **душе** не отрицает и идеала Мадонны, и горит от него сердце его и воистину, воистину горит, как и в юные беспорочные годы. Нет, широк человек,

слишком даже широк, я бы сузил. Чёрт знает что такое даже, вот что! Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой. В содоме ли красота? Верь, что в содоме-то она и сидит для огромного большинства людей, — знал ты эту тайну иль нет? Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей. А впрочем, что у кого болит, тот о том и говорит. Слушай, теперь к самому делу.

Я там кутил. Давеча отец говорил, что я по несколько тысяч платил за обольщение девиц. Это свинский фантом, и никогда того не бывало, а что было, то собственно на «это» денег не требовало. У меня деньги — аксессуар, жар души, обстановка. Ныне вот она моя дама, завтра на её месте уличная девчоночка. [Дмитрий]

5. Ты краснеешь, у тебя глаза сверкнули. Довольно с тебя этой грязи. И всё это ещё только так, цветочки польдекоковские, хотя жестокое насекомое уже росло, уже разрасталось в душе. Тут, брат, целый альбом воспоминаний. [Дмитрий]

6. Ведь красавица. Да не тем она красива тогда была. Красива была она тем в ту минуту, что она благородная, а я подлец, что она в величии своего великодушия и жертвы своей за отца, а я клоп. И вот от меня, клопа и подлеца, она вся зависит, вся кругом, и с душой и с телом. Очернена. [Дмитрий]

7. — Она свою добродетель любит, а не меня, — невольно, но почти злобно вырвалось вдруг у Дмитрия Фёдоровича. Он засмеялся, но через секунду глаза его сверкнули, он весь покраснел и с силой ударил кулаком по столу. — Клянусь, Алёша, — воскликнул он со страшным и искренним гневом на себя, — верь не верь, но вот как бог свят, и что Христос есть господь, клянусь, что я хоть и усмехнулся сейчас её высшим чувствам, но знаю, что я в миллион раз ничтожнее

душой, чем она, и что лучшие чувства её — искренни, как у небесного ангела! Но ведь нравственно-то должен он мне, так или не так? Ведь он с материных двадцати восьми тысяч пошел и сто тысяч нажил. Пусть он мне даст только три тысячи из двадцати восьми, только три, и **душу** мою из ада извлечёт, и зачтется это ему за многие грехи!
[Дмитрий]

8. И так я тебя полюбил, так в эту минуту любил, что подумал: брошусь сейчас к нему на шею! Да глупая мысль пришла: «Повеселю его, испугаю». Я и закричал как дурак: «Кошелёк!» Прости дурачеству — это только вздор, а на **душе** у меня... тоже прилично... Ну да чёрт, говори, однако, что там? Что она сказала? Дави меня, рази меня, не щади! [Дмитрий]

9. Порядку во мне нет, высшего порядка... Но... все это закончено, горевать нечего. Поздно, и к чёрту! Вся жизнь моя была беспорядок, и надо положить порядок. Каламбурю, а?

– Бредишь, а не каламбуришь.

– Слава Высшему на свете,

Слава Высшему во мне!

Этот стишок у меня из **души** вырвался когда-то, не стих, а слеза... сам сочинил... [Митя]

10. — Правда это, батюшка Дмитрий Фёдорович, это вы правы, что не надо человека давить, тоже и мучить, равно как и всякую тварь, потому всякая тварь — она тварь созданная, вот хоть бы лошадь, потому другой ломит зря, хоша бы и наш ямщик... И удержу ему нет, так он и прёт, прямо тебе так и прёт. — Во ад? — перебил вдруг Митя и захохотал своим неожиданным коротким смехом, — Андрей, простая **душа**, — схватил он опять его крепко за плечи, — говори:

попадёт Дмитрий Фёдорович Карамазов во ад али нет, как по-твоему?
[Митя]

11. — А ты, ты простишь меня, Андрей? — Мне что же вас прощать, вы мне ничего не сделали. — Нет, за всех, за всех ты один, вот теперь, сейчас, здесь, на дороге, простишь меня за всех? Говори, **душа** простолюдина! — Ох, сударь! Боязно вас и везти-то, странный какой-то ваш разговор... [Митя]

12. Мерзок сам, а люблю тебя: во ад пошлешь, и там любить буду и оттуда буду кричать, что люблю тебя вовеки веков... Но дай и мне долюбить... здесь, теперь долюбить, всего пять часов до горячего луча твоего... Ибо люблю царицу **души** моей. Люблю и не могу не любить. [Митя]

13. — Хорошо, сам решу. В карты играют? — Играли, да перестали, чай отпили, наливки чиновник потребовал. — Стой, Трифон Борисыч, стой, **душа**, сам решу. [Митя]

14. — Выпить не хочешь ли?

— Я тут ликерцу-с... А шоколатных конфеточек у вас нет-с? — Да вот на столе целый воз, выбирай любую, голубиная ты **душа**! — Нет-с, я такую-с, чтобы с ванилью... для старичков-с... Хи-хи! — Нет, брат, таких особенных нет. [Митя Максимову]

15. Он [Митя] выпил ещё стакан и — странно это ему показалось самому — только от этого последнего стакана и охмелел, вдруг охмелел, а до тех пор всё был трезв, сам помнил это. С этой минуты всё завертелось кругом него, как в бреду. Он ходил, смеялся, заговаривал со всеми, и всё это как бы уж не помня себя. Одно лишь неподвижное и жгучее чувство сказывалось в нём поминутно, «точно

горячий уголь в **душе**», — вспоминал он потом. Он подходил к ней, садился подле неё, глядел на неё, слушал её... [автор]

16. Сама послала меня сюда сказать тебе, чтоб ты за неё был спокоен, да и надо, голубчик, надо, чтоб я пошел и сказал ей, что ты спокоен и за неё утешен. Итак, успокойся, пойми ты это. Я пред ней виноват, она христианская **душа**, да, господа, это кроткая **душа** и ни в чем неповинная. Так как же ей сказать, Дмитрий Фёдорович, будешь сидеть спокоен аль нет?

Добряк наговорил много лишнего, но горе Грушеньки, горе человеческое, проникло в его добрую **душу**, и даже слезы стояли в глазах его. Митя вскочил и бросился к нему. — Простите, господа, позвольте, о, позвольте! — вскричал он, — ангельская, ангельская вы **душа**, Михаил Макарович, благодарю за неё! Буду, буду спокоен, весел буду, передайте ей по безмерной доброте **души** вашей, что я весел, смеяться даже начну сейчас, зная, что с ней такой ангел-хранитель, как вы. Сейчас всё покончу и только что освобожусь, сейчас и к ней, она увидит, пусть ждет! Господа, — оборотился он вдруг к прокурору и следователю, — теперь всю вам **душу** мою открою, всю изолью, мы это мигом покончим, весело покончим — под конец ведь будем же смеяться, будем? Но, господа, эта женщина — царица **души** моей! [Михаил Макарович + автор + Митя]

17. К делу, господа, к делу, и, главное, не ройтесь вы так в **душе** моей, не терзайте её пустяками, а спрашивайте одно только дело и факты, и я вас сейчас же удовлетворю. [Митя]

18. — Мы, однако, так и начали с вами первоначально, — отозвался, всё продолжая смеяться, Николай Парфенович, — что не стали сбивать вас вопросами: как вы встали поутру и что скушали, а начали даже со слишком существенного. — Понимаю, понял и оценил,

и еще более ценю настоящую вашу доброту со мной, беспримерную, достойную благороднейших душ. [Митя]

19. — Запиши сейчас... сейчас... «что схватил с собой пестик, чтобы бежать убить отца моего... Федора Павловича... ударом по голове!» Ну, довольны ли вы теперь, господа? Отвели душу? — проговорил он, уставясь с вызовом на следователя и прокурора. [Митя]

20. — Вы напрасно взяли такое сравнение... — начал было чрезвычайно мягко Николай Парфенович. — Не напрасно, господа, не напрасно! — вскипел опять Митя, хотя и, видимо облегчив душу выходкой внезапного гнева, начал уже опять добреть с каждым словом. — Вы можете не верить преступнику или подсудимому, истязуемому вашими вопросами, но благороднейшему человеку, господа, благороднейшим порывам души (смело это кричу!) — нет! этому вам нельзя не верить... права даже не имеете... [Митя]

21. Митя уткнулся глазами в пол. — Шутки в сторону, — проговорил он мрачно, — слушайте: с самого начала, вот почти ещё тогда, когда я выбежал к вам давеча из-за этой занавески, у меня мелькнула уж эта мысль: «Смердяков!» Здесь я сидел за столом и кричал, что не повинен в крови, а сам всё думаю: «Смердяков!» И не отставал Смердяков от души. Наконец теперь подумал вдруг то же: «Смердяков», но лишь на секунду: тотчас же рядом подумал: «Нет, не Смердяков!» Не его это дело, господа! [Митя]

22. Что вы это, господа, записывать хотите? — Да, мы запишем, — пролепетал Николай Парфенович. — Вам бы не следовало это записывать, про «позор» -то. Это я вам по доброте только души показал, а мог и не показывать, я вам, так сказать, подарил, а вы сейчас лыко в строку. [Митя]

23. Чёрт... Господа, вы огадили мою **душу**! Неужели вы думаете, что я стал бы скрывать от вас, если бы в самом деле убил отца, вилять, лгать и прятаться? [Митя]

24. Видите: месяц назад призывает меня Катерина Ивановна Верховцева, бывшая невеста моя... Знаете вы её?

— Как же-с, помилуйте.

— Знаю, что знаете. Благороднейшая **душа**, благороднейшая из благородных, но меня ненавидевшая давно уже, о, давно, давно... и заслуженно, заслуженно ненавидевшая! [Митя]

25. Да знаете ли вы, что она [Катерина Ивановна] могла бы мне дать эти деньги, да и дала бы, наверно дала бы, из отмщения мне дала бы, из наслаждения мщением, из презрения ко мне дала бы, потому что это тоже inferнальная **душа** и великого гнева женщина! [Митя]

26. Я сделал вам страшное признание, — мрачно заключил он. — Оцените же его, господа. Да мало того, мало оценить, не оцените, цените его, а если нет, если и это пройдет мимо ваших **душ**, то тогда уже вы прямо не уважаете меня, господа, вот что я вам говорю, и я умру от стыда, что признался таким, как вы! [Митя]

27. — Да вот что вы сейчас сказали, — в удивлении смотрел на него Николай Парфенович, — то есть что вы до самого последнего часа всё еще располагали идти к госпоже Верховцевой просить у неё эту сумму... Уверяю вас, что это очень важно для нас показание, Дмитрий Фёдорович, то есть про весь этот случай... и особенно для вас, особенно для вас важное. — Помилосердитесь, господа, — всплеснул руками Митя, — хоть этого-то не пишите, постыдитесь! Ведь я, так сказать, **душу** мою разорвал пополам пред вами, а вы

воспользовались и роетесь пальцами по разорванному месту в обеих половинах... О боже! [Митя]

28. Господа, благодарю вас, я ведь так и знал, что вы всё-таки же честные и справедливые люди, несмотря ни на что. Вы сняли бремя с души... [Митя]

29. — Как он теперь сказал, тому и верьте! Знаю его: сболтнет, али для смеху, али с упрямства, но если против совести, то никогда не обманет. Прямо правду скажет, тому верьте! — Спасибо, Аграфена Александровна, поддержала душу! —дрожащим голосом отозвался Митя. [Митя]

30. — Кто это мне под голову подушку принес? Кто был такой добрый человек! — воскликнул он с каким-то восторженным, благородным чувством и плачущим каким-то голосом, будто и бог знает какое благодеяние оказали ему. Добрый человек так потом и остался в неизвестности, кто-нибудь из понятых, а может быть, и писарёк Николая Парфеновича распорядились подложить ему подушку из сострадания, но вся душа его как бы сотряслась от слёз. [Митя]

31. Считает, что я... подлец. Шутки тоже не понимают — вот что в них главное. Никогда не поймут шутки. Да и сухо у них в душе, плоско и сухо, точно как я тогда к острогу подъезжал и на острожные стены смотрел. [Митя про ММ]

32. В сущности... если всё целое взять — бога жалко, вот отчего! — Как бога жалко? — Вообрази себе: это там в нервах, в голове, то есть там в мозгу эти нервы (ну чёрт их возьми!)... есть такие этакие хвостики, у нервов этих хвостики, ну, и как только они там задрожат... то есть видишь, я посмотрю на что-нибудь глазами, вот так, и они задрожат, хвостики-то... а как задрожат, то и является

образ, и не сейчас является, а там какое-то мгновение, секунда такая пройдет, и является такой будто бы момент, то есть не момент, — чёрт его дери момент — а образ, то есть предмет али происшествие, ну там чёрт дери — вот почему я и созерцаю, а потому мыслю... потому что хвостики, а вовсе не потому, что у меня **душа** и что там какой-то образ и подобие, всё это глупости. Это, брат, мне Михаил ещё вчера объяснял, и меня точно обожгло. Великолепна, Алёша, эта наука! Новый человек пойдет, это-то я понимаю... [Митя Алёше]

33. Оттого и жаждал тебя. Видишь, я давно хотел тебе многое здесь, в этих облезлых стенах выразить, но молчал о главнейшем: время как будто всё ещё не приходило. Дождался теперь последнего срока, чтобы тебе **душу** вылить. Брат, я в себе в эти два последние месяца нового человека ощутил, воскрес во мне новый человек! [Митя Алёше]

34. Можно найти и там, в рудниках, под землею, рядом с собой, в таком же каторжном и убийце человеческое сердце и сойтись с ним, потому что и там можно жить, и любить, и страдать! Можно возродить и воскресить в этом каторжном человеке замершее сердце, можно ухаживать за ним годы и выбить наконец из вертепа на свет уже **душу** высокую, страдальческое сознание, возродить ангела, воскресить героя! [Митя Алёше]

35. И томит она меня, любовью томит. Что прежде! Прежде меня только изгибы inferнальные томили, а теперь я всю её **душу** принял и через неё сам человеком стал! [Митя Алёше о Грушеньке]

36. А докторам не верьте, я в полном уме, только **душе** моей тяжело. Коли пощадите, коль отпустите — помолюсь за вас. Лучшим стану, слово даю, перед Богом его даю. А коль осудите — сам сломаю над головой моей шпагу, а сломав, поцелую обломки! Но пощадите, не

лишите меня Бога моего, знаю себя: возропщу! Тяжело **душе** моей, господа... пощадите! [Митя]

37. Значит, я Алёшку моего иезуитом поймал! Расцеловать тебя всего надо за это, вот что! Ну, слушай же теперь и остальное, разверну тебе и остальную половину **души** моей. [Митя]

38. Ненавижу я эту Америку уж теперь! И хоть будь они там все до единого машинисты необъятные какие али что – чёрт с ними, не мои они люди, не моей **души**! [Митя]

Иван Фёдорович Карамазов

1. А слышал давеча его [Ивана] глупую теорию: «Нет бессмертия **души**, так нет и добродетели, значит, всё позволено». (А братец-то Митенька, кстати, помнишь, как крикнул: «Запомню!») Соблазнительная теория подлецам... Я ругаюсь, это глупо... не подлецам, а школьным фанфаронам с «неразрешимой глубиной мысли»[Ракитин Алёше об Иване]

2. Ну вот живёт генерал в своем поместье в две тысячи **душ**, чванится, третирует мелких соседей как приживальщиков и шутов своих. [Иван Алёше]

3. Они вытерпели крест твой, они вытерпели десятки лет голодной и нагой пустыни, питаясь акридами и кореньями, — и уж, конечно, ты можешь с гордостью указать на этих детей свободы, свободной любви, свободной и великолепной жертвы их во имя твоё. Но вспомни, что их было всего только несколько тысяч, да и то богов, а остальные? И чем виноваты остальные слабые люди, что не могли вытерпеть того, что могучие? Чем виновата слабая **душа**, что не в силах вместить столь страшных даров? Да неужто же и впрямь

приходил ты лишь к избранным и для избранных? Но если так, то тут тайна и нам не понять её. [Иван (Христу) Алёше]

4. И все-таки в эту минуту, хотя тоска нового и неведомого действительно была в **душе** его, мучило его вовсе не то. «Уж не отвращение ли к родительскому дому? — подумал он про себя. — Похоже на то, до того опротивел, и хоть сегодня я в последний раз войду за этот скверный порог, а всё-таки противно...» [Иван]

5. — Она теперь всю ночь молить Божию Матерь будет, чтоб указала ей, как завтра на суде поступить, — резко и злобно заговорил он вдруг опять.

— Ты... ты об Катерине Ивановне?

— Да. Спасительницей или губительницей Митеньки ей явиться? О том молить будет, чтоб озарило её **душу**. [Иван Алёше]

6. — То же самое и в больнице, говоря с вами, разумел, а только полагал, что вы и без лишних слов поймёте и прямого разговора не желаете сами, как самый умный человек-с. — Ишь ведь! Но отвечай, отвечай, я настаиваю: с чего именно, чем именно я мог вселить тогда в твою подлую **душу** такое низкое для меня подозрение? — Чтоб убить — это вы сами ни за что не могли-с, да и не хотели, а чтобы хотеть, чтобы другой кто убил, это вы хотели. [Иван Смердякову]

7. Тут, кроме главной причины, побудившей его к такому шагу, виновата была и некоторая незаживавшая в сердце его царапина от одного словечка Смердякова, что будто бы ему, Ивану, выгодно, чтоб обвинили брата, ибо сумма по наследству от отца возвысится тогда для него с Алёшей с сорока до шестидесяти тысяч. Он решил пожертвовать тридцатью тысячами с одной стороны, чтоб устроить

побег Мити. Возвращаясь тогда от него, он был страшно грустен и смущён: ему вдруг начало чувствоваться, что он хочет побега не для того только, чтобы пожертвовать на это тридцать тысяч и заживить царапину, а и почему-то другому. «Потому ли, что в **душе** и я такой же убийца?» — спросил было он себя. Что-то отдаленное, но жгучее язвило его **душу**. Главное же, во весь этот месяц страшно страдала его гордость, но об этом потом... [Иван] [автор]

8. — Нет, я никогда не был таким лакеем! Почему же **душа** моя могла породить такого лакея, как ты? [Иван воображаемому собеседнику]

Алексей Фёдорович Карамазов

1. Эх, Миша, **душа** его бурная. Ум его в плену. В нём мысль великая и неразрешенная. Он из тех, которым не надобно миллионов, а надобно мысль разрешить. [Алёша Ракитину об Иване]

2. — Кошелёк или жизнь!

— Так это ты, Митя! — удивился сильно вздрогнувший, однако, Алёша.

— Ха-ха-ха! Ты не ожидал? Я думаю: где тебя подождать? У её дома? Оттуда три дороги, и я могу тебя прозевать. Надумал наконец дожждаться здесь, потому что здесь-то он пройдет непременно, другого пути в монастырь не имеется. Ну, объявляй правду, дави меня, как таракана... Да что с тобой?

— Ничего, брат... я так с испугу. Ах, Дмитрий! Давеча эта кровь отца... — Алёша заплакал, ему давно хотелось заплакать, теперь у него вдруг как бы что-то порвалось **в душе**. — Ты чуть не убил его... проклял его... и вот теперь... сейчас... ты шутишь шутки... «кошелёк или жизнь»! [ДФ и АФ]

3. Она именно поручила мне уговорить вас принять от неё вот эти двести рублей как от сестры. Никто-то об этом не узнает, никаких несправедливых сплетен не может произойти... вот эти двести рублей, и, клянусь, вы должны принять их, иначе... иначе, стало быть, все должны быть врагами друг другу на свете! Но ведь есть же на свете братья... У вас благородная **душа**...вы должны это понять, должны!.. [Алёша]

4. И чуть только излил **душу**, вот вдруг ему стыдно стало за то, что он так всю **душу** мне показал. Вот он меня сейчас и возненавидел. А он из ужасно стыдливых бедных. [Алёша]

5. Я не знаю, как вы, Lise, но я считаю про себя, что у меня во многом мелкая **душа**. А у него и не мелкая, напротив, очень деликатная... Нет, Lise, нет тут никакого презрения к нему! [Алёша]

6. И кто меня, кроме вас, возьмет? Я уж это обдумывал. Во-первых, вы меня с детства знаете, во-вторых, в вас очень много способностей, каких во мне совсем нет. У вас **душа** веселее, чем у меня; вы, главное, невиннее меня, а уж я до многого, до многого прикоснулся... Ах, вы не знаете, ведь я Карамазов! Что в том, что вы смеетесь и шутите, и надо мной тоже; напротив, смейтесь, я так этому рад... [Алёша Лизе]

7. Но вы смеетесь как маленькая девочка, а про себя думаете как мученица... — Как мученица? Как это? — Да, Lise, вот давеча ваш вопрос: нет ли в нас презрения к этому несчастному, что мы так **душу** его анатомируем, — этот вопрос мученический... Видите, я никак не умею это выразить, но у кого такие вопросы являются, тот сам способен страдать. [Алёша]

8. — Есть такая сила, что всё выдержит! — с холодной уже усмешкою проговорил Иван.

– Какая сила?

– Карамазовская... сила низости карамазовской.

– Это потонуть в разврате, задавить **душу** в растлении, да, да?

[Иван и Алёша]

9. Я потерял такое сокровище, какого ты никогда не имел, и ты теперь не можешь судить меня. Посмотри лучше сюда на неё: видел, как она меня пощадила? Я шёл сюда злую **душу** найти — так влекло меня самого к тому, потому что я был подл и зол, а нашёл сестру искреннюю, нашёл сокровище — **душу** любящую... Она сейчас пощадила меня... Аграфена Александровна, я про тебя говорю. Ты мою **душу** сейчас восстановила. У Алёши затряслись губы и стеснилось дыхание. [Алёша Ракитину и Грушеньке]

10. Молчи, Ракитка, не тебе меня судить, не тебе говорила. Я теперь до вашего прихода лежала здесь, ждала, думала, судьбу мою всю разрешала, и никогда вам не узнать, что у меня в сердце было. Нет, Алёша, скажи своей барышне, чтоб она за третьеводнишнее не сердилась!.. И не знает никто во всем свете, каково мне теперь, да и не может знать... Потому я, может быть, сегодня туда с собой нож возьму, я еще того не решила...

И, вымолвив это «жалкое» слово, Грушенька вдруг не выдержала, не dokonчила, закрыла лицо руками, бросилась на диван в подушки и зарыдала как малое дитя. Алёша встал с места и подошел к Ракитину.

– Миша, – проговорил он, – не сердись. Ты обижен ею, но не сердись. Слышал ты её сейчас? Нельзя с **души** человека столько спрашивать, надо быть милосерднее... [Алёша]

11. Слышал ли ты от неё прежде то, что она рассказала теперь? Нет, не слышал; если бы слышал, то давно бы всё понял... и другая, обиженная третьего дня, и та пусть простит её! И простит, коль узнает... и узнает... Эта **душа** еще не примирённая, надо щадить её...

в **душе** этой может быть сокровище... Алёша замолк, потому что ему пересекло дыхание. Ракитин, несмотря на всю свою злость, глядел с удивлением. Никогда не ожидал он от тихого Алёши такой тирады. [Алёша]

12. Нет, она не взяла ножа, не взяла ножа... Это было только «жалкое» слово... Ну... жалкие слова надо прощать, непременно. Жалкие слова тешат **душу**... без них горе было бы слишком тяжело у людей. [Алёша]

13. И никогда, никогда не мог забыть Алёша во всю жизнь свою потом этой минуты. «Кто-то посетил мою **душу** в тот час» [Алёша]

14. А игра в войну у молодых людей, в рекреационное время, или там в разбойники — это ведь тоже зарождающееся искусство, зарождающаяся потребность искусства в юной **душе**, и эти игры иногда даже сочиняются складнее, чем представления на театре, только в том разница, что в театр ездят смотреть актеров, а тут молодежь сами актеры. [Алёша]

15. — Брат, — дрожащим голосом начал опять Алёша, — я сказал тебе всё это потому, что ты моему слову поверишь, я знаю это. Я тебе на всю жизнь слово сказал: не ты! Слышишь, на всю жизнь. И это бог положил мне на **душу** тебе это сказать, хотя бы ты с сего часа навсегда возненавидел меня... [Алёша Ивану]

Павел Смердяков

1. Ступайте домой, ложитесь спокойно спать, ничего не опасайтесь. — Не понимаю я тебя... чего мне бояться завтра? — удивленно выговорил Иван, и вдруг в самом деле какой-то испуг холодом пахнул на его **душу**. Смердяков обмерил его глазами. — Не

по-ни-маете? — протянул он укоризненно. — Умны вы очень-с. Деньги любите, это я знаю-с, почёт тоже любите, потому что очень горды, прелесть женскую чрезмерно любите, а пуще всего в покойном довольстве жить и чтобы никому не кланяться — это пуще всего-с. Не захотите вы жизнь навеки испортить, такой стыд на суде приняв. Вы как Фёдор Павлович, наиболее-с, изо всех детей наиболее на него похожи вышли, с одною с ними **душой**-с. [Смердяков Ивану +Автор]

II Речь рассказчика

1. Имел он [двоюродный брат покойной Аделаиды Ивановны, Пётр Александрович Миусов] состояние независимое, по прежней пропорции около тысячи **душ**.

2. Прежде всего объявляю, что этот юноша, Алёша, был вовсе не фанатик и, по-моему, по крайней мере, даже не мистик вовсе. Заранее скажу моё полное мнение: был он просто ранний человеколюбец, и если ударился на монастырскую дорогу, то только потому, что в то время она поразила его и представила ему, так сказать, идеал исхода рвавшейся из мрака мирской злобы к свету любви **души** его. И поразила-то его эта дорога лишь потому, что на ней он встретил тогда необыкновенное, по его мнению, существо — нашего знаменитого монастырского старца Зосиму, и к которому привязался всею горячею первою любовью своего неуголимого сердца. [слова автора]

3. Чистые в **душе** и сердце мальчики, почти ещё дети, очень часто любят говорить в классах между собою и даже вслух про такие вещи, картины и образы, о которых не всегда заговорят даже и солдаты, мало того, солдаты-то многого не знают и не понимают из того, что уже знакомо в этом роде столь юным ещё детям нашего интеллигентного и высшего общества. [слова автора]

4. Вскоре обнаружилось, что он [Алёша] разыскивает могилу своей матери. Он даже сам признался было тогда, что затем только и приехал. Но вряд ли этим исчерпывалась вся причина его приезда. Всего вероятнее, что он тогда и сам не знал и не смог бы ни за что объяснить: что именно такое как бы поднялось вдруг из его души и неотразимо повлекло его на какую-то новую, неведомую, но неизбежную уже дорогу. [слова автора]

5. Приезд Алёши как бы подействовал на него [Фёдора Павловича] даже с нравственной стороны, как бы что-то проснулось в этом безвременном старике из того, что давно уже заглохло в душе его: «Знаешь ли ты, — стал он часто говорить Алеше, приглядываясь к нему, — что ты на неё похож, на кликушу-то?»

6. Он [Фёдор Павлович] вдруг взял тысячу рублей и свез её в наш монастырь на помин души своей супруги, но не второй, не матери Алёши, не «кликуши», а первой, Аделаиды Ивановны, которая колотила его.

7. ...вступил он [Алёша] на эту дорогу [вера] потому, что в то время она одна поразила его и представила ему разом весь идеал исхода рвавшейся из мрака к свету души его. Прибавьте, что он был юноша отчасти уже нашего последнего времени, то есть честный по природе своей, требующий правды, ищущий её и верующий в неё, а уверовав, требующий немедленного участия в ней всею силой души своей, требующий скорого подвига, с непременным желанием хотя бы всем пожертвовать для этого подвига, даже жизнью.

8. Старец — это берущий вашу душу, вашу волю в свою душу и в свою волю. Избрав старца, вы от своей воли отрешаетесь и отдаете её ему в полное послушание, с полным самоотрешением.

9. ...но вот и недавняя быль: один из наших современных иноков спасался на Афоне, и вдруг старец его повелел ему оставить Афон, который он излюбил как святыню, как тихое пристанище, до глубины души своей, и идти сначала в Иерусалим на поклонение святым местам, а потом обратно в Россию, на север, в Сибирь: «Там тебе место, а не здесь».

10. Старец Зосима был лет шестидесяти пяти, происходил из помещиков, когда-то в самой ранней юности был военным и служил на Кавказе обер-офицером. Без сомнения, он поразил Алешу каким-нибудь особенным свойством души своей.

11. Про старца Зосиму говорили многие, что он, допуская к себе столь многие годы всех приходивших к нему исповедовать сердце своё и жаждавших от него совета и врачебного слова, до того много принял в душу свою откровений, сокрушений, сознаний, что под конец приобрел прозорливость уже столь тонкую, что с первого взгляда на лицо незнакомого, приходившего к нему, мог угадывать: с чем тот пришел, чего тому нужно и даже какого рода мучение терзает его совесть, и удивлял, смущал и почти пугал иногда пришедшего таким знанием тайны его, прежде чем тот молвил слово.

12. Алешу необыкновенно поражало и то, что старец был вовсе не строг; напротив, был всегда почти весел в обхождении. Монахи про него говорили, что он именно привязывается душой к тому, кто грешнее, и, кто всех более грешен, того он всех более и возлюбил.

13. О, он отлично понимал, что для смиренной души русского простолюдина, измученной трудом и горем, а главное, всегдашнею несправедливостью и всегдашним грехом, как своим, так и мировым, нет сильнее потребности и утешения, как обрести святыню или святого, пасть пред ним и поклониться ему...

14. Убеждение же в том, что старец, почивши, доставит необычайную славу монастырю, царило в **душе** Алеши, может быть, даже сильнее, чем у кого бы то ни было в монастыре.

15. Многие из «высших» даже лиц и даже из ученейших, мало того, некоторые из вольнодумных даже лиц, приходившие или по любопытству, или по иному поводу, входя в келью со всеми или получая свидание наедине, ставили себе в первейшую обязанность, все до единого, глубочайшую почтительность и деликатность во все время свидания, тем более что здесь денег не полагалось, а была лишь любовь и милость с одной стороны, а с другой — покаяние и жажда разрешить какой-нибудь трудный вопрос **души** или трудный момент в жизни собственного сердца.

16. ...кроме установленных судов, есть у нас, сверх того, ещё и церковь, которая никогда не теряет общения с преступником, как с милым и всё ещё дорогим сыном своим, а сверх того, есть и сохраняется, хотя бы даже только мысленно, и суд церкви, теперь хотя и не деятельный, но всё же живущий для будущего, хотя бы в мечте, да и преступником самим несомненно, инстинктом **души** его, признаваемый.

17. Миусов умолк. Произнеся последние слова своей тирады, он остался собою совершенно доволен, до того, что и следов недавнего раздражения не осталось в **душе** его. Он вполне искренно любил опять человечество.

18. ...бывали высшие случаи, и даже очень тонкие и сложные, когда Фёдор Павлович и сам бы не в состоянии, пожалуй, был определить ту необычайную потребность в верном и близком человеке, которую он моментально и непостижимо вдруг иногда начинал ощущать в себе. Это были почти болезненные случаи:

развратнейший и в сладострастии своём часто жестокий, как злое насекомое, Фёдор Павлович вдруг ощущал в себе иной раз, пьяными минутами, духовный страх и нравственное сотрясение, почти, так сказать, даже физически отзывавшееся в **душе** его. «**Душа** у меня точно в горле трепещется в эти разы», — говаривал он иногда. Вот в эти-то мгновения он и любил, чтобы подле, поблизости, пожалуй хоть и не в той комнате, а во флигеле, был такой человек, преданный, твердый, совсем не такой, как он, не развратный, который хотя бы все это совершающееся беспутство и видел и знал все тайны, но всё же из преданности допускал бы это всё, не противился, главное — не упрекал и ничем бы не грозил, ни в сём веке, ни в будущем; а в случае нужды так бы и защитил его, — от кого? От кого-то неизвестного, но страшного и опасного. [автор + ФП]

19. Может быть, он [Григорий] склонен был к мистицизму. А тут как нарочно случай появления на свет его шестипалого младенца и смерть его совпали как раз с другим весьма странным, неожиданным и оригинальным случаем, оставившим на **душе** его, как однажды он сам впоследствии выразился, «печать».

20. Алёшу поразило всего более в этом лице его детское, простодушное выражение. Она [Грушенька] глядела как дитя, радовалась чему-то как дитя, она именно подошла к столу, «радуясь» и как бы сейчас чего-то ожидая с самым детским нетерпеливым и доверчивым любопытством. Взгляд её веселил **душу** — Алёша это почувствовал. [слова автора]

21. Он [Алёша] знал тоже, что есть из братии весьма негодующие и на то, что, по обычаю, даже письма от родных, получаемые скитниками, приносились сначала к старцу, чтоб он распечатывал их прежде получателей. Предполагалось, разумеется, что всё это должно совершаться свободно и искренно, от всей **души**,

во имя вольного смирения и спасительного назидания, но на деле, как оказывалось, происходило иногда и весьма неискренно, а, напротив, выделанно и фальшиво.

22. ... перед сном он [Алёша] бросился на колени и долго молился. В горячей молитве своей он не просил бога разъяснить ему смущение его, а лишь жаждал радостного умиления, прежнего умиления, всегда посещавшего его **душу** после хвалы и славы богу, в которых и состояла обыкновенно вся на сон грядущий молитва его. Эта радость, посещавшая его, вела за собой лёгкий и спокойный сон.
[автор]

23. Смятение **души** его вдруг прошло. «Господи, помилуй их всех, давешних, сохрани их, несчастных и бурных, и направь. У тебя пути: ими же веси путями спаси их. Ты любовь, ты всем пошлешь и радость!» – бормотал, крестясь, засыпая безмятежным сном, Алёша.
[автор]

24. – Не имеют ли нужды в тебе? Обещал ли кому вчера на сегодня быти?

– Обещался... отцу... братьям... другим тоже...

– Видишь. Непременно иди. Не печалься. Знай, что не умру без того, чтобы не сказать при тебе последнее моё на земле слово. Тебе скажу это слово, сынок, тебе и завещаю его. Тебе, сынок милый, ибо любишь меня. А теперь пока иди к тем, кому обещал.

Алёша немедленно покорился, хотя и тяжело ему было уходить. Но обещание слышать последнее слово его на земле и, главное, как бы ему, Алёше, завещанное, потрясло его **душу** восторгом. Он заспешил, чтоб, окончив всё в городе, поскорей воротиться.[автор]

25. Неожиданное же и учёное рассуждение его, которое он сейчас выслушал, именно это, а не другое какое-нибудь, свидетельствовало лишь о горячности сердца отца Паисия: он уже спешил как можно скорее вооружить юный ум для борьбы с соблазнами и огородить **душу**, ему завещанную, оградой, какой крепче и сам не мог представить себе. [автор]

26. Алёша почувствовал, однако, что ему уж он [штабс-капитан] доверяет и что будь на его месте другой, то с другим этот человек не стал бы так «разговаривать» и не сообщил бы ему того, что сейчас ему сообщил. Это ободрило Алешу, у которого **душа** дрожала от слёз. — Ах, как бы мне хотелось помириться с вашим мальчиком!» — воскликнул он. — Если б вы это устроили... [автор]

27. На скамейке у ворот сидел и прохлаждался вечерним воздухом лакей Смердяков, и Иван Фёдорович с первого взгляда на него понял, что и в **душе** его сидел лакей Смердяков и что именно этого-то человека и не может вынести его **душа**. Всё вдруг озарилось и стало ясно. Давеча, ещё с рассказа Алеши о его встрече со Смердяковым, что-то мрачное и противное вдруг вонзилось в сердце его и вызвало в нём тотчас же ответную злобу. Потом, за разговором, Смердяков на время позабылся, но однако же, остался в его **душе**, и только что Иван Фёдорович расстался с Алешей и пошёл один к дому, как тотчас же забытое ощущение вдруг быстро стало опять выходить наружу. [автор об Иване]

28. Было уже очень поздно, а Иван Фёдорович всё не спал и соображал. Поздно он лег в эту ночь, часа в два. Но мы не станем передавать всё течение его мыслей, да и не время нам входить в эту **душу**: этой **душе** свой черед. [автор]

29. Мучили его [Ивана] тоже разные странные и почти неожиданные совсем желания, например: уж после полночи ему вдруг настоятельно и нестерпимо захотелось сойти вниз, отпереть дверь, пройти во флигель и избить Смердякова, но спросили бы вы за что, и сам он решительно не сумел бы изложить ни одной причины в точности, кроме той разве, что стал ему этот лакей ненавистен как самый тяжкий обидчик, какого только можно приискать на свете. С другой стороны, не раз охватывала в эту ночь его **душу** какая-то необъяснимая и унижительная робость, от которой он — он это чувствовал — даже как бы терял вдруг физические силы. Голова его болела и кружилась. Что-то ненавистное щемило его **душу**, точно он собирался мстить кому. Ненавидел он даже Алёшу, вспоминая давешний с ним разговор, ненавидел очень минутами и себя. О Катерине Ивановне он почти что и думать забыл и много этому потом удивлялся, тем более что сам твёрдо помнил, как ещё вчера утром, когда он так размашисто похвалился у Катерины Ивановны, что завтра уедет в Москву, в **душе** своей тогда же шепнул про себя: «А ведь вздор, не поедешь, и не так тебе будет легко оторваться, как ты теперь фанфаронишь». Припоминая потом долго спустя эту ночь, Иван Фёдорович с особенным отвращением вспоминал, как он вдруг, бывало, вставал с дивана и тихонько, как бы страшно боясь, чтобы не подглядели за ним, отворял двери, выходил на лестницу и слушал вниз, в нижние комнаты, как шевелился и похаживал там внизу Фёдор Павлович, — слушал подолгу, минут по пяти, со странным каким-то любопытством, затаив дух, и с биением сердца, а для чего он всё это проделывал, для чего слушал — конечно, и сам не знал. Этот «поступок» он всю жизнь свою потом называл «мерзким» и всю жизнь свою считал, глубоко про себя, в тайниках **души** своей, самым подлым поступком изо всей своей жизни. [автор]

30. Тарантас тронулся и помчался. В **душе** путешественника [Ивана] было смутно, но он жадно глядел кругом на поля, на холмы, на деревья, на стаю гусей, пролетающую над ним высоко по ясному небу. И вдруг ему стало так хорошо. [автор]

31. В семь часов вечера Иван Фёдорович вошёл в вагон и полетел в Москву. «Прочь всё прежнее, кончено с прежним миром навеки, и чтобы не было из него ни вести, ни отзыва; в новый мир, в новые места, и без оглядки!» Но вместо восторга на **душу** его сошёл вдруг такой мрак, а в сердце заняла такая скорбь, какой никогда он не ощущал прежде во всю свою жизнь. Он продумал всю ночь; вагон летел, и только на рассвете, уже въезжая в Москву, он вдруг как бы очнулся. — Я подлец! — прошептал он про себя. [автор]

32. Поутру же старец Зосима положительно изрёк ему, отходя ко сну: «Не умру прежде, чем ещё раз не упьюсь беседой с вами, возлюбленные сердца моего, на милые лики ваши погляжу, **душу** мою вам ещё раз изолью». [автор]

33. — Здравствуй, тихий, здравствуй, милый, вот и ты. И знал, что прибудешь. Алёша подошел к нему, склонился пред ним до земли и заплакал. Что-то рвалось из его сердца, **душа** его трепетала, ему хотелось рыдать. [автор]

34. Он вдруг [старец Зосима] почувствовал как бы сильнейшую боль в груди, побледнел и крепко прижал руки к сердцу. Все тогда встали с мест своих и устремились к нему; но он, хоть и страдающий, но всё ещё с улыбкой взирая на них, тихо опустился с кресел на пол и стал на колени, затем склонился лицом ниц к земле, распростер свои руки и, как бы в радостном восторге, целуя землю и молясь (как сам учил), тихо и радостно отдал **душу** богу. [автор]

35. Но его мало слушали, и отец Паисий с беспокойством замечал это, несмотря на то, что даже и сам (если уж всё вспоминать правдиво), хотя и возмущался слишком нетерпеливыми ожиданиями и находил в них легкомыслие и суету, но потаенно, про себя, в глубине души своей, ждал почти того же, чего и сии взволнованные, в чём сам себе не мог не сознаться. [автор]

36. ... мне почти противно вспоминать об этом суетном и соблазнительном событии [старец пропах], в сущности же самом пустом и естественном, и я, конечно, выпустил бы его в рассказе моём вовсе без упоминования, если бы не повлияло оно сильнейшим и известным образом на душу и сердце главного, хотя и будущего героя рассказа моего, Алеши, составив в душе его как бы перелом и переворот, потрясший, но и укрепивший его разум уже окончательно, на всю жизнь и к известной цели. [автор]

37. Это новое объявившееся и мелькнувшее нечто состояло в некотором мучительном впечатлении от неустанно припоминавшегося теперь Алёшей вчерашнего его разговора с братом Иваном. Именно теперь [когда старец пропах]. О, не то чтобы что-нибудь было поколеблено в душе его из основных, стихийных, так сказать, её верований. Бога своего он любил и веровал в него незыблемо, хотя и возроптал было на него внезапно. Но всё же какое-то смутное, но мучительное и злое впечатление от припоминания вчерашнего разговора с братом Иваном вдруг теперь снова зашевелилось в душе его и все более и более просилось выйти на верх её. [автор]

38. Он [Алёша] сидел, боясь шевельнуться, он слышал её слова: «Прикажешь — я соскочу», но не ответил, как будто замер. Но не то в нём было, чего мог бы ждать и что мог бы вообразить в нём теперь, например, хоть Ракитин, плотоядно наблюдавший со своего места. Великое горе души его поглощало все ощущения, какие только

могли зародиться в сердце его, и если только мог бы он в сию минуту дать себе полный отчет, то и сам бы догадался, что он теперь в крепчайшей броне против всякого соблазна и искушения. Тем не менее, несмотря на всю смутную безотчетность его душевного состояния и на всё угнетавшее его горе, он всё же дивился невольно одному новому и странному ощущению, рождавшемуся в его сердце: эта женщина, эта «страшная» женщина не только не пугала его теперь прежним страхом, страхом, зарождавшимся в нём прежде при всякой мечте о женщине, если мелькала таковая в его **душе**, но, напротив, эта женщина, которую он боялся более всех, сидевшая у него на коленях и его обнимавшая, возбуждала в нем вдруг теперь совсем иное, неожиданное и особенное чувство, чувство какого-то необыкновенного, величайшего и чисто сердечнейшего к ней любопытства, и всё это уже безо всякой боязни, без малейшего прежнего ужаса — вот что было главное и что невольно удивляло его.

[автор]

39. — Блудницу на путь истины обратил? Семь бесов изгнал, а? Вот они где, наши чудеса-то давешние, ожидаемые, свершились! — Перестань, Ракитин, — со страданием в **душе** отозвался Алёша. — Это ты теперь за двадцать пять рублей меня давешних «презираешь»? Продай, дескать, истинного друга. Да ведь ты не Христос, а я не Иуда.

[автор]

40. Алёша повернул вправо от двери в угол, стал на колени и начал молиться. **Душа** его была переполнена, но как-то смутно, и ни одно ощущение не выделялось, слишком сказываясь, напротив, одно вытесняло другое в каком-то тихом, ровном коловращении. Но сердцу было сладко, и, странно, Алёша не удивлялся тому. Опять видел он пред собою этот гроб, этого закрытого кругом драгоценного ему

мертвеца, но плачущей, ноющей, мучительной жалости не было в **душе** его, как давеча утром. [Автор]

41. Но и эта мысль о тлетворном духе, казавшаяся ему ещё только давеча столь ужасною и бесславною, не подняла теперь в нём давешней тоски и давешнего негодования. Он тихо начал молиться, но вскоре сам почувствовал, что молится почти машинально. Обрывки мыслей мелькали в **душе** его, загорались, как звездочки, и тут же гасли, сменяясь другими, но зато царило в **душе** что-то целое, твёрдое, утоляющее, и он сознавал это сам. Иногда он пламенно начинал молитву, ему так хотелось благодарить и любить... [автор]

42. «Не бойся его. Страшен величием пред нами, ужасен высотой своею, но милостив бесконечно, нам из любви уподобился и веселится с нами, воду в вино превращает, чтобы не пресекалась радость гостей, новых гостей ждет, новых беспрерывно зовет и уже на веки веков. Вон и вино несут новое, видишь, сосуды несут...» Что-то горело в сердце Алеши, что-то наполнило его вдруг до боли, слёзы восторга рвались из **души** его... Он простер руки, вскрикнул и проснулся. [автор]

43. Он ещё прислушивался, он ждал ещё звуков... но вдруг, круто повернувшись, вышел из кельи. Он не остановился и на крылечке, но быстро сошел вниз. Полная восторгом **душа** его жаждала свободы, места, широты. Над ним широко, необозримо опрокинулся небесный купол, полный тихих сияющих звезд. [автор]

44. Алёша стоял, смотрел и вдруг как подкошенный повергся на землю. Он не знал, для чего обнимал её, он не давал себе отчета, почему ему так неудержимо хотелось целовать её, целовать её всю, но он целовал её плача, рыдая и обливая своими слезами, и иступленно клялся любить её, любить во веки веков. «Облей землю слезами

радости твоя и люби сии слезы твои...» — прозвенело в **душе** его. О чём плакал он? О, он плакал в восторге своём даже и об этих звездах, которые сияли ему из бездны, и «не стыдился испуга сего». Как будто нити ото всех этих бесчисленных миров божиих сошлись разом в **душе** его, и она вся трепетала, «соприкасаясь мирам иным». Простить хотелось ему всех и за всё и просить прощения, о! не себе, а за всех, за всё и за вся, а «за меня и другие просят», — прозвенело опять в **душе** его. Но с каждым мгновением он чувствовал явно и как бы осязательно, как что-то твердое и незыблемое, как этот свод небесный, сходило в **душу** его. Какая-то как бы идея воцарялась в уме его — и уже на всю жизнь и на веки веков. Пал он на землю слабым юношей, а встал твердым на всю жизнь бойцом и сознал и почувствовал это вдруг, в ту же минуту своего восторга. [автор]

45. Затем Грушенька о всех дальнейших сношениях с этим новым соперником Митеньке уже ничего не сообщала. Таким образом и мало-помалу он совсем даже забыл об офицере. Он думал только о том, что что бы там ни вышло и как бы дело ни обернулось, а надвигавшаяся окончательная ошибка его с Фёдором Павловичем слишком близка и должна разрешиться раньше всего другого. Замирая **душой**, он ежеминутно ждал решения Грушеньки и всё верил, что оно произойдет как бы внезапно, по вдохновению. Вдруг она скажет ему: «Возьми меня, я навеки твоя», — и всё кончится: он схватит её и увезет на край света тотчас же. [автор]

46. Где у него на то средства, деньги? У него как раз к этому сроку иссякли все до сих пор не прерывавшиеся в продолжение стольких лет его доходы от подачек Фёдора Павловича. Конечно, у Грушеньки были деньги, но в Мите на этот счет вдруг оказалась страшная гордость: он хотел увезти её сам и начать с ней новую жизнь на свои средства, а не на её; он вообразить даже не мог, что возьмёт у

неё её деньги, и страдал от этой мысли до мучительного отвращения. Не распространяюсь здесь об этом факте, не анализирую его, а лишь отмечаю: таков был склад души его в ту минуту. [автор]

47. Зала эта, в которой ждал Митя, была огромная, угрюмая, убивавшая тоской душу комната, в два света, с хорами, со стенами «под мрамор» и с тремя огромными хрустальными люстрами в чехлах. [автор]

48. «Непременно, непременно сегодня к вечеру вернуться, — повторял он, трясясь в телеге, — а этого Лягавого, пожалуй, и сюда притащить... для совершения этого акта...» — так, замирая душою, мечтал Митя... [автор]

49. Так и порешили. Батюшка отправился на кобылке, обрадованный, что наконец отвязался, но всё же смятенно покачивая головой и раздумывая: не надо ли будет завтра заблаговременно уведомить о сём любопытном случае благодетеля Фёдора Павловича, «а то, неровён час, узнает, осердится и милости прекратит». Сторож, почесавшись, молча отправился в свою избу, а Митя сел на лавку ловить, как он выразился, мгновение. Глубокая тоска облегла, как тяжёлый туман, его душу. Глубокая, страшная тоска! Он сидел, думал, но обдумать ничего не мог. [автор]

50. Никакой мести ни к кому не было в душе его [Мити], даже к Самсонову. Он шагал по узенькой лесной дорожке бессмысленно, потерянно, с «потерянною идеей» и совсем не заботясь о том, куда идёт. Его мог побороть встречный ребёнок, до того он вдруг обессилел душой и телом. [автор]

51. Пока впрягали лошадей, ему [Мите] смастерили яичницу. Он мигом съел её всю, съел весь большой ломоть хлеба, съел нашедшуюся колбасу и выпил три рюмки водки. Подкрепившись, он

ободрился, и в **душе** его опять прояснело. Он летел по дороге, погонял ямщика и вдруг составил новый, и уже «непреложный», план, как достать ещё сегодня же до вечера «эти проклятые деньги». [автор]

52. И если бы только не непрерывная мысль о Грушеньке и о том, не случилось ли с ней чего, то он [Митя] стал бы, может быть, опять совсем весел. Но мысль о ней вонзалась в его **душу** поминутно как острый нож. [автор]

53. Так что не успел он [Митя] ещё добежать к себе на квартиру, как ревность уже опять закопошилась в неугомонном сердце его. Ревность! «Отелло не ревнив, он доверчив», — заметил Пушкин, и уже одно это замечание свидетельствует о необычайной глубине ума нашего великого поэта. У Отелло просто разможжена **душа** и помутилось все мировоззрение его, потому что погиб его идеал. Но Отелло не станет прятаться, шпионить, подглядывать: он доверчив. Напротив, его надо было наводить, наталкивать, разжигать с чрезвычайными усилиями, чтоб он только догадался об измене. Не таков истинный ревнивец. Невозможно даже представить себе всего позора и нравственного падения, с которыми способен ужиться ревнивец безо всяких угрызений совести. И ведь не то чтоб это были все пошлые и грязные **души**. Напротив, с сердцем высоким, с любовью чистою, полною самопожертвования, можно в то же время прятаться под столы, подкупать подлейших людей и уживаться с самою скверною грязью шпионства и подслушивания. Отелло не мог бы ни за что примириться с изменой, — не простить не мог бы, а примириться, — хотя **душа** его незлобива и невинна, как **душа** младенца. Не то с настоящим ревнивцем: трудно представить себе, с чем может ужиться и примириться и что может простить иной ревнивец! [автор]

54. Подойдя к воротам, он постучался, и раздавшийся в тишине ночи стук опять как бы вдруг отрезвил и обозлил его. К тому же никто не откликнулся, все в доме спали. «И тут скандалу наделаю!» – подумал он [Пётр Ильич] с каким-то уже страданием **в душе**, но вместо того, чтоб уйти окончательно, принялся вдруг стучать снова и изо всей уже силы.[автор]

55. Быстрая езда как бы вдруг освежила Митю. Воздух был свежий и холодноватый, на чистом небе сияли крупные звезды. Это была та самая ночь, а может, и тот самый час, когда Алёша, упав на землю, «исступленно клялся любить её во веки веков». Но смутно, очень смутно было в **душе** Мити, и хоть многое терзало теперь его **душу**, но в этот момент всё существо его неотразимо устремилось лишь к ней, к его царице, к которой летел он, чтобы взглянуть на неё в последний раз. [автор]

56. И всё-таки, несмотря на всю принятую решимость, было смутно в **душе** его [Мити], смутно до страдания: не дала и решимость спокойствия. Слишком многое стояло сзади его и мучило. И странно было ему это мгновениями: ведь уж написан был им самим себе приговор пером на бумаге: «казню себя и наказую»; и бумажка лежала тут, в кармане его, приготовленная; ведь уж заряжен пистолет, ведь уж решил же он, как встретит он завтра горячий луч «Феба златокудрого», а между тем с прежним, со всем стоявшим сзади и мучившим его, все-таки нельзя было расчитаться, чувствовал он это до мучения, и мысль о том впивалась в его **душу** отчаянием. [автор]

57. Село Мокрое было в две тысячи **душ**, но в этот час всё оно уже спало, и лишь кое-где из мрака мелькали ещё редкие огоньки. [автор]

58. Прокурор же, то есть товарищ прокурора, но которого у нас все звали прокурором, Ипполит Кириллович, был у нас человек особенный, нестарый, всего лишь лет тридцати пяти, но сильно наклонный к чахотке, при сём женатый на весьма толстой и бездетной даме, самолюбивый и раздражительный, при весьма солидном, однако, уме и даже доброй **душе**. Кажется, вся беда его характера заключалась в том, что думал он о себе несколько выше, чем позволяли его истинные достоинства. И вот почему он постоянно казался беспокойным. Были в нём к тому же некоторые высшие и художественные даже поползновения, например на психологичность, на особенное знание **души** человеческой, на особенный дар познавания преступника и его преступления. [автор]

59. Прибытие же Петра Ильича упредила всего только пятью минутами, так что тот явился уже не с одними своими догадками и заключениями, а как очевидный свидетель, ещё более рассказом своим подтвердивший общую догадку о том, кто преступник (чему, впрочем, он, в глубине **души**, до самой этой последней минуты, всё ещё отказывался верить). [автор]

60. Теперь, после долгого, но, кажется, необходимого объяснения мы возвратились именно к тому моменту нашего рассказа, на котором остановили его в предыдущей книге. Хождение **души** по мытарствам. Мытарство первое. Итак, Митя сидел и диким взглядом озирает присутствующих, не понимая, что ему говорят. Вдруг он поднялся, вскинул вверх руки и громко прокричал:

– Не повинен! В этой крови не повинен! В крови отца моего не повинен... Хотел убить, но не повинен! Не я! [автор]

61. Грушенька плакала, и вот вдруг, когда горе уж слишком подступило к **душе** её, она вскочила, всплеснула руками и, прокричав

громким воплем: «Горе мое, горе!», бросилась вон из комнаты к нему, к своему Мите, и так неожиданно, что её никто не успел остановить. [автор]

62. А затем убил... хватил его в темя и раскроил ему череп... Ведь так, по-вашему, так! — засверкал он вдруг глазами. Весь потухший было гнев его вдруг поднялся в его **душе** с необычайной силой. [автор]

63. Тут он поднял наконец глаза на слушателей. Те, казалось, с совершенно безмятежным вниманием глядели на него. Какая-то судорога негодования прошла в **душе** Мити. — А ведь вы, господа, в эту минуту надо мной насмехаетесь! [автор]

64. И он [Митя] уже никак не мог, как давеча, решиться вновь разоблачать своё сердце и рассказывать про «царицу **души** своей». Ему претило перед этими холодными, «впивающимися в него, как клопы», людьми. [автор]

65. «Совсем курносый, совсем курносый!» – бормотал про себя Коля, когда смотрелся в зеркало, и всегда отходил от зеркала с негодованием. «Да вряд ли и лицо умное?» – подумывал он иногда, даже сомневаясь и в этом. Впрочем, не надо полагать, что забота о лице и о росте поглощала всю его **душу**. Напротив, как ни язвительны были минуты перед зеркалом, но он быстро забывал о них, и даже надолго, «весь отдаваясь идеям и действительной жизни», как определял он сам свою деятельность. [автор]

66. Что же до штабс-капитана, то появление в его квартире детей, приходивших веселить Илюшу, наполнило **душу** его с самого начала восторженною радостью и даже надеждой, что Илюша перестанет теперь тосковать и, может быть, оттого скорее выздоровеет. [автор]

67. Такая степень мнительности Мити, такая степень недоверия его даже к нему, к Алёше, — всё это вдруг раскрыло пред Алешей такую бездну безвыходного горя и отчаяния в **душе** его несчастного брата, какой он вдруг и не подозревал прежде. [автор]

68. Иван Фёдорович встал, весь дрожа от негодования, надел пальто и, не отвечая более Смердякову, даже не глядя на него, быстро вышел из избы. Свежий вечерний воздух освежил его. На небе ярко светила луна. Страшный кошмар мыслей и ощущений кипел в его **душе**. [автор]

69. Какая-то словно радость сошла теперь в его **душу**. Он почувствовал в себе какую-то бесконечную твердость: конец колебаниям его, столь ужасно его мучившим все последнее время! Решение было взято, «и уже не изменится» [автор об Иване]

70. Вообще же надо заметить, что прокурор наш был слишком горяч и болезненно восприимчив. В иное дело он клал всю свою **душу** и вёл его так, как бы от решения его зависела вся его судьба и всё его достояние. [автор]

71. Нет, нет, она не клеветала намеренно, крича, что Митя презирал её за земной поклон! Она сама верила в это, она была глубоко убеждена, с самого, может быть, этого поклона, что простодушный, обожавший её еще тогда Митя смеётся над ней и презирает её. И только из гордости она сама привязалась к нему тогда любовью, истерической, надорванной, из уязвленной гордости, и эта любовь походила не на любовь, а на мщение. О, может быть, эта надорванная любовь и выродилась бы в настоящую, может, Катя ничего и не желала, как этого, но Митя оскорбил её изменой до глубины **души**, и **душа** не простила. [автор]

72. – Уста её [Кати] говорили гордые, а не сердце, – с каким-то омерзением произнесла Грушенька. – Избавит тебя – всё прощу...

Она замолкла, как бы что задавив в **душе**. Она ещё не могла опомниться. [автор]

73. За Херувимской принялся было подпевать, но не закончил и, опустившись на колена, прильнул лбом к каменному церковному полу и пролежал так довольно долго. Наконец приступили к отпеванию, роздали свечи. Обезумевший отец засуетился было опять, но умиленное, потрясающее надгробное пение пробудило и сотрясло его **душу**. Он как-то вдруг весь съежился и начал часто, укороченно рыдать, сначала тая голос, а под конец громко всхлипывая. [автор о Снегирёве]

74. Все молча остановились у большого камня. Алёша посмотрел, и целая картина того, что Снегирев рассказывал когда-то об Илюшечке, как тот, плача и обнимая отца, восклицал: «Папочка, папочка, как он унизил тебя!» – разом представилась его воспоминанию. Что-то как бы сотряслось в его **душе**. [автор]

75. Фу, чёрт, да и впрямь помешались! Ракитин удивлялся на их восторженность и обидчиво злился, хотя и мог бы сообразить, что у обоих как раз сошлось все, что могло потрясти их **души** так, как случается это нечасто в жизни.

III Второстепенные персонажи

Старец Зосима

1. Свет ты наш, правда оно аль неправда, и хорошо ли так будет? — И не думай о сём. Стыдно это и спрашивать. Да и как это возможно, чтобы живую **душу** да ещё родная мать за упокой

поминала! Это великий грех, колдовству подобно, только по незнанию твоему лишь прощается. [Зосима]

2. Постарайтесь любить ваших ближних деятельно и неустанно. По мере того как будете преуспевать в любви, будете убеждаться и в бытии бога, и в бессмертии души вашей. Если же дойти до полного самоотвержения в любви к ближнему, тогда уж несомненно уверуете, и никакое сомнение даже и не возможет зайти в вашу душу. Это испытано, это точно. [Зосима]

3. – Неужели вы действительно такого убеждения о последствиях иссякновения у людей веры в бессмертие души их? – спросил вдруг старец Ивана Фёдоровича.

– Да, я это утверждал. Нет добродетели, если нет бессмертия.

– Блаженны вы, коли так веруете, или уже очень несчастны!

– Почему несчастен? – улыбнулся Иван Фёдорович.

– Потому что, по всей вероятности, не веруете сами ни в бессмертие вашей души, ни даже в то, что написали о церкви и о церковном вопросе.

– Может быть, вы правы!.. Но всё же я и не совсем шутил... – вдруг странно признался, впрочем быстро покраснев, Иван Фёдорович. [старец]

4. Отцы и учителя мои, — умиленно улыбаясь, обратился он к гостям своим, — никогда до сего дня не говорил я, даже и ему, за что был милым душе моей лик сего юноши. Теперь лишь скажу... [старец об Алёше]

5. Да и от самого дурного семейства могут сохраниться воспоминания драгоценные, если только сама **душа** твоя способна искать драгоценное. [Зосима]

6. Повела матушка меня одного (не помню, где был тогда брат) во храм господень, в страстную неделю в понедельник к обедне. День был ясный, и я, вспоминая теперь, точно вижу вновь, как возносился из кадила фимиам и тихо восходил вверх, а сверху в куполе, в узенькое окошечко, так и льются на нас в церковь божьи лучи, и, восходя к ним волнами, как бы таял в них фимиам. Смотрел я умиленно и в первый раз от роду принял я тогда в **душу** первое семя слова божия осмысленно. [Зосима]

7. Кончается жизнь моя, знаю и слышу это, но чувствую каждый оставшийся день мой, как жизнь моя земная соприкасается уже с новою, бесконечною, неведомою, но близко грядущею жизнью, от предчувствия которой трепещет восторгом **душа** моя, сияет ум и радостно плачет сердце... [Зосима]

8. Нужно лишь малое семя, крохотное: брось он его в **душу** простолюдина, и не умрет оно, будет жить в **душе** его во всю жизнь, таиться в нем среди мрака, среди смрада грехов его, как светлая точка, как великое напоминание[Зосима о вере]

9. Гибель народу без слова божия, ибо жаждет **душа** его слова и всякого прекрасного восприятия. [Зосима]

10. Я вдруг поднялся, спать более не захотел, подошел к окну, отворил — отпиралось у меня в сад, — вижу, восходит солнышко, тепло, прекрасно, зазвенели птички. Что же это, думаю, ощущаю я в **душе** моей как бы нечто позорное и низкое? Не оттого ли, что кровь иду проливать? Нет, думаю, как будто и не оттого. Не оттого ли, что смерти боюсь, боюсь быть убитым? [Зосима. юность]

11. И вдруг сейчас же и догадался, в чём было дело: в том, что я с вечера избил Афанасия! Всё мне вдруг снова представилось, точно вновь повторилось: стоит он предо мною, а я бью его с размаху прямо в лицо, а он держит руки по швам, голову прямо, глаза выпучил как во фронте, вздрагивает с каждым ударом и даже руки поднять, чтобы заслониться, не смеет — и это человек до того доведен, и это человек бьет человека! Экое преступление! Словно игла острая прошла мне всю **душу** насквозь. [Зосима. юность]

12. Всё время, как он говорил это, глядел я ему прямо в лицо и вдруг ощутил к нему сильнейшую доверенность, а кроме того, и необычайное и с моей стороны любопытство, ибо почувствовал, что есть у него в **душе** какая-то своя особая тайна. [Зосима. юность]

13. Ибо привык надеяться на себя одного и от целого отделился единицей, приучил свою **душу** не верить в людскую помощь, в людей и в человечество, и только и трепещет того, что пропадут его деньги и приобретенные им права его. [Зосима. юность]

14. ... Тогда и явится знамение сына человеческого на небеси... Но до тех пор надо всё-таки знамя беречь и нет-нет, а хоть единично должен человек вдруг пример показать и вывести **душу** из уединения на подвиг братолюбивого общения, хотя бы даже и в чине юродивого. Это чтобы не умирала великая мысль...» Вот в таких-то пламенных и восторгающих беседах проходили вечера наши один за другим. Я даже и общество бросил и гораздо реже стал появляться в гостях, кроме того что и мода на меня начала проходить. [Зосима. юность]

15. Да и о любви его к ней никто не знал, ибо был и всегда характера молчаливого и несообщительного, и друга, которому поверял бы **душу** свою, не имел. [Зосима]

16. Но вместо того начала мерещиться ему иная мечта, — мечта, которую считал вначале невозможной и безумной, но которая так присосалась наконец к его сердцу, что и оторвать нельзя было. Мечтал он так: восстать, выйти пред народом и объявить всем, что убил человека. Года три он проходил с этою мечтой, мерещилась она ему все в разных видах. Наконец уверовал всем сердцем своим, что, объявив своё преступление, излечит **душу** свою несомненно и успокоится раз навсегда. Но, уверовав, почувствовал в сердце ужас, ибо: как исполнить? И вдруг произошел этот случай на моем поединке. «Глядя на вас, я теперь решился». [Зосима]

17. А я, бывало, не только что смотреть с любопытством неразумным, я и взглянуть-то на него боялся. Измучен был я до болезни, и **душа** моя была полна слёз. Ночной даже сон потерял. [старец З. о страдальце]

18. «Господи! – мыслю про себя, – о почтении людей думает в такую минуту!» И до того жалко мне стало его тогда, что, кажись, сам бы разделил его участь, лишь бы облегчить его. Вижу, он как иступленный. Ужаснулся я, поняв уже не умом одним, а живою **душой**, чего стоит такая решимость. [старец З. о страдальце]

19. Я молчу, да и рад в **душе**, ибо узрел несомненную милость божию к восставшему на себя и казнившему себя. [старец Зосима о страдальце]

20. Бог сжалился надо мной и зовет к себе. Знаю, что умираю, но радость чувствую и мир после стольких лет впервые. Разом ощутил в **душе** моей рай, только лишь исполнил, что надо было. Теперь уже смею любить детей моих и лобызать их. [страдалец старцу З.]

21. Видал я на фабриках десятилетних даже детей: хилых, чахлах, согбенных и уже развратных. Душная палата, стучащая

машина, весь божий день работы, развратные слова и вино, вино, а то ли надо **душе** такого малого ещё дитяти? Ему надо солнце, детские игры и всюду светлый пример и хоть каплю любви к нему. [старец Зосима]

22. Так что же человек: смотрит на меня и всё не может представить, что я, прежний барин его, офицер, пред ним теперь в таком виде и в такой одежде: заплакал даже. «Чего же ты плачешь, — говорю ему, — незабвенный ты человек, лучше повеселись за меня **душой**, милый, ибо радостен и светел путь мой». [старец Зосима]

23. Запомни ещё: на каждый день и когда лишь можешь, тверди про себя: «Господи, помилуй всех днесь пред тобою представших». Ибо в каждый час и каждое мгновение тысячи людей покидают жизнь свою на сей земле и **души** их становятся пред господом — и сколь многие из них расстались с землею отъединенно, никому не ведомо, в грусти и тоске, что никто-то не пожалеет о них и даже не знает о них вовсе: жили ль они или нет. И вот, может быть, с другого конца земли вознесется ко господу за упокой его и твоя молитва, хотя бы ты и не знал его вовсе, а он тебя. Сколь умирительно **душе** его, ставшей в страхе пред господом, почувствовать в тот миг, что есть и за него молельщик, что осталось на земле человеческое существо, и его любящее. [старец Зосима юноше]

24. Вот ты прошёл мимо малого ребенка, прошёл злобный, со скверным словом, с гневливою **душой**; ты и не заметил, может, ребёнка-то, а он видел тебя, и образ твой, неприглядный и нечестивый, может, в его беззащитном сердечке остался. [старец Зосима]

25. Но горе самим истребившим себя на земле, горе самоубийцам! Мыслю, что уже несчастнее сих и не может быть никого. Грех, рекут нам, о сих бога молить, и церковь наружно их как

бы и отвергает, но мыслю в тайне души моей, что можно бы и за сих помолиться. За любовь не осердится ведь Христос. [старец Зосима]

Защитник на суде

1. Но подсудимый дал ясное и твёрдое показание о том, откуда взял деньги, и если хотите, господа присяжные заседатели, если хотите, – никогда ничего не могло и не может быть вероятнее этого показания и, кроме того, более совместного с характером и душой подсудимого. [защитник]

2. А я отвечу на это, что уж если замыслил такое убийство, да ещё по плану, по написанному, то уж наверно бы не поссорился и с приказчиком, да, может быть, и в трактир не зашёл бы вовсе, потому что душа, замыслившая такое дело, ищет тишины и стушевки, ищет исчезновения, чтобы не видали, чтобы не слышали: „Забудьте-де обо мне, если можете“, и это не по расчёту только, а по инстинкту. [защитник]

3. Господа присяжные, что такое отец, настоящий отец, что это за слово такое великое, какая страшно великая идея в наименовании этом? Мы сейчас только указали отчасти, что такое и чем должен быть истинный отец. В настоящем же деле, которым мы так все теперь заняты, которым болят наши души, – в настоящем деле отец, покойный Фёдор Павлович Карамазов, нисколько не подходил под то понятие об отце, которое сейчас сказалось нашему сердцу. [защитник]

4. Мой клиент рос покровительством Божиим, то есть как дикий зверь. Он, может быть, жаждал увидеть отца после долголетней разлуки, он, может быть, тысячу раз перед тем, вспоминая как сквозь сон свое детство, отгонял отвратительные призраки, приснившиеся

ему в его детстве, и всю **душой** жаждал оправдать и обнять отца своего! [защитник]

5. Его встречают одними циническими насмешками, подозрительностью и крючкотворством из-за спорных денег; он слышит лишь разговоры и житейские правила, от которых воротит сердце, ежедневно „за коньячком“, и, наконец, зрит отца, отбивающего у него, у сына, на его же сыновние деньги, любовницу, – о господа присяжные, это отвратительно и жестоко! И этот же старик всем жалуется на непочтительность и жестокость сына, марает его в обществе, вредит ему, клеветает на него, скупает его долговые расписки, чтобы посадить его в тюрьму! Господа присяжные, эти **души**, эти на вид жестокосердые, буйные и безудержные люди, как мой клиент, бывают, и это чаще всего, чрезвычайно нежны сердцем, только этого не выказывают. [защитник]

6. Распятый человеколюбец, собираясь на крест свой, говорил: „Аз есмь пастырь добрый, пастырь добрый полагает **душу** свою за овцы, да ни одна не погибнет...“ Не погубим и мы **души** человеческой! [защитник]

7. Такое убийство может быть причтено к отцеубийству лишь по предрассудку! Но было ли, было ли это убийство в самом деле, взываю я к вам снова и снова из глубины **души** моей! [защитник]

8. Но хотите ли вы наказать его страшно, грозно, самым ужасным наказанием, какое только можно вообразить, но с тем чтобы спасти и возродить его **душу** навеки? Если так, то подавите его вашим милосердием! Вы увидите, вы услышите, как вздрогнет и ужаснется **душа** его: „Мне ли снести эту милость, мне ли столько любви, я ли достоин её“, – вот что он воскликнет! [защитник]

9. Есть души, которые в ограниченности своей обвиняют весь свет. Но подавите эту душу милосердием, окажите ей любовь, и она проклянет своё дело, ибо в ней столько добрых зачатков. Душа расширится и узрит, как Бог милосерд и как люди прекрасны и справедливы. [защитник]

Прокурор на суде

1. Ввиду всего этого решите сами: чему же нам верить и на чём остановиться? И не претендуйте на нас, что мы «холодные циники и насмешливые люди», которые не в состоянии верить благородным порывам вашей души... [прокурор Ипполит Кириллович]

2. Пусть это изверг, но я теперь, в наше время, не смею уже сказать, что это только единичный изверг. Другой и не зарежет, но подумает и почувствует точно так же, как он, в душе своей бесчестен точно так же, как он. В тиши, наедине со своею совестью, может быть, спрашивает себя: «Да что такое честь, и не предрассудок ли кровь?» [обвинитель]

3. Не думаю настойчиво утверждать, — продолжал Ипполит Кириллович, — что до этой сцены подсудимый уже обдуманно и преднамеренно положил покончить с отцом своим убийством его. Тем не менее идея эта уже несколько раз предстояла ему, и он обдуманно созерцал её — на это мы имеем факты, свидетелей и собственное сознание его. Признаюсь, господа присяжные заседатели, — присовокупил Ипполит Кириллович, — я даже сегодня колебался оставить за подсудимым полное и сознательное преднамерение напращивавшегося к нему преступления. Я твердо был убежден, что душа его уже многократно созерцала роковой момент впереди, но лишь созерцала, представляла его себе лишь в возможности, но ещё не определяла ни срока исполнения, ни обстоятельств. [обвинитель]

4. Но мигом поняв больным сердцем своим, что, может быть, потому-то эта женщина и скрывала этого нового соперника, потому-то и обманывала его давеча, что этот вновь прилетевший соперник был слишком для неё не фантазией и не фикцией, а составлял для неё всё, всё её упование в жизни, — мигом поняв это, он смирился. Что же, господа присяжные, я не могу обойти умолчанием эту внезапную черту в **душе** подсудимого, который бы, казалось, ни за что не способен был проявить её, высказалась вдруг неумолимая потребность правды, уважения к женщине, признания прав её сердца, и когда же— в тот момент, когда из-за неё же он обагрил свои руки кровью отца своего! Правда и то, что и пролитая кровь уже закричала в эту минуту об отмщении, ибо он, погубивший **душу** свою и всю земную судьбу свою, он невольно должен был почувствовать и спросить себя в то мгновение: «Что значит он и что может он значить теперь для неё, для этого любимого им больше **души** своей существа, в сравнении с этим «прежним» и «бесспорным», покаявшимся и воротившимся к этой когда-то погубленной им женщине с новой любовью, с предложениями честными, с обетом возрожденной и уже счастливой жизни. А он, несчастный, что даст ей он теперь, что ей предложит?» Карамазов всё это понял, понял, что преступление его заперло все дороги и что он лишь приговоренный к казни преступник, а не человек, которому жить! [обвинитель]

5. «К ней, к ней, — и там, о, там я задаю пир на весь мир, такой, какого ещё не бывало, чтобы помнили и долго рассказывали. Среди диких криков, безумных цыганских песен и плясок мы подыдем бокал и поздравим обожаемую женщину с её новым счастьем, а затем — тут же, у ног её, разможем перед нею наш череп и казним нашу жизнь! Вспомнит когда-нибудь Митю Карамазова, увидит, как любил её Митя, пожалеет Митю!» Много картинности, романтического исступления, дикого карамазовского без удержу и

чувствительности — ну и ещё чего-то другого, господа присяжные, чего-то, что кричит в **душе**, стучит в уме неустанно и отравляет его сердце до смерти; это что-то — совесть, господа присяжные, это суд её, это страшные её угрызения! [обвинитель]

6. Дело в том, что почти с первых же минут в Мокром он видит и, наконец, постигает совершенно, что «беспорный» соперник его вовсе, может быть, уж не так беспорен и что поздравлений с новым счастьем и заздравного бокала от него не хотят и не принимают. Но вы уже знаете факты, господа присяжные, по судебному следствию. Торжество Карамазова над соперником оказалось неоспоримым и тут — о, тут начался совсем уже новый фазис в его **душе**, и даже самый страшный фазис изо всех, какие пережила и ещё переживет когда-либо эта **душа**! Положительно можно признать, господа присяжные, — воскликнул Ипполит Кириллович, — что поруганная природа и преступное сердце— сами за себя мстители полнее всякого земного правосудия! [обвинитель]

7. Я представляю себе тогдашнее состояние **души** преступника в беспорном рабском подчинении трём элементам, подавившим её совершенно: во-первых, пьяное состояние, чад и гам, топот пляски, визг песен, и она, она, покрасневшая от вина, поющая и пляшущая, пьяная и смеющаяся ему! Во-вторых, ободряющая отдалённая мечта о том, что роковая развязка ещё далеко, по крайней мере не близко, — разве на другой только день, лишь наутро придут и возьмут его. [обвинитель]

8. «Ещё там не успели, — думает он, — ещё можно что-нибудь подыскать, о, ещё будет время сочинить план защиты, сообразить отпор, а теперь, теперь — теперь она так прелестна!» Смутно и страшно в **душе** его, но он успевает, однако же, отложить от своих денег половину и где-то их спрятать... [обвинитель]

9. Это минуты, когда все инстинкты самосохранения восстают в нём разом и он, спасая себя, глядит на вас пронизывающим взглядом, вопрошающим и страдающим, ловит и изучает вас, ваше лицо, ваши мысли, ждет, с которого боку вы ударите, и создает мгновенно в сотрясающемся уме своем тысячи планов, но все-таки боится говорить, боится проговориться! Эти унижительные моменты души человеческой, это хождение её по мытарствам, эта животная жажда самоспасения – ужасны и вызывают иногда содрогание и сострадание к преступнику даже в следователе! [обвинитель]

Воображаемый собеседник Ивана Фёдоровича Карамазова

1. Я икс в неопределенном уравнении. Я какой-то призрак жизни, который потерял все концы и начала, и даже сам позабыл наконец, как и назвать себя. Ты смеёшься... нет, ты не смеёшься, ты опять сердисься. Ты вечно сердисься, тебе бы все только ума, а я опять-таки повторю тебе, что я отдал бы всю эту надзвездную жизнь, все чины и почести за то только, чтобы воплотиться в душу семипудовой купчихи и богу свечки ставить. [Воображаемый собеседник Ивану]

2. Легенда-то эта об рае. Был, дескать, здесь у вас на земле один такой мыслитель и философ, «всё отвергал, законы, совесть, веру», а главное – будущую жизнь. Помер, думал, что прямо во мрак и смерть, а перед ним – будущая жизнь. Изумился и вознегодовал: «Это, говорит, противоречит моим убеждениям». Вот его за это и присудили... то есть, видишь, ты меня извини, я ведь передаю сам, что слышал, это только легенда... присудили, видишь, его, чтобы прошёл во мраке квадриллион километров (у нас ведь теперь на километры), и когда кончит этот квадриллион, то тогда ему отворят райские двери и всё простят...

– А какие муки у вас на том свете, кроме-то квадриллиона? – с каким-то странным оживлением прервал Иван.

– Какие муки? Ах, и не спрашивай: прежде было и так и сяк, а ныне всё больше нравственные пошли, «угрызения совести» и весь этот вздор. Это тоже от вас завелось, от «смягчения ваших нравов». Ну и кто же выиграл, выиграли одни бессовестные, потому что ж ему за угрызения совести, когда и совести-то нет вовсе. Зато пострадали люди порядочные, у которых ещё оставалась совесть и честь... То-то вот реформы-то на неприготовленную-то почву, да ещё списанные с чужих учреждений, – один только вред! Древний огонек-то лучше бы. Ну, так вот этот осужденный на квадриллион постоял, посмотрел и лёг поперёк дороги: «Не хочу идти, из принципа не пойду!» Возьми **душу** русского просвещенного атеиста и смешай с **душой** пророка Ионы, будировавшего во чреве китове три дня и три ночи, – вот тебе характер этого улегшегося на дороге мыслителя. [Воображаемый собеседник Ивану]

3. А цель моя благородная. Я в тебя только крохотное семечко веры брошу, а из него вырастет дуб — да ещё такой дуб, что ты, сидя на дубе-то, в «отцы пустынники и в жены непорочны» пожелаешь вступить; ибо тебе очень, очень того втайне хочется, акриды кушать будешь, спасаться в пустыню потащишься!

— Так ты, негодяй, для спасения моей **души** стараешься?

— Надо же хоть когда-нибудь доброе дело сделать. Злишься-то ты, злишься, как я погляжу!

— Шут! А искушал ты когда-нибудь вот таких-то, вот что акриды-то едят, да по семнадцати лет в голой пустыне молятся, мхом обросли?

— Голубчик мой, только это и делал. Весь мир и миры забудешь, а к одному этакому прилепишься, потому что бриллиант-то уж очень драгоценен; одна ведь такая **душа** стоит иной раз целого созвездия — у нас ведь своя арифметика. [Воображаемый собеседник Ивану]

4. Я, может быть, единственный человек во всей природе, который любит истину и искренно желает добра. Я был при том, когда умершее на кресте Слово восходило в небо, неся на персях своих **душу** распятого одесную разбойника, я слышал радостные взвизги херувимов, поющих и вопиющих: «Осанна», и громовой вопль восторга серафимов, от которого потряслось небо и всё мироздание. И вот, клянусь же всем, что есть свято, я хотел примкнуть к хору и крикнуть со всеми: «Осанна!» Уже слетало, уже рвалось из груди... я ведь, ты знаешь, очень чувствителен и художественно восприимчив. Но здравый смысл — о, самое несчастное свойство моей природы — удержал меня и тут в должных границах, и я пропустил мгновение! [Воображаемый собеседник Ивану]

5. Я ведь знаю, в конце концов я помирюсь, дойду и я мой квадриллион и узнаю секрет. Но пока это произойдет, будирую и скрепя сердце исполняю моё назначение: губить тысячи, чтобы спасся один. Сколько, например, надо было погубить **душ** и опозорить честных репутаций, чтобы получить одного только праведного Иова, на котором меня так зло поддели во время оно! [Воображаемый собеседник Ивану]

Груша

1. ...да что ж ты надо мной теперь делаешь: всю воззвал, истерзал, и опять теперь эта ночь, опять мне одной оставаться!

— Не ночевать же ему у тебя? А коли хочет — пусть! Я и один уйду! — язвительно подшутил Ракитин.

— Молчи, злая **душа**, — яростно крикнула ему Грушенька, — никогда ты мне таких слов не говорил, какие он мне пришёл сказать. [Грушенька]

2. А ведь и впрямь, — с серьезным удивлением ввернул вдруг Ракитин. — ведь она тебя, Алёша, в самом деле боится, цыпленка этакого.

— Это для тебя, Ракитка, он цыпленок, вот что...потому что у тебя совести нет, вот что! Я, видишь, я люблю его **душой**, вот что! Веришь, Алёша, что я люблю тебя всю **душой**? [Грушенька]

3. И хоть не тем **душа** моя теперь полна, а так и быть, выпью и я с вами, дебоширить хочется! [Грушенька]

4. Ехала я сюда с Тимофеем и всё-то думала, всю дорогу думала: «Как встречу его, что-то скажу, как глядеть-то мы друг на друга будем?..» Вся **душа** замирала, и вот он меня тут точно из шайки помоями окатил. Точно учитель говорит: всё такое ученое, важное, встретил так важно, так я и стала в тупик. [Грушенька]

5. — Это я, я, окаянная, я виновата! — прокричала она раздирающим **душю** воплем, вся в слезах, простирая ко всем руки, — это из-за меня он убил!.. Это я его измучила и до того довела! [Грушенька]

6. Митя мне сам сказал, что секрет, и, знаешь, такой секрет, что Митя и успокоиться не может. А ведь прежде был весёлый, да он и теперь весёлый, только, знаешь, когда начнёт этак головой мотать, да по комнате шагать, а вот этим правым пальцем себе тут на виске волосы теревить, то уж я знаю, что у него что-то беспокойное на **душе**... я уж знаю!.. [Грушенька Алёше]

Госпожа Хохлакова

1. Послушайте, вы целитель, вы знаток души человеческой; я, конечно не смею претендовать на то, чтобы вы мне совершенно верили, но уверяю вас самым великим словом, что я не из легкомыслия теперь говорю, что мысль эта о будущей загробной жизни до страдания волнует меня, до ужаса и испуга... [Хохлакова]

2. Милый Алексей Фёдорович, я вам доверяю мою Лизу вполне. После смерти старца Зосимы — упокой господи его душу! (Она перекрестилась.), — после него я смотрю на вас как на схимника, хотя вы и премило носите ваш новый костюм. [Госпожа Хохлакова]

Игумен

1. Принимаете сотрапезника? — Милости просим от всего сердца, — ответил игумен. — Господа! Позволю ли себе, — прибавил он вдруг, — просить вас от всей души, оставив случайные распри ваши, сойтись в любви и родственном согласии, с молитвой ко господу, за смиренною трапезою нашей... [игумен]

2. — Простите, — сказал вдруг игумен. — Было сказано издревле: «И начат глаголати на мя многая некая, даже и до скверных неких вещей. Аз же всяслышав, глаголах в себе: се врачество Иисусово есть и послал исцелити тщеславную душу мою». А потому и мы благодарим вас с покорностью, гость драгоценный! И он поклонился Фёдору Павловичу в пояс. [игумен]

Душевнобольная жена штабс-капитана

1. Александр Александрович превосходнейшей души человек, а Настасья, говорит, Петровна, это исчадие ада [Душевнобольная жена штабс-капитана]

2. И так это у меня с того самого времени на **душе** сидит, что намерднись сижу я вот здесь, как теперь, и вижу, тот самый генерал вошёл, что на святую сюда приезжал: «Что, — говорю ему, — ваше превосходительство, можно ли благородной даме воздух свободный впускать?» — «Да, отвечает, надо бы у вас форточку али дверь отворить, по тому самому, что у вас воздух несвежий». Ну и все-то так! А и что им мой воздух дался? [Душевнобольная жена штабс-капитана]

Лиза Хохлакова

1. Lise захлопала в ладошки. — Ах, это правда, ах, я это ужасно вдруг поняла! Ах, Алёша, как вы всё это знаете? Такой молодой, и уж знает, что в **душе**... Я бы никогда этого не выдумала... [Лиза]

2. Слушайте, Алексей Фёдорович, нет ли тут во всём этом рассуждении нашем, то есть вашем... нет, уж лучше нашем... нет ли тут презрения к нему, к этому несчастному... в том, что мы так его **душу** теперь разбираем, свысока точно, а? В том, что так наверно решили теперь, что он деньги примет, а? [Lise]

Михаил Макарович Макаров

1. В делах Михаил Макарович был не совсем далёк, но должность свою исполнял не хуже многих других. Если прямо сказать, то был он человек довольно-таки необразованный и даже беспечный в ясном понимании пределов своей административной власти. Иных реформ современного царствования он не то что не мог вполне осмыслить, но понимал их с некоторыми, иногда весьма заметными, ошибками и вовсе не по особенной какой-нибудь своей неспособности, а просто по беспечности своего характера, потому что всё некогда было вникнуть. «**Души** я, господа, более военной, чем

гражданской», — выражался он сам о себе. Даже о точных основаниях крестьянской реформы он всё еще как бы не приобрел окончательного и твердого понятия и узнавал о них, так сказать, из года в год, приумножая свои знания практически и невольно, а между тем сам был помещиком. [Михаил Макарович Макаров]

2. «С хорошею, может быть, **душой** был человек, а вот пропал, как швед, от пьянства и беспорядка!» [Исправник Михаил Макарович, мысли]

Коля Красоткин

1. — Можешь ты мне поклясться всем, что есть святого в этом мире, и сверх того чем-нибудь ещё, что будешь наблюдать за пузырями в моё отсутствие неустанно? Я уйду со двора.

— А зачем я тебе клястись стану? — засмеялась Агафья, — и так присмотрю.

— Нет, не иначе как поклявшись вечным спасением **души** твоей. Иначе не уйду. [Красоткин]

2. Латынь я зубрю, потому что надо, потому что я обещался матери кончить курс, а по-моему, за что взялся, то уж делать хорошо, но в **душе** глубоко презираю классицизм и всю эту подлость... [Коля Алёше]

Катерина Ивановна

За то и любила тебя, что ты сердцем великодушен! — вырвалось вдруг у Кати. — Да и не надо тебе мое прощение, а мне твоё; всё равно, простишь аль нет, на всю жизнь в моей **душе** язвой останешься, а я в твоей — так и надо... [Катя Мите]

1 Женщина, пришедшая к старцу Зосиме

Последний сыночек оставался, четверо было у нас с Никитушкой, да не стоят у нас детушки, не стоят, желанный, не стоят. Трёх первых схоронила я, не жалела я их очень-то, а этого последнего схоронила и забыть его не могу. Вот точно он тут предо мной стоит, не отходит. Душу мне иссушил. Посмотрю на его бельишечко, на рубашоночку аль на сапожки и взвою. Разложу, что после него осталось, всякую вещь его, смотрю и вою. [женщина 1, пришедшая к о. Зосиме]

2 Женщина, пришедшая к старцу Зосиме

Два раза оттуда писал, а тут вот уже год писать перестал. Справлялась она о нём, да, по правде, не знает, где и справиться-то.

— Только и говорит мне намедни Степанида Ильинична Бедрягина, купчиха она, богатая: возьми ты, говорит, Прохоровна, и напиши ты, говорит, сыночка своего в поминанье, снеси в церковь, да и помяни за упокой. Душа-то его, говорит, затоскует, он и напишет письмо. [женщина 2, пришедшая к о. Зосиме]

Крестьянка, пришедшая к старцу Зосиме

А старец уже заметил в толпе два горящие, стремящиеся к нему взгляда изнуренной, на вид чахоточной, хотя и молодой ещё крестьянки. Она глядела молча, глаза просили о чём-то, но она как бы боялась приблизиться. — Ты с чем, родненькая? — Разреши мою душу, родимый, — тихо и не спеша промолвила она, стала на колени и поклонилась ему в ноги. — Согрешила, отец родной, греха моего боюсь. [крестьянка]

Трифон Борисыч

А сколько у них тогда просто украли-с! Ведь кто украл, тот руки своей не оставил, где же его поймать, вора-то-с, когда сами зря разбрасывали! Ведь у нас народ разбойник, душу свою не хранят. [Трифон Борисыч]

Отец Паисий

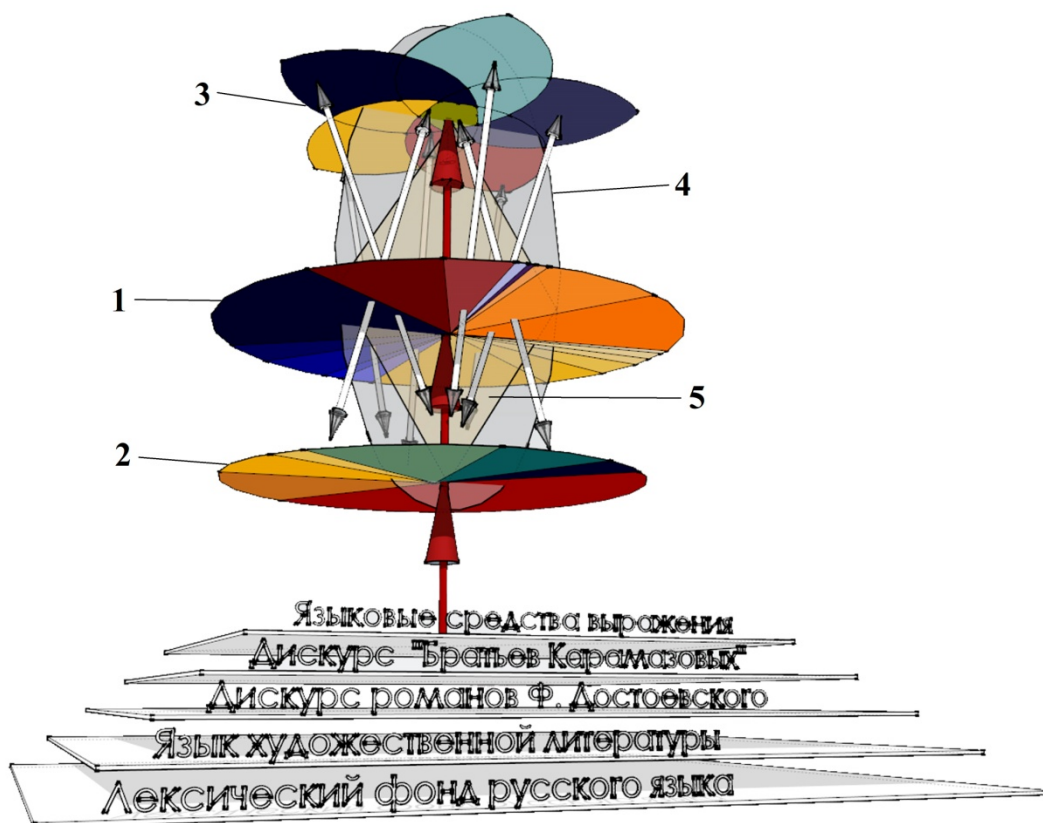
...мирская наука, соединившись в великую силу, разобрала, в последний век особенно, всё, что завещано в книгах святых нам небесного, и после жестокого анализа у ученых мира сего не осталось из всей прежней святыни решительно ничего. Но разбирали они по частям, а целое просмотрели, и даже удивления достойно, до какой слепоты. Тогда как целое стоит пред их же глазами незыблемо, как и прежде, и врата адовы не одолевают его. Разве не жило оно девятнадцать веков, разве не живёт и теперь в движениях единичных **душ** и в движениях народных масс? Даже в движениях **душ** тех же самых, всё разрушивших атеистов живёт оно, как прежде, незыблемо!
[о. Паисий]

Пётр Фомич Калганов

Вообразите, например, он претендует (вчера всю дорогу спорил), что Гоголь в «Мёртвых **душах**» это про него сочинил. [Калганов про пана]

Приложение 2.

Схема 1. Лексико-семантическое поле «душа» (на материале романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»)

Условные обозначения:

1. Опорное миниполе;
2. Миниполе основных содержательных планов;
3. Дискурсивное миниполе центральных персонажей романа «Братья Карамазовы»;
4. Зона авторских синтагм с компонентом *душа* в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»;
5. Зона ядерных элементов ЛСП *душа*.

